

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

30 сентября – 3 октября 1935 г.

Соловки

1935.IX.30. Соловки № 32. Дорогая Аннуля, вот я снова переменил место своего жительства. Сейчас обитаю в Кремле¹. В камере множество людей, что-то и счета им не знаю. Конечно, при таких условиях не только занятия, но даже и письмо становится невозможностью, тем более, что писать не на чем, т.е. нет стола. Работаю в проектном бюро², занятия дважды в день, так что возвращаюсь после вечерних занятий часов в 11 с чем-то. Хорошо хоть то, что люди в камере приличные, из бюро.

X.1. Пока писал это письмо, пришло время вновь переселиться, вероятно завтра. В камере нас будет пятеро, а м.б. и четверо. Тут теперь явна уже близость зимы: хотя деревья стоят в золотом и бронзовом уборе, однако иногда идет снег, правда скоро тающий. Временами дуют холодные свирепые ветры, а потом сразу прекращаются. Ты интересовалась моей

Корпус
у Никольских ворот,
где в 1930-е гг.
размещались
сотрудники Йодпрома.
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

едой: обедаю и завтракаю в ИТР-овской столовой, готовят там хорошо и, на мое счастье*, мясная еда, которую мне приходилось кому-нибудь отдавать, теперь бывает редко. Вообще я вполне сыт и мне тяжело думать о том, что вы не обеспечены даже необходимым. На службу мне из Кремля ходу минут 8, дорога идет по набережной Святого озера и за ним – красивый золотой лес. Озеро глубокое, уровень воды все время разный, так как воду то напускают через шлюзы из других озер, то спускают для нужд электрической станции. В ветер по озеру бегут настоящие волны, разбивающиеся о каменную облицовку набережной. Досадно мне, что я, почти закончив первую песнь «Оро», не могу из за* переселений доделать эту вещь. В неоконченном виде я читал ее одному знакомому³, знатоку ДВ и Забайкалья, и получил от него одобрение. Хотелось бы, чтобы она была прочитана вами, так как пишется только для вас. Недавно узнал о высокой технике здешних древних построек: в каменной стене, толщиной в 1–1½ метра, устроена тепловая и противосыростная изоляция из слоя древесного угля. Здание начала XVI века.

Х.З. Сегодня получил письмо от мамы, но не знаю, получила ли она мое. Сообщает, что Кира все еще не приехал. Надеюсь, что ты сообщишь мне обратное. Вчера переселился в новую комнату⁴. Сейчас нас там четверо, но будет и пятый. Эта комната, размерами в ...х... м¹ для четверых довольно свободная. Большинство зданий здесь старинные, с толстыми каменными стенами. У нас, с чердака, деревянные кровати⁵; по вырезанным ножом надписям видно, что кровати сделаны в первых годах XX века, конечно домашней, самой простой работы, именные, т.е. с именами старых владельцев. Однако, не знаю почему, в Кремле и в кремлевских помещениях ничуть не чувствуется старина, нет никакой поэзии древности – бездушно все и тупо. А казалось бы, должно быть иначе. Это впечатление у меня не только не проходит, но усиливается. Крепко целую тебя, дорогая.

Дорогая Оля, наладились ли твои занятия? Как твоя голова? Ты давно не писала мне, да и вообще я с нетерпением жду известий от вас, но не получаю. Ты спрашивала меня о поэме

I Цифры в письме не указаны.

Вячеслав
Иванович
Иванов

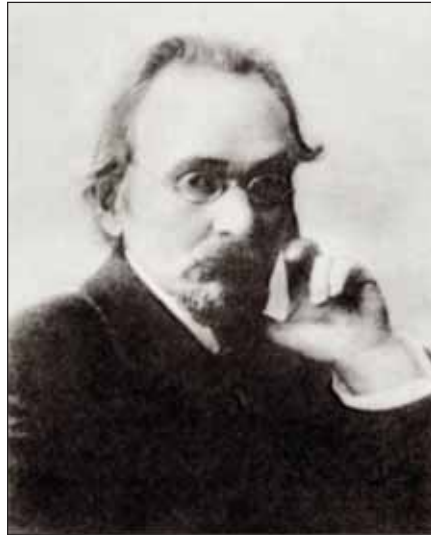
будет таковым: чтобы понимать его – надо много знать, ибо его поэзия есть вместе с тем и философия.

Нет места писать дальше. Крепко целую тебя, дорогая.

Дорогая Тика, чаек нет, и я не знаю, как ты живешь. Придется тебе писать папе почаще, а летом, когда чайки прилетят, они наверное станут снова рассказывать* о тебе. Присылаю тебе рисунок с белки, жившей на Биосаде. Рисунок этот сделан на простой фильтровальной бумаге, которую я пропитал альгином – проклеил особым веществом из водорослей. Как видишь, после такой пропитки тушь не расплывается, и бумага стала пригодной для рисования. Особенно хорошо ложится на ней акварель. Рисунок этот сделан одним молодым человеком, моим приятелем. Кланяйся бабушке и Микиной Кате. Поцелуй от папы мамочку. Кланяюсь всем твои куклам. Напиши, что ты теперь играешь.

Белого «Свидания»⁶; я не читал ее и даже не видел, так что сказать ничего не могу. Теперь о Вяч. Иванове. Под гениальностью, в отличие от талантливости, я разумею способность видеть мир по новому* и воплощать свои совершенно новые аспекты мира. Талантливость же есть способность работать по открытым гением аспектам и применять их. В жизни я встретил 3 человека, за которыми признал гениальность: Розанов, Белый, Вяч. Иванов. Гениальность есть особое качество, она м.б. большой и малой, равно как и талантливость. Не берусь судить, насколько велика гениальность этих людей, но знаю, что у них было это особое качество. Но Андрей Белый был совсем не талантлив, Розанов – мало талантлив, а В.Иванов обладал, при гениальности меньшей, большею талантливостью. Он сумел проникнуть изнутри в эллинизм и сделать его своим достоянием. Его познания очень значительны, и потому он – поэт для немногих и всегда

Василий
Васильевич
Розанов

Андрей
Белый

Дорогой Кирилл, последний раз я, кажется, не писал тебе в виду твоего отсутствия. Поэтому начинаю письмо с тебя. Вот уж сколько времени ничего не знаю о тебе и беспокоюсь. Здоров ли? Как устроился с учением? С квартирой и с едою? Непременно сообщи поскорее. Мои мысли только с вами, и потому беспокойство особенно дает себя знать. Хочу написать тебе о книге, которою сейчас занят. Это – вогульский эпос, собранный и обработанный М.А.Плотниковым в виде эпической поэмы «Янгал-Маа» («Academia»). Тот же материал или точнее поэму переработал С.Клычков⁷, но испортил ее, хотя и сделал более легко читаемой. Плотниковская поэма свежа, насыщена и подлинна, хотя есть и второстепенные мелкие недостатки. Постарайся прочесть ее. В частности узнал я из нее, что тунгусам был известен александрит: из александрита были сделаны глаза у идола бога Мейка. Интересно выяснить, есть ли по Оби месторождение александрита, или эти глаза были с Урала. Нашел в поэме ряд вогульских слов, вошедших в рус. язык: гус – музыкальный инструмент в виде лебедя (очевидно отсюда гусли; о лебедях ср. в «Слове о Полку Игореве»); падь – лог; чум – шалаш; тамга – родовой знак; рухлядь – пушнина; кур – печь, очаг (ср. курень); ляга – мокрое болото (ср. лягушка); коми – зыряннин (ср. Кемь); постели – олени шкуры с невыделанной мездрой (ср. постель?); кошка – четырехконечный якорь (ср. морская кошка – многоконечная плеть); кресало – огниво (то же,

Белка.
Рисунок неизвестного
заключенного. 1935 г.
Архив семьи Флоренских

[что] русск. слово кресало); сват – богатырь; гнус (то же, что русск. насекомые); сор – низкий берег, поросший кустарником.

Теперь сообщу некоторые сведения⁸ об индейцах САСШ. До 1900 г. они быстро вымирали и число их стало малым. Американцы считают индейцев расой с хорошими задатками и потому, обезпеченное этим вымиранием, амер. правительство приняло ряд мер покровительственного характера. Было выделено около 5 районов («индейский резерв»), в которых земля не могла быть продаваема; было установлено поощрение браков смешанных с белыми; было организовано покровительство индейским кустарным промыслам, причем продукцию покупало правительство, и т.д. В результате, как показала последняя перепись, индейцы ста-

ли размножаться и опасность их исчезновения миновала. Они смыслены, ловки, красивы, хотя, как говорили мне, лица у них очень стандартны: четко очерченный профиль, гордое выражение лица. Одеваются нарядно, даже пышно – носят серебряные и золотые браслеты в большом числе, какие-то ценные бисерные украшения вроде эпитрахили, стоящие* более 200 долларов по рыночной (не музейной) цене. Очень гостеприимны. У них около 8 сортов кукурузы – разных цветов: красная, желтая, белая, пурпурная, фиолетовая и т.д., дающих соответственного цвета муку. Из такой разноцветной муки пекутся для гостей многоцветные лепешки: раскатывается в лист тесто одного цвета, в нем делаются фигурные дыры, которые заполняются тестом другого цвета, и т.д., так что лепешка выходит нарядной, – хотя вкус теста из кукурузы разных цветов одинаков во всех случаях. Куперовские⁹ свойства в теперешних индейцах совершенно отсутствуют: набегами индейцы не занимаются, скальпов не снимают, в плен никого не берут, а выделывают особые ковры, не художественные, но очень добротные, чеканят серебряные изделия и ведут сельскохозяйственные работы. Вот что я узнал об индейцах. Крепко целую тебя, дорогой, и жду письма.

Дорогой Мик, сегодня я смотрел у одного знакомого «фотографию» гриба и мне она очень понравилась. Она делается так: бумага намазывается гуммиарабиком и на нее кладется шляпка гриба, пластинками вниз. Осыпающиеся споры дают на бумаге красивый отпечаток строения гриба. Гриб затем снимается (его кладут на сутки, например), гуммиарабик подсыхает и закрепляет изображение. Можно потом закрепить его еще прочнее лаком. Этот знакомый¹⁰ все время придумывает разные интересные изделия. Например из местных камней на доске выложил и приклеил столярным клеем изображение Кремля, потом букет роз; получается красивая мозаика. Кажется, я писал тебе об его гербарие* для упражнений в арифметике и в геометрии. Затем он делает пером (тушью) рисунки на стекле, портреты, и вешает их так, чтобы рисунок был виден на просвет. Сообщаю тебе (а ты скажи Васе и Кире) способ сделать восковую бумагу очень прозрачной, что весьма полезно при снятии на нее копий: бумагу протирают машинным (минеральным) маслом при помощи тампона из ваты, а затем таким же тампоном протирают сухим, посыпая бумагу мелом (зубным порошком).

Вангенгейм А.Ф.
Соловецкий кремль.
Дробленный камень.
1935 г. Архив
Э.А.Вангенгейм

Тогда бумага становится прозрачной, но тушь на ней ложится хорошо. В письме к Кире не было места докончить относительно индейцев. Я спросил, какого они цвета. Мне было сказано, что такого же, как и мы все. Тогда я спросил, почему же их называют краснокожими. «А это потому, что американцы блее нас, русских, и блее индейцев, так что индейцы в американской среде кажутся более темными. На улице, напр., индейца сразу не заметишь, если глаз неопытен[»]. Забыл я еще написать, что индейцы ходят с головными украшениями из перьев, доходящими до земли, и в мохнатых штанах. Крепко целую тебя, дорогой. Заботься о мамочке и не огорчай ее.

Конверт (160×103 мм) кустарный, розовый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 12.10.35; Пушкино – 17.10.35; Загорск – 17.10.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Основное».

Приемная заместителя
Соловецкого монастыря.
За столом иеромонах
Маркелл (Колесников).

Во времена лагеря
это была большая
камера, в которой
жили П.А.Флоренский
и Р.Н.Литвинов
(27.09.35–02.10.35).
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

Павел
Альбертович
Ивенсен

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 17 октября 1935 г.».
Письмо на двойном листе (295×215 мм) пожелтевшей нелитованной бумаги. Чернила фиолетовые.

В конверт вложен листок (98×130 мм) с рисунком белки. Автор рисунка неизвестен.

1. Речь идет о камере на третьем этаже корпуса у Никольских ворот, в северном дворе монастыря. В настоящее время это приемная наместника Соловецкого монастыря.

Из письма Р.Н.Литвинова: «...мы перетащились в камеру на 32 человека, меблированную в стиле вагона III класса. Общество там было совершенно прилично. Исключительно работники проектного бюро...» (7 октября 1935 г.).

2. В конце августа 1935 г. П.А.Флоренский и Р.Н.Литвинов были определены на временную работу в проектное бюро, которое располагалось в двухэтажном административном здании в южной части поселка, где размещались деревянные бараки рабочего городка. Это особое учреждение, типа знаменитых «шарашек», было укомплектовано высококвалифицированными специалистами, которых свозили со всей России для того, чтобы проектировать громадные стройки и промышленные комбинаты Севера.

Но сначала необходимые специалисты превращались государством в заключенных, получали в судебном порядке необходимые (для производства проектных работ) сроки исправительно-трудовых работ. «Из восемнадцати человек, с которыми я встретился на перпункте в Бутырках и совершил путешествие из Москвы в Соловки, большинство были люди пожилые. Крупные инженеры, профессора, иностранные специалисты. Их специально привезли для работы в проектном бюро» (Чирков Ю.И. А было все так... С. 20).

Вероятно, в проектном бюро велась подготовка к открытию промышленного участка Йодпрома, в которой были заняты и бывшие сотрудники химлаборатории. Из письма Р.Н.Литвинова: «На работу хожу в бюро – здание на другом берегу озера. Стоят чертежные столы, люди чертят и считают точно так же, как и на воле» (6 сентября 1935 г.).

Узник Соловецкого лагеря авиаконструктор П.А.Ивенсен вспоминал: «Администрация <...> перебросила меня в лагерное Проектно-Сметное бюро разрабатывать конструкции для Пинтуской судовой верфи, так как Соловки в то время входили в состав Беломорско-Балтийского комбината НКВД, считаясь его Восьмым отделением.

Однажды мы получили задание спроектировать транспортную систему. Я предложил три разных конструкции. Самый красивый вариант – способ транспортировки грузов на воздушной подушке, но он требовал предварительного эксперимента <...> По рекомендации профессора Р.Н.Литвинова я обратился к техническому руководителю лагерного Йодного завода профессору по кличке “Химик” – П.А.Флоренскому.

Келья послушников
Соловецкого монастыря.
Во времена лагеря
здесь была небольшая
камера, в которой
жили П.А.Флоренский
и Р.Н.Литвинов
(02.10.35–20.02.36)
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

Эта камера находилась на втором этаже корпуса у Никольских ворот. Сейчас здесь располагается келья послушников Соловецкого монастыря, рядом – домовая церковь.

5. Кроватями в новой камере были старые монастырские диваны со спинками, такие еще можно найти на Соловках у некоторых жителей.

6. Поэма Андрея Белого «Первое свидание» впервые опубликована в газете «Знамя» (Берлин, 1921. № 2). Позже отдельные части поэмы выходили под разными названиями.

7. *Плотников МА.* Янгал-Маа. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе. М.–Л.: Academia, 1933.

Клычков С. Мадур Ваза победитель. Вольная обработка поэмы «Янгал-маа» // *Плотников МА.* Янгал-Маа. Вогульская поэма со статьей автора о вогульском эпосе. М.–Л.: Academia, 1933.

8. По мнению соловчанина И.А.Викентьева, сведения о Северной Америке, Австралии, Англии, Японии П.А.Флоренский мог получать от своего вероятного собеседника Е.И.Гендлина.

9. Речь идет о качествах, которыми наделены индейцы в романах американского писателя Д.Ф.Купера, рассказывающих о героических и трагических событиях колонизации Северной Америки («Пионеры», 1823, «Последний из могикиан», 1826, и др.).

Павел Александрович расспросил меня о разрабатываемом проекте транспортной системы очень подробно: как, что, зачем. <...>

– Да, это перспективно. Я постараюсь вам помочь, – сказал он.

И действительно помог, разыскал компрессор, переделанный из мотора. <...> То, что лагерный «Химик» – Павел Флоренский – это один из известнейших ученых, я и не догадывался» (*Ивенсен ПА.* Из воспоминаний // *Бродский ЮА.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002. С. 459).

О П.А.Ивенсене см.: *Олексенко АИ.* «Я не мог не конструировать» // *Соловецкий вестник.* 1991. Октябрь. № 19 (36).

3. Этот заключенный остался неизвестен. Среди приговоренных к ВМН таких несколько, в т.ч. П.П.Подосенов и Г.И.Черемных.

4. Описание камеры дает Р.Н.Литвинов: «...я совершил переход в этаж пониже, уже в келию, где нас 4 человека. Первый из них – твой муж, которого бы ты не узнала, такая у него длинная борода. Второй – мой сожитель по Биосаду, ученый, математик и философ. И еще два инженера» (7 октября 1935 г.).

10. Талантливый заключенный, о котором пишет П.А.Флоренский, – А.Ф.Вангенгейм. Из писем А.Ф.Вангенгейма: «...в свободные минуты занимаюсь рисованием из камня на дереве. Получил разрешение на посылку первой своей работы – шкатулки для Эли. Все камни на шкатулке – с Попова острова, добавлен кирпич и каменный уголь» (25 июня 1934 г.); «...получил разрешение на отправку чернильного прибора с рисунком из камня» (сентябрь 1934 г.).

Такого же рода задания Вангенгейм порой получал и от руководства лагеря: «...из камня сделать картину из жизни ББК к годовщине» (9 августа 1934 г.); «Кончаю заглавную страницу книги из фанеры по животноводству. Из камня выкладываю черно-белого быка на фоне луга и неба. Получается недурно. Кругом надпись из камня» (1 сентября 1934 г.).

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

4 октября 1935 г.

№ 74 <...> Писем нет. Издательства продолжают <...> До сих пор писал по 4–5 в месяц. <...> До сих пор еще не знаю, получили ли мою ботаническую арифметику, не имею твоего отзыва, отношения к ней моего дорогого Эльчонка. <...> В посылаемом № 2 я нарисовал, как надо начертить окружность. <...> Никогда время не летело так быстро, недаром есть русская поговорка о тюремном времени. Только что по радио передавали сведения об Абиссинии¹ – начало военных действий. <...>

1. Абиссиния – неофициальное название Эфиопии, употреблявшееся в прошлом. В результате итало-эфиопской войны 1935–1936 гг. Эфиопия захвачена Италией; освобождена в 1941 г.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

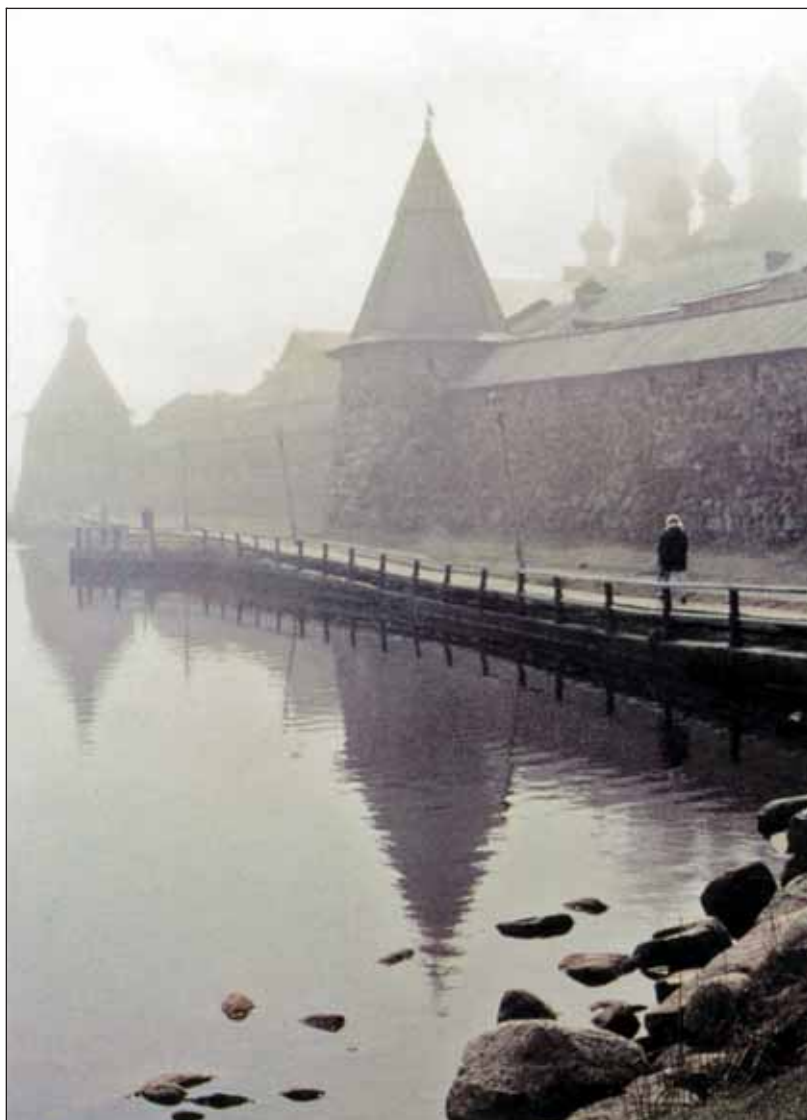
7 октября 1935 г.

Соловки

Милая Ва пси! Очень скучно без тебя и наследника. Это настолько постоянно, что даже писать об этом кажется странным. Хотя слово *скучно* в данном случае неточно. Что-то вроде голода. Или как курильщику без курева. С письмами из дому перебой. Уже недели три – или может быть мне только так кажется, потому что я совсем сбился со счета времени, – от тебя не

было ни клочка. Единственный признак того, что вы еще существуете, – это была неожиданно и благополучно полученная мною посылка – с маслом, сыром, сахаром и сухарями. Но еще неожиданнее было это, во-первых, получение письма от Любы, в котором она писала в несколько горьком тоне о своем состоянии и сообщала о том, что она тоже выслала мне посылку с таким расчетом, чтобы она пришла к Покрову. А через пару дней я получил и посылку. В ней были вещи совсем непонятные, видимо, съедобные, но до сих пор никогда мною не виденные. Что-то вроде халвы, но соленое и жирное. Жир – а какой, не знаю. Были вещи и знакомые – сухари и копченое мясо. Это было особенно ценно. Тут понемногу становишься непринципиальным вегетарианцем. Это не так плохо, так как стол в общем достаточно обилен и в ИТР-столовой вкусен. Но мясо пришло очень кстати. Я его ем вечером с чаем. Был в посылке и чай. (В твоей тоже.) Не знаю, что больше звучало во мне – негодование по случаю присылки посылки, несмотря на мою определенную просьбу не посылать ничего, или чувство умиления. Каждый раз, получая посылку, я думаю о том, как трудно было ее собрать, и тем дороже она и мне. Все-таки вы обе очень хорошие и прямо удивительно, как я попал в такое хорошее общество.

Но все-таки письма куда важнее посылки. Правда, их очень трудно писать. Пример этому я. Вот уже прошло почти две недели с тех пор, как я писал второпях письмо по коллективному адресу, и несмотря на то, что мне очень хотелось написать тебе, не было возможности. Во-первых, произошли передвижения с места на место. Ты уже знаешь, что мы покинули Биосад, который вспоминается как приятный и нереальный сон. Потом мы жили вне Кремля, в кузнечном корпусе. Внизу там была старинная монастырская кузница. Здание любимого мною стиля – громадные своды, как на картинах, изображающих Средние века и алхимиков, а наверху монашеские келии, в которых жили монахи-кузнецы. В одной из них жил я с двумя инженерами. Все это стояло на берегу б. Святого озера, очень большого и красивого. На его берегу стоит и Кремль. Но в один печальный и дождливый вечер пришло распоряжение перебираться в Кремль. На следующий день после работы мы перетащились в камеру на 32 человека, меблированную

в стиле вагона III класса. Общество там было совершенно прилично. Исключительно работники проектного бюро, в котором и я работаю. Впрочем, житье тут тоже не было длительным. Через дней пять я совершил переход в этаж пониже, уже в келию, где нас 4 человека. Первый из них – твой муж, которого бы ты не узнала, такая у него длинная борода. Второй – мой сожитель по Биосаду, ученый, математик и философ. И еще два инженера. Один¹ из них очень интересен. Долго жил в Америке – лет десять, жил в Австралии, плыл девяносто дней на

Воздвижение
Поклонного креста в
Филипповой пустыни.
Фото В.И.Лагуты.
Август 2002 г.

парусном корабле, видел очень много и умеет об этом рассказывать. При этом нужно сказать, что, конечно, у нас оказались общие знакомые, очень давно <...> потерянные мною из виду. Таким образом я узнал много о судьбе людей, которых считал совсем ушедшими с моего горизонта. Поэтому с каждым новым знакомым стараешься договориться – нет ли общих знакомых. И действительно, удалось узнать очень много занятного о прошлом. Но возвращаюсь к нашему жилью. Большая комната. Мебель: громадный монастырский шкаф, четыре койки, стол и две табуретки. Вида из окна, по существу, нет. Виден двор, ворота, ходящие лагерники, две клумбы с цветами. Но и смотреть и некогда. Утром на работу нужно к 9 часам. Потом обед. (Забыл сказать, что утром перед работой завтрак из двух блюд.) К 5 часам после обеда отдохнешь, а потом опять в бюро. Работа в бюро достаточно интересна. Мы сейчас проектируем кирпичный завод. Проект интересный, но трудный, так как очень мало материалов. В общем я доволен работой. Там я что-то вроде маленького начальства. Получаю в месяц около 40 рублей. Теперь можно даже расходовать эти деньги.

В бюро есть буфет. В буфете выбор небольшой, но есть. Простокваша – 20 к. стакан. Круглая булка размером в кулак – 43 к., плюшка размером с те, которые ты делала дома, 45 к., коврижка размером 6×12×4 сантиметра (приблизительно), прослоенная брусничным варением, – 30 к. В ларек привезено много дынь. Продаются они [по] 75 к. кило. Мы купили и съели 3 штуки. Очень хороши. В новом помещении нашем есть один минус: совершенно негде готовить. Таким образом, сухие продукты, накопленные мною из твоих посылок, видимо, будут храниться неопределенно долго, если, конечно, я не изобрету какого-нибудь способа их готовить. Хотя, по существу, в этом нет никакой нужды. Даже масло, посланное тобой, до сих пор почти цело. Жестянка не начата и осталось еще полбутылки. Нужно сказать, что в бутылке масло дошло лучше, чем в жестянке. Жестянка неплотная, в комнате было тепло, и часть масла выступила из щели, правда что очень мало. Вот как течет наше житьишко.

Почти никого не вижу, кроме товарищей по работе. <...> Кое-кто из знакомых, очень немногие, получили свидание, по хлопотам жен. Но эти свидания были при гувернантках и давались на несколько часов. Можно было по собственному желанию или израсходовать их за один мах, или растянуть на несколько дней. В итоге как будто большой радости от этого нет. А осень близится к концу. Деревья роняют свои краски. Туман и утром и вечером. Бывают дожди. Но погода стоит теплая. Я починил суконные штаны, но пока их еще не надевал. Хожу в летних, но холода не ощущаю. Хотя ходьбы и не много. На завтрак и на обед в столовую, потом на работу. Вот и все.

Нужно добавить, что я в общем доволен своей работой. Проектирую печи, считаю на собственной линейке (помнишь, как мы ее покупали на нижнем базаре), очень занят и не задумываюсь. Правда, что свободного времени абсолютно нет, но его и не надо. Но передо мной стоят перспективы, мне не улыбающиеся. Меня хотят назначить на место заведующего производством йода в нашем заводе. Это крайне неприятно, так как связано с работой вместе с очень неприятным человеком. Нужно сказать, что этого, в сущности, никто не хочет, ни я, ни мое начальство, ни новое начальство. Но пока что с этим делом тянется, может быть, ничего и не будет. Хотя я вижу, что <...>

Центральный комплекс
Соловецкого кремля.
Фото Ю.А.Бродского.
1970-е гг.

куда ни попадешь, в конце концов устроишься неплохо. Остается всегда одно и то же – что нет возможности видеть тебя и жить настоящей жизнью. А остальное, по существу, безразлично. Немного лучше, немного хуже, в конце концов, почти нет никакой разницы. Быть может, когда-нибудь будет лучше по-настоящему, хотя, конечно, мы будем другими людьми, не теми, которые прощались в дождливый день в здании на Арзамасском шоссе². Пока мне хочется, чтобы ты жила спокойно и писала бы иногда об этом. Напиши же мне, Ва, и как ты живешь, и чем занимаешься, чем развлекаешься, как растет сын,

как поживает бабушка, жив ли старый пес Гарька. Какие перемены в нашем институте? А мне, по существу, писать почти-то и нечего. Все меняется понемногу, но по-настоящему все одно и то же. Но и я то же самое. Видимо, не меняюсь. Только интересов стало меньше и я гораздо меньше разговариваю. А в разговорах больше слушаю. Не знаю, сколько в этом месяце будет дано мне дополнительных писем. Но во всяком случае придется одно из них написать Любе, выругать ее за посылку. К сожалению, я забыл, когда ее день рождения³, а то нужно было бы поздравить. Помнится, что-то вроде ноября, так что, пожалуй, и не ошибусь с нашими темпами хода писем. В ближайшее время ждут списка на письма, так что я думаю написать, в зависимости от числа писем, следующее письмо около 15–17 октября. Крепко тебя целую, любимая. Хорошо бы закончить письмо – до скорого свидания, но приходится кончать: до следующего письма. Завтра, перед отправкой письма, прибавлю еще строчку.

Ничего нового пока нет. Иду завтракать. Вспоминаю тебя и Кольку.

Р[оман]

1. Возможно, это Е.И.Гендлин.

2. На Арзамасском шоссе (ныне Проспект Гагарина) в Нижнем Новгороде с 1914 г. размещалась общеуголовная тюрьма для содержания арестантов и пересыльных в Сибирь (современный Нижегородский следственный изолятор).

3. День рождения Л.Н.Литвиновой 14 (2) ноября 1894 г.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

14 октября 1935 г.

О. Соловки

Милая Люба. Получил твою посылку и даже не своевременно, а преждевременно. Был и разгневан и очень тронут. Вероятно, в материальном отношении я устроен лучше тебя. Квартира, отопление, электричество, одежда, обувь, белье, баня, питание бесплатно. Работа интересная. Общество приличное. Даже получаю зарплату, которую на здешнем языке называют премиальным вознаграждением, и достаточную для покрытия

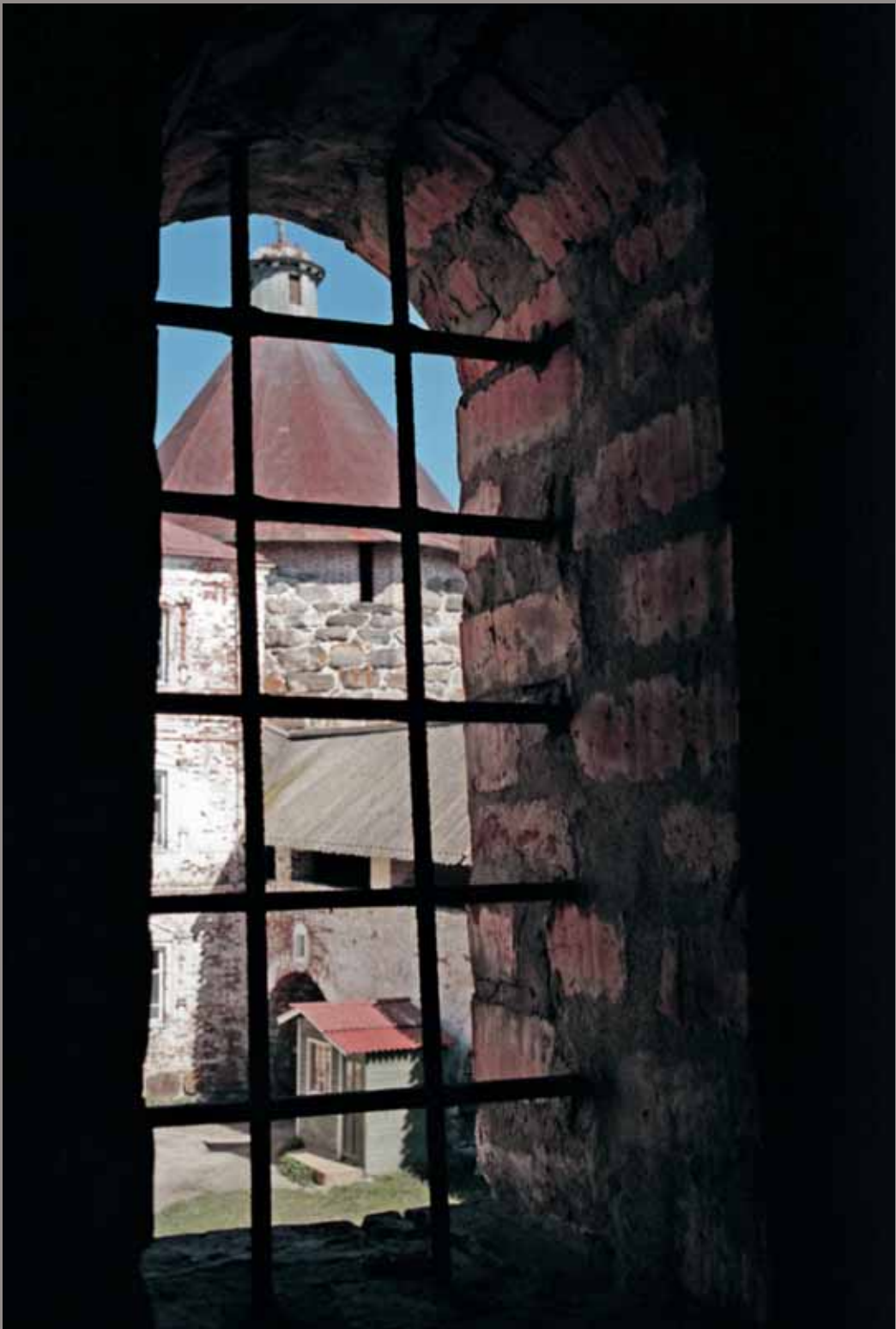
Здание,
где размещалось
проектно-сметное бюро.
Фото В.П.Столярова.
2002 г.

текущих расходов – около сорока рублей. А ты еще посылаешь мне посылки! Так как я очень давно тебе не писал (только узнав о твоей болезни, через Варю послал полписьма), то я постараюсь описать по пунктам все, что изменилось за последние месяцы.

Из Биосада я уехал. Лабораторию оттуда перевели и передали в другие руки. Я перешел на работу в проектно-сметное бюро, а на жительство – в так называемый кузнечный корпус, где внизу старая монастырская кузница, а наверху келии кузнецов-монахов. Это старинное здание 17 века на берегу озера, у которого стоит Кремль. Тут я пожил около месяца, а потом вместе с другими работниками бюро переселен в Кремль. Это казалось очень неприятным, а оказалось неожиданно совершенно сносным. Живу я снова в келии, большой и высокой (вышина около 4,5–5 метров, площадью около 26 м²). Живем четверо: я, приятель мой (философо-математический) и еще два инженера: один строитель и знаток сушилок, другой электрик. Разговоры вечером (когда мы собираемся и пьем чай) заслуживают стенограммы. Строитель прожил 10 лет в Америке, прибыв туда в качестве матроса на парусном корабле из Австралии. Был на южных Филиппинах и на островах Тихого океана. В общем, ходячая география и притом точная и кра-

сочная. В общем, этой компанией я очень доволен. Не нужно добавлять, что домашних свар у нас пока что не было. Обстановка у нас скудная, но стильная. Громадный шкаф, времен монастыря, видимо, сделанный в этой самой келии, так как вытащить его в двери нельзя, слишком велик. Видимо, поэтому он и уцелел. Потом 4 кровати полумонашеского типа, но несомненно довоенные и деревянные, стол и две табуретки. На стене часы-ходики и забытый кем-то из прежних жильцов портрет Достоевского. В углу две палки. Вида из окна настоящего нет: двор около северных ворот, клумбы с маргаритками, потом корпус 17 же века, железная крыша и над нею и за нею купол, опаленный давним пожаром Преображенского собора. Это о квартире. Отопление – пока не очень нужно, так как погода пока что теплая. Днем 10–12 градусов, ночью похолоднее. Когда мы въехали, пришлось протопить печку, но монастырские печи держат тепло неделями, так что теперь мы уже дней 10 не топим, а в комнате вполне сносно.

Стол. Обедаю и завтракаю в ИТР-столовой. Повар хороший. Завтрак из двух блюд, обед тоже. Два раза в неделю обед мясной, остальные дни постный, но бывает часто рыба. Иногда жареная навага, иногда рыбные котлеты. К ужину кое-кто покупает молоко или творог. Но я последнее время не покупал творога, потому что он уж больно тощий, а зная по анализам, сколько в нем воды, как-то обидно платить за воду деньги, так как вода, даже в виде кипятка, выдается совершенно даром. Хлеба я получаю 800 грамм, причем за доплату разницы в цене могу получить часть хлеба в белом состоянии. Сахаром меня снабдила Варя, так что в чайном отношении мы тоже обеспечены. В конце лета мы пили чай из голубики, теперь перешли на брусничный, а иногда завариваем и настоящий. Я был особенно тронут тем, что ты вспомнила мою слабость к чаю и послала и его. Нужно сказать, что до сих пор не знаю, что за штука, похожая по виду на халву, а на вкус солоноватая, пришла в числе прочих съедобных в твоей посылке. Кого ни спрашиваю – никто не знает. Очень оценил копченые мяса. Они как раз кроют самую дефицитную потребность. Сладость бывает и в ларьке, и Варька аккуратно посылает сахар. Масло тоже. А вот жиробелковых компонентов мало. Таким образом, ты доставила мне большое удовольствие копченостью. Неужели ты сама коптила?

Напиши мне, пожалуйста, как ты обживаешься в Таре. Есть ли приятные знакомые? Привыкаешь ли к быту и климату? Есть ли дружелюбные собаки и какой они породы? Тут порода главным образом немецкая и в довольно заученном состоянии. Экземпляры не первоклассные. Из зверья тут заняты лисицы – черно-бурые. Они привезены с материка из питомника, никого не боятся, бегают где вздумается и попрошайничают. Очень милы тюлени и морские зайцы. Котов много и очень противных. Есть голуби, но не много. Летом прилетают чайки особой породы, клерикальные. Зимой живут в Риме, летом на Соловках. Видел раз орла и раз буревестника (он же глупыш). Красивая и нелепая, почти безногая птица, которая, вероятно, может спать в воздухе. Летом я видел гаг, которые живут на безлюдных озерах. А так как озер тут около пятисот, то ясно, что большинство их совершенно безлюдно. Тут есть так называемая Глубокая губа (она же Варваринская). На ней около сотни мелких островов и притом чрезвычайно красивых. Мне летом пришлось там быть. Вид напоминал прекрасную сказку. Удивительно все-таки умели выбирать монахи места для жизни. Правда, пожалуй, лучше было бы, если [бы] они не стремились к такой уединенности! Но, видимо, они на нас расчета не

Никольские ворота из окна
Рухлядного корпуса.
Фото С.Веретенникова.
2002 г.

Чайка-поморник.
Фото В.И.Петруниной.
2009 г.

вели. В общем, тут все своеобразно и не лишено приятности. Самое неприятное – это úрочное общество. Но их становится все меньше и меньше. Новых как будто нет, а старые понемногу выбывают. А с ними никак спокойно не проживешь. То обокрадут кого-нибудь, то сделают какую-нибудь гадость.

Иногда возникают слухи, именуемые на здешнем языке парашами. Один из таких слухов говорит о том, что часть инженеров вывезут на строительство. Хотя такого комфорта, спокойствия и климата на материке и нигде нет, но зато есть надежда на свидание с женой. Это было бы чрезвычайно хорошо. Но обыкновенно эти слухи никогда не оправдываются, так что нет никаких оснований для постройки каких-нибудь планов. Варя добродетельно пишет мне письма, что я причисляю к подвигам героического рода, так как она терпеть не может писать. Ты в этом отношении гораздо скромнее. Я уже писал тебе, что нормы, ограничивающей получение писем, нет. А открытку опустить совсем недолго. Когда ты поправишься, у тебя не будет никакого оправдания, если ты два раза в месяц [не] набросаешь открытку. <...>

Теперь у нас очень много работы, так что приходится работать иногда без выходных дней. Работа в общем интересная. Проектируем кирпичный завод, очень большой мощности. Обложился тепловыми балансами, думаю калориями. А потом намечаются проекты по лесохимической промышленности. Что будет к весне – трудно сказать, так как воздух у нас изменчивый и ничто долго не держится. Поэтому совершенно невозможно сказать, что будет через неделю. Поэтому я и поспешил точно изложить состояние на сегодня. Итак, до следующего письма. Целую, с соловецким приветом

Р[оман]

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

14 октября 1935 г.

О. Соловки

Милая девочка Ва! Сегодня я праздную – т.е. не пошел на работу. Мы работали над высокоспешными проектами и пропустили два выходных дня. Теперь дают отгульные дни и я выбрал

Варвара
Сергеевна
Литвинова.
Нач. 1930-х гг.
Архив семьи
Литвиновых

сегодняшний. Пока что день прошел так: утром, в половине девятого, пошел в столовую завтракать; завтрак состоял из чечевичного супа и вермишели. Потом товарищи пошли работать, а я вернулся в Кремль, в нашу келию, взял чайник, набрал кипятку, заварил чай и выпил 3 кружки крепкого чаю, доел сыр, присланный тобой, с белым хлебом, который можно получить

вместо черного за некоторую доплату. Затем закусил твоими сухарями и пошел по делам. Зашел в ларек, осмотрел товары – к сожалению, ничего подходящего не было. Была редиска, соленые огурцы, дикие утки, пуговицы и спички. Дынь не было, а я хотел приготовить угощение для товарищей по келии. Думаю все-таки приготовить к вечеру кашу с маслом на ужин для угощения братии.

Нужно сказать, что хотя совместное жительство обыкновенно обнажает острые углы характера и делает людей неприятными (из-за этого происходит и большинство семейных неполадок), мои сожители или так оббиты жизнью, что уже не осталось острых углов, или в самом деле выше мелочей, ибо все это люди крупные, в общем выше людей, с которыми приходилось сталкиваться раньше. Хотя, сказать по правде, мы встречаемся только вечером. Тогда возникает разговор – всегда интересный, потому что один из трех моих сожителей глубокий математик, физик, философ, другой – инженер, много занимавшийся сушкой и сушилками, всю жизнь шатавшийся по свету, живший и на островах Тихого океана, и в Австралии, и в Америке. Иногда он разговаривает со мной по-английски. Третий тоже инженер, очень образованный. Так что есть о чем поговорить.

Да, я остановился на походе в ларек. Дальше я пошел в санчасть и получил разрешение на маленький ремонт по части синтетических зубов. Потом зашел к бывшему сожителю по Биосаду, котор[ый] заведует хлебопекарней; поговорил о разных новостях и слухах и вернулся «домой» и сел писать своей старенькой. От старушонки своей я получил письмо от 19 числа IX месяца два дня тому назад и был очень доволен. Несомненно, что литературный дар моей дряхлой корреспондентки очень велик. Никогда ни одно из человеческих произведений не могло заставить и так радоваться, и так грустить. Во всяком случае, я всегда читаю эти письма с глубоким волнением. Итак, пока что последние дни протекли удачно. Погода стоит не так дождливая и очень теплая. Лето было паршивое, но осень пока неплохая. К сожалению, теперь нет возможности заниматься прогулками, так как и нет времени, да и случая. Видишь все, называемое природой, когда идешь на работу или с работы. Но какая красота! Озеро громадное, в котором при ветре прибой, как в море, берега в лиственных деревьях, крас-

ных, рыжих, золотых. Даль затянута туманной дымкой, которая все смягчает и округляет. Ночью громадная северная луна заливают озеро переливами блеска. Теперь я живу совсем близко от моря, почти на берегу бухты Благополучия. В свежую погоду слышен шум прибоя, а за линией берега видишь, как по далекому морю бегут белые валы. Место, куда я хожу работать, тоже почти на морском берегу. Выйти за дома – там море, мертвое и таинственное, как на картине Гогена. Нужно сказать, что каждый раз, когда я вижу что-нибудь очень красивое, я сожалею о том, что я не могу разделить этой красоты с Ва. Или хоть быть в состоянии это нарисовать и послать в Нижний. Хотя, конечно, очень хорошо, что я лишен удовольствия наблюдать островные красоты в обществе собственной жены. Жизнь на острове все лето текла без всяких слухов, называемых на лагерном языке парашами. Но теперь все ожило и языки волнуются, хотя поводов к этому никаких не видно. Говорят о том, что предстоят «вывозы», куда и кого, хотя никаких оснований для предположений нет. На этой бирже разговоров о призраках котируют довольно высоко и мои возможности, хотя я в это и не верю. Во всяком случае, если бы исполнились соображения лагерников, то летом можно было бы рассчитывать на свидание в более благоприятных условиях. Но пока что никаких реальных оснований на приятные надежды нет. Скорее перспективы островные, которые мне не совсем нравятся.

Я уже писал тебе в прошлом письме, что намечено мое назначение в Йодпрот, на должность технорука, что не сулит больших удовольствий. Выбирать в нашем положении не приходится, но, конечно, я выбрал бы из двух теперешнее, в проектно бюро. Работа интересная и общество совершенно приличное. Вечером, когда горят огни и отсвечивают доски с ватманом, блестят готовальни и люди чертят и считают, можно вообразить себя где угодно, только не в бывшем монастыре, переконанном в лагерь. От проектной работы я немного отстал, но понемногу опять втягиваюсь. Нужно сказать, что, конечно, и эта работа дает мне кое-что новое и полезное. Реальное проектирование значительно отличается от дипломного. Мне пришлось рассчитывать кое-какую аппаратуру, кое-какие установки. Справочников не было и было трудно. Кое-что вспомнил, кое-что узнал и проекты сделал. Теперь занялись кирпичным

Качалин Н.
Соловки.
Головленкова
башня. XVI ст.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати
УСЛОН. Вып. IV.
Конец 1927 г.

Вообрази, как приятно было бы иметь карточку <...> хорошую. В конце концов, это пустыки, которые доставляют радость на несколько дней. Получение фотографии из дому заставляет лагерника гордиться и хвастаться перед менее счастливыми товарищами примерно так, как курица торжествует по поводу снесенного яйца. Я, конечно, был бы скромнее, но был бы тоже очень доволен. Чем я занимаюсь кроме работы, питания и сна? Времени остается очень мало, так что некогда даже просмотреть газеты. В библиотеке нашел я старинную, столетнюю историю американского флота, написанную в 30-х годах прошлого века знаменитым Фенимором Купером¹. Ее я читаю с удовольствием, но очень медленно, урывками. Никогда я еще не читал книг в таком вялом темпе. Боюсь, что и ты мало можешь читать при твоей занятости. Как жаль, что я никак пока что не могу тебе помогать. Быть может, если удастся попасть на стройку, будет возможно что-нибудь делать для дома. Ужасно противно сидеть в пассивности и не мочь ничего сделать для своих! Хорошо, что с вами бабушка. Передай ей от меня теплый привет. <...> Жив ли Гаррисон? Если жив, наверно, он очень дряхлый. Не так давно ты мне приснилась. Было много всякой дряни (во сне), а потом я вошел в какой-то закоулок и нашел

заводом. Составляю балансы тепла и материала, komponую здания. У меня два помощника и два чертежника. Кальки сдаем копировать в чертежную секцию.

А теперь о здоровье – как всегда хорошо. <...>

Ну а теперь берусь за старое. Какживает фотография? Быть может, в одном из следующих писем я получу изображение кого-нибудь <...> Не очень настаиваю, помня твои приметы, но как-то хочется, как дикарю, иметь какое-то реальное напоминание о любимых. Твой сыр был завернут в старую Колькину рубашку. Когда я это рассмотрел, я был очень доволен. Как будто бы часть существа мальчишки оказалась со мной. Вот какие суррогаты могут иногда доставить удовольствие!

тебя. И был очень счастлив, и взял тебя на руки. И ты была маленькая и такая любимая! Было очень обидно <...> что пришлось проснуться.

Ну, до свидания. Пойду обедать. А после обеда кончу письмо. Остается добавить очень мало.

На обед был суп с перловкой и картофелем и вареники с начинкой из мяса и чечевицы. Потом «дома» пили чай с брусникой. Потом спали. В 8 товарищи ушли. Я еще полежал на кровати под курткой и сел говорить с милой и далекой женой. Как обидно, что только на старости лет я понял, какое это счастье, даже не счастье, а настоящая жизнь – семья. Хотя без тебя я бы этого, конечно, не понял бы, потому что большего соответствия с моим «Я» я никогда не встречал и не мог встретить. Целую тебя, Пси.

Р[оман]

В этом месяце напишу еще одно письмо около 23–24. А одно Любе, 1-е, послал 7-го.

Р[оман]

1. Речь идет о книге американского писателя, историка, критика общественного устройства Д.Ф.Купера «История американского флота» (History of the Navy of the United States, 1839).

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

14 октября 1935 г.

№ 75 <...> Сапоги уже успел обновить. Пробовал их надевать на теплую и летнюю портянки. Убедился, что можно надевать одновременно еще и теплые чулки. Следовательно, в сырую и холодную погоду ноги страдать не будут. Я опасался, что на осень останусь только со своими потрепанными легкими ботинками, но положение несколько изменилось и ко мне вернулись из ремонта мои прежние казенные ботинки величиной на полторы ноги каждый. Теперь я обеспечен обувью прекрасно, если не обворуют вопреки обычаю, то будет все хорошо. Научился носить портянки. Это нисколько не хуже чулок, но зато много экономнее, они не рвутся. <...> Мое лечение

временно прекратилось благодаря щедринским типам, но завтра буду на консультации у профессора-хирурга. <...> Если будет свободная минутка – побывай у Г.А.У., м.б. он что посоветует или предпримет.

<...> Ребенок любит рассматривать цветы, растения вообще. Использовать этот интерес и подвести ребенка к сравнению различных растений, чтобы познакомить его с богатейшим разнообразием форм в природе, подвести его к пониманию закономерностей в природе – весьма полезно с точки зрения накопления знаний во время игры. <...> В основе различения растений лежит, таким образом, математика – число и форма. <...>

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

18 октября 1935 г.

Дорогая Виша,

На днях получил от Тебя вторую посылку, кроме того письмо Твое и Котика. Прежде всего подтверждаю, что посылку с вареньем также получил и в полной исправности. Банка оказалась целехонькой и даже капли из нее не вытекло, несмотря на то, что прошла такое большое расстояние. Большое спасибо за посылки, они доставили мне большое удовольствие, а, главное, когда их получаю и приношу к себе, чувствую невольно близость и теплую заботу Твою и всех Вас обо мне. Я уже Тебе писал, что мне никаких теплых вещей и даже пальто не требуется, пусть лежит и ждет более лучших времен. Я писал Тебе, что в связи с приближающейся зимой хорошо было бы получить от Вас суконные штаны под сапоги. Валенки и теплые кожаные перчатки у меня еще живут и вполне исправны.

Ты в своих последних письмах, милая моя, жалуешься на недомогания, вероятно, они связаны со скверной осенней погодой. Я надеюсь, когда наступит зима, будешь чувствовать себя бодрее. У нас тоже стоит мерзопакостная сырая погода и она пронизывает, как говорят, все нутро, и часто вечером от нее ощущаешь лихорадочное состояние. Но стоит пригреться, и к утру проходит. Хорошее у меня для этого средство, это мой полушубок родимый, выручает. Настроение у Тебя, судя по письму, полное горечи. Я понимаю Тебя, моя дорогая, в особенности

если учесть, что наличие этой горечи в меньшей степени можно приписать результатам каких-либо личных действий, за которые следовало бы нести расплату, да еще такую. Единственное, что я могу Тебе посоветовать, это плюнуть на все и беречь свое здоровье. Ждать и надеяться, что должен наступить, наконец, момент, когда колесо жизни повернется другой стороной. В это же время муж стареет, седеет, вернется «перекованным», спокойным, не будет печь жену, что это или то ему не нравится. Наоборот, все ему будет казаться прекрасным. Требования его станут очень скромны, и наступит та прекрасная, тихая жизнь, о которой Ты мечтаешь. Скоро наступит зима, Москва [нрзб.] станет еще нарядней, жизнь в ней еще облегчится после всех проводимых сейчас работ по устройству зажиточной и счастливой жизни, по снижению цен и т.д. и т.п. Из Твоих писем, из газет и радиопередач видно, что Москва живет полным пульсом. Этот тон жизни должен рассеять Твое упадническое настроение.

В моем служебном положении произошли изменения. Я несу сейчас административно-техническую работу. Правду сказать, меня это меньше удовлетворяет, так как я больше люблю непосредственно делать работу вполне конкретную, возиться, строить, творить и видеть результаты наглядно. Но поскольку затеянное мною дело с водорослями и торфом представляет для Севера значительное народнохозяйственное значение, думаю, что со временем я сумею главную часть своего времени и знаний уделять продолжению начатого дела, чтобы довести его до конечного положительного результата. Если мне действительно положено еще проконсервироваться определенное количество времени на Соловках, то хотел бы, чтобы этот период использовался на создание нового, весьма интересного предприятия в виде химического комбината по переработке водорослей и торфа и этим приблизиться к созданию нового индустриального центра на Крайнем севере. Дело это в результате проведения научно-исследовательских работ продвинулось настолько, что контуры и пути этого проекта совершенно реально вырисовываются. Для претворения их в жизнь требуется продолжение этих работ. Рассчитываю на содействие в этом со стороны наших вождей, которые вполне представляют себе все значение этого мероприятия и, будучи сами

с хорошей головой, сумеют найти способы к реализации этого [начинания]. Тем более что нашему вождю удалось уже создать положительное отношение и наших центров.

Сейчас решили нажать, чтобы до ноябрьских торжеств получить и наготовить несколько коллекций наглядных образцов. Образцы эти в значительной мере помогут нашему начальству протолкнуть этот вопрос. Живу сейчас я уже на новом месте, рядом с Кремлем. Окна моей комнаты, где я живу, и второй, где работаю, выходят на воду. Так что кругом вода, такого громадного количества воды, все время перед глазами, конечно, я не имел удовольствия еще иметь. В общем, чувствую себя, как на пароходе. Я уже Вам писал, что весь вечер до поздней ночи в комнате у меня радио, главным образом здесь слушаю из Москвы нашу радиостанцию Коминтерн. В частности, ежедневно в 6 ч. вечера знакомый голос нашей сибирской дикторши. <...> Если повидеешь ее, скажи, что мне очень приятно слушать ее симпатичный голос. Она Тебе может посоветовать, как установить хороший радиоприемник у себя, и таким образом можешь устроить, что слушать передачу будем вместе. <...>

Как себя чувствует Дага <...> Я все же думаю, что Тебе не следует так загружаться уроками, как это Ты делаешь. <...>

Желаю Тебе всякого успеха, хорошо провести предстоящие торжества. Надеюсь, мое письмо как раз поспеет к этому времени. И я в ответ на него получу описание этих торжеств и Ваших впечатлений. Целую Тебя, моя дорогая.

Твой [Н.Брянцев]

Н.Я.Брянцев – сыну Николаю, Капитолине

18 октября 1935 г.

Дорогой Котик,

Получил твое и Капино письмо. Твои письма меня всегда очень радуют и радуют Твои успехи. Ты у меня молодец. Находишься и ведешь очень интересную работу. Работа и область совершенно новая, тонкая и, несомненно, очень многое у Тебя останется. Ты на ней растешь и растешь гигантскими шагами. Не говорю о том, что производство пластификаторов у нас осваивается впервые, оно, в силу технологического процесса,

Кремлевская стена.
Фото П.В.Флоренского.
1966 г.

знакомит Тебя со всеми новейшими приемами современной химии, применяемыми в практике. Твои результаты о снижении расхода сырья на 50% прямо головокружительны. В этом действительно вся прелесть новых производств. Рассказывали мне, что цех и лаборатория прекрасно оборудованы и не уходят из неослабного внимания со стороны [руководства] треста и научно-исследовательского института. Надеюсь, директор Твой доволен результатами.

Прекрасно, что одновременно Ты участвуешь в непосредственной проработке новых проблем в лаборатории. Все это прекрасная, прежде всего, школа для того, чтобы выковать хорошего специалиста. Вижу, что Ты взялся серьезно за химию и грызешь Чичибабина¹. Это серьезный курс органики. Как у Вас с курсами по повышению квалификации. Слышал, что Ваш трест в этом отношении не жалеет средств и предоставляет все возможности. Думал ли Ты о вечерних курсах в том или ином институте без отрыва от производства. Надеюсь, что как дирекция, так и общественные организации предоставили бы Тебе эту возможность. Трудно будет, но без труда ничего не получается. Полученная Вами премия в 85% от оклада явилась приятной наградой для Тебя и Твоих сотрудников, в особенности если учесть параллельное снижение цен. Будут и дальше вместе с Тобой драться и новые достижения и к ноябрьским торжествам придете с новыми победами.

Ваши работы по получению эфиров разных фосфорной кислоты весьма интересны, а главное что у Вас так дело поставлено, что Ты имеешь возможность сразу переносить в обстановку полузаводских экспериментов, и отсюда выявляются все стороны влияния нового режима и требуется, конечно, сообразительность, как отрегулировать процесс в новых условиях. Все это меня еще больше убеждает, что у Тебя голова работает. Но не трудно ли Тебе все это. Не перенапрягаешь ли свои силы. Вот почему мне кажется, что повышение квалификации на вечерних курсах – это облегчило бы в будущем Твою творческую работу. Но, конечно, нужно все это соразмерить со своими силами и возможностями. Независимо от того, как у Тебя пойдет дальше учеба, все же Твоя настоящая работа есть тоже прекрасная школа. Я очень, дорогой сын, рад за Тебя и хотя в этой части имею удовлетворение.

Милая Капочка, спасибо за привет и милые пожелания. Очень рад за Вас обоих, что у Вас жизнь ладится. Вытаскивай время от времени Кота в театр, кино, чтобы он не отставал и на этом участке. Жизнь не так уж безконечна, и нужно хватать всего понемногу. Пропустишь, прозеваешь, вовремя не сорвешь – все равно уйдет и уйдет безвозвратно. Опишите мне Ваши танцы, как они проводятся и организованы и весело ли за ними проходит время. Котик, как хороший производственник, имеет возможность получать время от времени билеты в хорошие театры, нужно Вам настаивать, чтобы он этими возможностями не пренебрегал, а сам и свою жену водил на культпросветительную работу. Как здоровье Котика и прошел ли у него его частый насморк. Он его часто навещал. <...> Я сейчас себе представляю Котика уже мощным, сильным мужчиной. Кстати, как его физкультурные дела? Ему следует не забрасывать этого спорта. <...> Желаю от души Вам в дальнейшем также полного благополучия.

Целую Вас,

Ваш [Н.Брянцев]

P.S. Бутылка с маслом – оказали большую услугу.

1. Имеется в виду книга А.Е.Чичибабина «Основные начала органической химии» (первое издание состоялось в 1925 г.).

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

25 октября 1935 г.

Остров Соловки

Милая Варенька. Пишу последнее октябрьское письмо, по счету третье. Погода стоит совсем осенняя. То снег, то дождь, а грязь непременно. Холода настоящего нет, но по утрам изморозь. Дни проходят с удивительной быстротой. Вчера мы начали соображать, сколько дней мы живем на новой квартире – и оказалось, что нужно считать не дни, а уже недели. Вероятно потому, что дни мало чем различаются. Утром всташь, идешь завтракать, потом в бюро, сидишь, считаешь, попьешь чаю (иногда с коврижкой), потом пора обедать. Потом в келию – поспать. Потом опять в бюро, опять чай в келии, вечерний разговор о прошлом – а прошлые очень разные – и опять сон до утра. Люди со мной живут почтенные, я, пожалуй, самый молодой и неопытный, в театр не ходят, заняты работой. Один думал, что потерял жену и полтора года не имел

Барак
постройки 1927 года.
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

Первый снег.
Фото В.П.Столярова.
2003 г.

из дому известий. В один прекрасный день он получил от жены письмо. Она узнала о том, что он существует и где именно, из письма, посланного им случайно и безнадежно на имя ее родственника через адресный стол. И он был очень счастлив и даже заважничал, что вот и он получил письмо. Я был очень рад за него. Нужно сказать, что письма стали получаться как-то реже. Это не только у меня, но и у других. Это как-то утешает.

Начинаешь думать, что письма написаны и отправлены, но где-то застряли, что ничего такого не случилось и что на днях получишь сразу пару писем.

Событий, заслуживающих внимания, в моей жизни пока что не произошло. Состоялось мое назначение техноруком в Йод-пром, но пока что я в должность еще не вступил. Видимо, что я останусь по совместительству в бюро. Это меня очень утешает, потому что я не люблю перемен. В новой должности представляет интерес возможность изучения добычи водорослей, которая ведется по почти всей береговой линии. Потом вообще кое-что представляет интерес. Назначают меня на это место для того, чтобы перестроить производство и перейти на новые методы. К сожалению, это очень трудная задача, особенно в наших условиях. Нужно преодолеть очень много трудностей, и в результате, может быть, и ничего не выйдет. Поэтому когда я думаю о возможных перспективах, то настроение мое портится. Но так как я об этом не думаю много, то и не особенно порчу настроение. Здоровье мое исправно, ем, пью, сплю исправно, прогуливаюсь на службу и с нее достаточно. Читать почти что некогда. Прочел со времени последнего письма только одну книжку. Очень часто вспоминаю о тебе – ты начинаешь снится мне все чаще и чаще. Недавно снились мне ты и Гарри. Гарри гораздо моложе и гораздо белее, чем на самом деле. Колька мне ни разу не снился, что очень странно, так как вспоминаю я его довольно-таки часто. Вероятно, он так быстро изменяется, что того мальчика, с которым я прощался, уже нет, а есть существо очень мало знакомое и мало понятное. Очень больно об этом думать. Лучше было бы вообще не вспоминать ни о чем, как будто бы вообще ничего не было. Но это и невозможно. И когда вспоминаешь свою жизнь (а она была довольно длинная и достаточно разнообразная) – как остров среди неприятного моря, как сад на пыльной дороге – мне вспоминаются четыре года жизни с тобой как самое лучшее, единственно настоящее, что было в жизни. Что было раньше, вспоминается редко и по какому-нибудь случаю, а что было потом, вообще не вспоминается. Но нужно думать, что постепенно, с течением времени я буду все-таки меньше вспоминать о вас, и это будет лишением мучительного счастья. Но хотя по здравому смыслу так и должно быть, но все-таки это совершенно

невозможно, потому что каждый день и каждый час я помню о тебе и сыне с одинаковой отчетливостью. Все остальное выцветает и смывается – а ты и сын все время стоите передо мной. Но хватит писать об этом. В конце концов, ты знаешь это совершенно ясно, и об этом писать не стоит. Лучше вернуться к мелочам островной жизни.

Как ударник я попал в список на тюлений жир и за 1 р. 88 к. получил 500 гр. тюленины. Как ни странно, но он очень мне приятен. Он отдает рыбой, предубежденный человек сказал бы – воняет рыбой, но по существу напоминает собой очень жирный балык. Один приятель угостил меня копченой свиной грудинкой. Я съел, но подумал, что, пожалуй, тюленина гораздо вкусней. В ларьке есть конфеты по 5 р. 80 к. кило, а у меня есть деньги. Но я их не покупаю, так как сахару у меня много, а держать много запасов неразумно, так как рискуешь угостить ими, безо всякого желания со своей стороны, рыцарей ловкой руки и быстрой ноги. Правда, что последнее время об этих подвигах почти не слышно, но в случае перемещений запасы крайне неудобны. Так как теперь в нашем распоряжении нет плиты, то и готовить не приходится, поэтому все запасы лежат недвижимо, в том числе и масло. С хлебом оно не так быстро естся, а в кушанья его не положишь за отсутствием оных. Сухари, полученные в последней посылке, еще держатся. Я их ем изредка, когда остаюсь один, и не по жадности, так как жадности во мне нет, а просто потому, что думается, что пеклись эти сухари с мыслью о мне, и каждый съедаемый сухарь вызывает чувства сентиментальные. А поэтому я их расходую медленно и с ощущением, что я как-то и чем-то связан с домом. Из всего вышенаписанного ты видишь, что я настроен несколько меланхолически. Лучшее лекарство – это было бы письмо из дому, и надеюсь, что оно своевременно прибудет. А так остальное довольно безразлично. Хотя я и живу теперь в Кремле, но как-то не бываю в других местах, кроме своей камеры. Ходил к одному из своих сотоварищей по работе в лаборатории. Он заведует хлебопекарней и живет при ней, в комнате с одним окном в стене толщиной около 3,5 метров. В оконной нише можно смело устроить комнату, совсем неплохую по московским масштабам. В здании, где я живу, одна стена старая, из гранитных валунов. Каждый камень вышиной и толщиной с пол-

человека, и притом не маленького. Толщина стены неизвестна, но приблизительно сажени две – а может быть, и больше. Вообще строились раньше солидно, на века. И действительно, за последнее время тут прошло два больших пожара, все, что могло гореть, выгорело, а камень остался как нетронутый. Что доставляет мне удовольствие, это то, что я чаще стал видеть море. Правда, то море, которое мы видели вместе, приятнее, но и это все-таки море. Если бы на него смотреть в приятной компании и знать, что это не надолго, то и оно было бы очаровательно. Но и так сносно. Самое противное – это чувство полной бессмысленности сидения тут. Все приятные разговоры о возможных перемещениях теперь прекратились. Видимо, приходится сравнивать вторую соловецкую зиму с первой. Нужно думать, что за зиму будут какие-нибудь приятные изменения. Все-таки уж совершенно глупо сидеть таким образом, но поделаться тоже ничего нельзя. <...> Привет от меня бабушке, сынишке и приятелям и Гарьке. Что нового в Горьком? Целую тебя крепко, моя ненаглядная девочка! Будь здорова, смотри за сыном и не забывай своего далекого мужа. Оставляю место для пары строк перед отправкой письма.

Р[оман]

Дом
в Нижнем Новгороде
(Горьком), в котором
в 1930-е гг. жила
семья Р.Н.Литвинова.
Фото Р.Н.Литвинова
(внука). 2009 г.

День закончен, нового ничего нет, отнесу письмо в канцелярию и буду думать вечером опять о тебе и о тебе.

Р[оман]

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой

25 октября 1935 г.

Дорогая Виша.

Письмо мое, я надеюсь, попадет как раз к торжествам. У Тебя с Котиком будет больше свободного времени, и, чтобы занять его, стараюсь дать о себе небольшую весточку. Погода у нас переходная, не то осень, не то зима, то дождь, то снег, то шторм, а в общем большая пакость. Я поймал грипп и вот уже второй день валяюсь. Натопил монашескую печь, и температура в комнате как в бане, прошибает потом. Таким способом рассчитываю выгнать простуду. Мои два сожителя стонут от жары, но терпят и не протестуют, даже не настаивают на открывании форточек. Один из приятелей припер два порошка аспирина, но я не решился их принять. Слишком уж было бы

Баронесса Э.Г.Дромберг
с дочерьми Дагмарой
и Анной. Варшава.
Фото Я.Тираспольского.
Ок. 1907 г. Сверху
на фото написано:
«Милому Николиньк
въ знакъ дружбы.
Виля Дром[берг]».
Архив семьи Брянцевых

зверское действие двумя средствами. Чувствую себя сегодня лучше, прошла ломота моих старых костей и в результате получился насморк. Это, как я наблюдаю, благоприятный симптом. Завтра выхожу на работу. Пользуясь тем, что оказался на положении больного, решил ликвидировать остатки Твоей посылки, в виде куска ветчины, который держал про запас.

Удалось ли Тебе повидать Тиуну и устроила ли себе радиоприемник. Ведь он, как «отец родной», выручит. Вчера у Вас был выходной день¹ и по этим дням обычно наша Центральная Московская Радиостанция Коминтерн дает очень богатую и разнообразную передачу.

Как Твое здоровье, выкарабкиваешься ли из своих недугований.

Котик, вероятно, занят усиленной подготовкой к подведению итогов своих достижений по заводу к торжествам. Очень меня интересует, в какие формы [это выльется] и какие результаты у него получатся. Как организовано и пройдет у них на заводе ознаменование события. У Вас в Москве, вероятно, чувствуется предпраздничная подготовка и связанная с этим суетня. <...> Ты, вероятно, тоже ждешь праздников, чтобы отдохнуть от своих уроков. Что пишет Дагмара, как ее успехи сценические и дела семейные. <...>

Я тоже собираюсь ознаменовать наступающие торжества: для этого берегу $\frac{1}{2}$ бутылки присланного Тобой масла и муку и решил состряпать блинчики. Если выйдут вкусные, то об этом постараюсь похвастаться в следующем письме.

Как у вас проведена подготовка к зиме, заготовлены ли дрова и т.п. Я подготовился, вставил и исправил двойные рамы. Правда, особенно много заботиться не приходится: хлеб выдается аккуратно, ежедневно свою порцию получаешь. Так как я продолжаю оставаться на сухом пайке, то полагающиеся продукты сразу приношу на две недели. Из них мы вдвоем комбинируем себе меню. Но так как наши ресурсы не блещут большим разнообразием, то напрягать особенно свою фантазию не приходится.

Шлю сердечный привет всем Вам <...>

Целую Вас,

Ваш [Н.Брянцев]

1. В СССР в середине 1930-х гг. ритмичность жизни подчинялась пятидневкам (т.е. четыре дня работали, пятый был выходным), а в концлагере были приняты семидневки (шесть дней рабочих, седьмой – выходной). Поэтому выходные дни в лагере не совпадали с общесоюзными. В письмах заключенные достаточно часто упоминают о несоответствии своих выходных и общесоюзных, напр. П.А.Флоренский: «17-го апреля, в наш выходной день...» (17–24 апреля 1936 г.); «...сегодня у нас выходной день (наши не совпадают с вашими, т.к. у нас 7-дневный круг)...» (7–15 января 1937 г.).

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

1–4 ноября 1935 г.

Соловки

1935.XI.1–4. Соловки. № 35. Дорогая Аннуля, получил твое [письмо] № 34 от 15 окт. Наступила мокрая зима, то дождь, то снег, часто ветры, всегда мокрота; хмуро, неуютно и уныло. Скучая по вас вспоминаю, без видимого повода, отдельные мелочи прошлого. Вот, вспомнилось, как приехал первый раз в Кутловы Борки, как мы вязли в снегу, прежде чем дошли до школы. Вспомнил тебя, тогдашнюю. И в связи с тем, что пишу, вспомнил, как попал не на свой поезд и был высажен на какой-то станчужке около села Широкого Ряз. губ. Это было, если не ошибаюсь, в 1907 г. Провел день, 15 авг., блуждая по полям, покрытым кашками – в ожидании вечернего поезда. Это было мое первое прикосновение к рязанской земле. Еще вспомнил похороны Миши, где благоухание ржи (29 июня 1915 г.)¹ сливалось с видом благодатной почвы, тучной и черной сверху, сухой и уютной внизу. Из раннего* детства. Мне было 2–2½ года. Мы жили на подъеме к Давидовской горе, в Тифлисе. Улица крутая, фаэтон едва въезжал по ней. С отцом мы ходили в город за покупками и возвращались к обеду, в самую жару. Лето, скалы и дома накалялись, а я в детстве никак не выносил жары, изнемогал и раскисал. Папа нес меня на плече, т.к. был нагружен покупками и взять на руки не мог. Тот же подъем и Давидовская гора всплывает в воспоминании более позднего* времени, мне было вероятно 5½ лет. Мы жили в Батуме, но папа, когда по делам службы ездил в Тифлис, брал меня с собою. Останавливались

Павел Александрович и Анна Михайловна Флоренские.
Сергиев Посад, 28 марта 1911 г. Архив семьи Флоренских

Павлуша
Флоренский.
Тифлис. 1884 г.
Фотография
Кондратенко,
бывшая Вестли.
Архив семьи
Флоренских

в Тифлисе у тети Лизы. Однажды, в один из приездов, за обедом (опять жаркое лето!) было мороженное*. После обеда пошли с папой на Давидовскую гору. Подымались по крутой каменистой тропинке и нашли орлиное перо, меня очень занявшее. Папа рассказывал* об орлах. А я приставал к папе с вопросом, который и после долгое время сидел в моей голове и не получал ответа. «Если испытываешь холод после жары, то можно простудиться; а нельзя ли простудиться, если подвергаешься жару после холода?» Подразумевалась прогулка по жару после мороженного*. Вероятно, я ощущал недомогание от начинавшейся болезни и боялся простудиться, т.к. в тот же день я захворал оспой – не то ветреной*, не то натуральной. Это утвердило меня в мысли, что можно простудиться от жары. Смысл же моего вопроса касался природы времени – его необратимости,

т.е. неэквивалентности отношений «А – следовательно В» и «В – следов. А». Помню, моя мысль опиралась на наблюдение, которое я, с тех пор, как помню себя, и до 7 лет, непрерывно проверял. Оно состояло в том, что ходить за большим делом неминуемо влечет за собою маленькое, а ходить за маленьким не требует большого. Наконец, когда летом мы были в Боржоме, я счел необходимым предпринять опытное исследование и для этого устроил специальную опытную уборную. Дача, двухэтажная, стояла на косогоре, и с балкона был прямой ход на чердак другого здания. Я отыскал там воронку с коленчатой трубой от водостока, укрепил ее на карнизе и стал экспериментировать, и убедился, что, действительно, «А – следов. В» еще не значит «В – след. А». Так я открыл для себя одно из важнейших понятий – необратимость процессов природы.

Еще раз пишу насчет занятий с Тикой. Я убежден, что если ее направить, то далее она пойдет хорошо и сама, но надо довести ее до такого состояния, чтобы хоть что-нибудь она делала безукоризненно, это даст ей точки опоры. И это необходимо сделать не только ради занятий, но и ради ее правильного душевного состояния. Относительно Оли скажу то же самое,

Тифлис.
Давидовский
монастырь.
Открытка 1910-х гг.

Флоренская О.А.
 Портрет Павла
 Флоренского. 1907 г.
 На обороте автограф
 П.А.Флоренского:
 «Валя Флоренская.
 Портрет П.А.Флоренского,
 писанный в Боржоме
 с натуры летом 1907-го
 года, вероятно в июле
 месяце (портрет этот
 привезла мне в 1917-м
 году из Тифлиса
 сестра моя Люся).
 Свящ. П.Флоренский.
 Портрет сей писан
 во время 6 июля –
 1 августа 1907 года».
 Собрание семьи
 Флоренских

ей надо помочь, чтобы она стала на ноги. Ив. Фед. опытный учитель и конечно мог бы дать ей твердую почву. Я очень доволен, что М.В. навещает вас, и потому что это вас ободрит, и потому что считаю его¹ очень доброкачественной. Часто вспоминаю ее и жалею, что не могу ее отблагодарить за память и за внимание к вам. В моих мыслях она встает как одна из не очень многочисленных светлых точек, встреченных мною в жизни. Но мне жаль ее, т.к. она, по свойствам своей природы,

¹ Так в тексте. Вероятно, *ее*.

устроиться не умеет и не находит внутреннего спокойствия. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, и еще раз.

Дорогой Мик, получил твое сообщение о программе занятий и остался довольным, что теперь мне известно, чем ты занимаешься. Пишешь о недостатке материалов для опытов. У меня была эмалированная проволока, кое какие* металлические материалы и материалы изоляционные, особенно карболит в палках и пластинах. Если материалы эти сохранились, то можешь ими пользоваться. Еще были старинные телефонные трубки (на них написано их сопротивление), хороший конденсатор переменной емкости, искусственный галенит и пр.; что нужно тебе, бери. Тут молодые люди устроили целый оркестр, и некоторые инструменты соорудили сами. Из инструментов обратил внимание мое флексофон. Это – изогнутая стальная пластина, зажата в разрезе деревянной палочки. Зажим достигается контргайками на проволочной (из толстой, ок. 3 мм Ø) ручке. Меняя изгиб пластины, можно изменять высоту тона. Звук производится ударом деревянных шариков на стальных проволоках, укрепленных у конца пластины. Вид флексофона изображен на сл. странице. Ширина пластины вверху 7,5 см, а у ручки-изгиба 5 см. Впрочем, я ошибся, когда писал, что флексофон был изготовлен домашними средствами: он покупной. Сделать же его можно из обломка широкой пилы.

Еще сообщаю тебе, как надо разрезать бумагу и картон, чтобы не портить линейку: на конец ножа или на угол лезвия безопасной бритвы надевается (через расщеп) небольшой кусочек (1½–2 см) спички и разрезывание производится высывающимся через спичку острым углом ножа или бритвы.

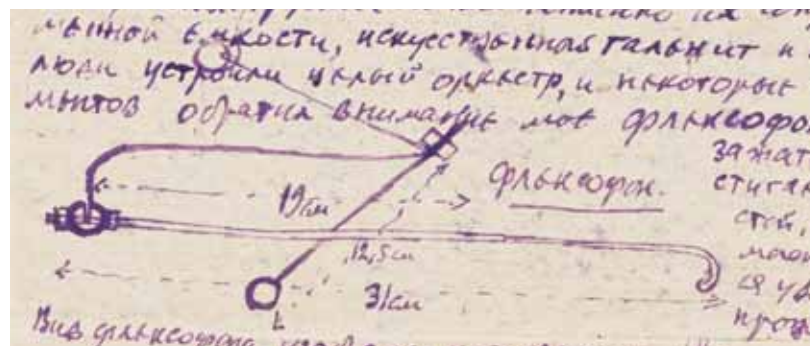
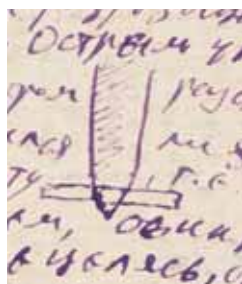

Рисунок
П.А.Флоренского
из письма
от 1–4 ноября 1935 г.
Архив семьи Флоренских

Спичка держит лезвие в некотором разстоянии* от линейки. Ты спрашиваешь, охотился ли я и ловил ли рыбу. Не охотился, а ходил на охоту, т.е. не стрелял, а только ходил с ружьем. Впрочем, один раз выстрелил, в сильный ветер (была буря), не целясь, будучи уверен, что птица, высоко летевшая, вполне безопасна, – и нечаянно попал, о чем до сих пор не перестаю жалеть. На рыбную ловлю я тоже только ходил с кем-нибудь, но сам рыбы не ловил. Не люблю я этих занятий – и скучно и жалко. Крепко целую тебя, дорогой, и поздравляю с именинами*.

Рисунки
П.А.Флоренского
из письма
от 1–4 ноября 1935 г.
Архив семьи Флоренских

Дорогая Тика, как-то недавно я осматривал старинную монашескую хлебопекарню². Она – под трапезной. Это – древнее здание, бывшее когда-то давно

местом защиты в соловецкой крепости (в Средние века это называлось «донжон»). Стены здания толщиной около 3 метров и даже внутренние перегородки по 1½ метра. На подоконниках небольших окон (подоконники – в виде равнобоких трапеций, расширяются внутрь комнаты) можно поставить стол, стулья, кровать и пр. и жить, как в комнате. Потолки сводчатые. Три громадные печи, в которых можно выпечь 1½–2 тонны хлеба, даже 3 тонны. Кочерги к печам длиной в 9 шагов (моих) и весом около 50 кг. Каждая коврига хлеба в 11 кг, а в каждую из печей можно сразу поставить несколько сотен таких ковриг. Все массивное, что не верится глазам.

Вчера, идя в столовую, встретил лисичку, и она почти из рук брала хлеб. Она мне рассказала* (а сама слышала от чаек), будто одна девочка боится сделать растениям больно, когда у них отрезают листья. Но это не совсем верно: растения хотя и чувствуют, но очень невнятно; вероятно при отрезывании листьев они испытывают то же, что и люди при стрижке волос или ногтей. Ты так и не сообщила мне, какие сказки ты читаешь. Приходится ли тебе гулять? Или так грязно и холодно, что надо сидеть дома? Привез ли Кира каких-либо растений? Слышала ли ты, что в Англии существуют бабочководные фермы со специальными садами, где разводят самых красивых и редких бабочек? Крепко целую тебя, дорогая Тика, и запоздало поздравляю с днем рождения³.

Калмыкова Е.М. Уголок Кремля. 2002 г.

Дорогая Оля, очень скучаю без тебя и беспокоюсь о твоём здоровье. Непременно позаботься о том, чтобы не простудиться, т.к. в твоём положении всякая простуда может повести к рецидиву болезни. Одевайся потеплее, это очень существенно, поможет организму бороться против инфекции. Думаю, было бы хорошо применить внутренний прогрев – диатермию (токами высокой частоты), м.б. мама спросит об этом опытного врача. Приходится ли тебе говорить с Наташей о музыке? Мне думается, весьма важно обсуждать музыкальные произведения, даже и не вполне правильно, потому что необходимость сформулировать свою мысль заставляет задуматься и приучает различать* впечатления. Попробуй составлять схемы музыкальных произведений; ничего, если будешь ошибаться. Было бы хорошо с кем-нибудь обсуждать такие схемы. В свое время я, правда в другой области, на философских произведениях, многому научился на подобных схемах. Большое удовольствие и удовлетворение – сделать архитектуру произведения вполне прозрачной для себя и установить органическую связь отдельных его органов и тканей (в творческом произведении нет *частей*, а есть только *органы*). Тогда выясняется, что даже противоречия и не[у]вязки произведения вытекают из общего его замысла и, из всех

Городская Дума в Тифлисе.
Фото П.Флоренского.
1897 г.

Мария
Вениаминовна
Юдина

мыслимых возможностей, наиполнейше его выражают. Чем отличается органическое, живое, творческое от механического, вещного, безжизненного, – рожденное от сделанного? Тем, что сделанное лишено истинного единства, оно не есть ЦЕЛОЕ, а рожденное – целое. «Целое прежде своих частей» (Аристотель)⁴, т.е. оно *из себя* их производит, – выводит, полагает, тогда как сделанное *слагается* своими частями и ими полагается, есть лишь отвлеченная мысль о взаимодействии этих частей. Целого тут *нет*. Там же, где есть целое, части, им порождаемые, суть *органы*. Задача изучения поэзии, музыки, живописи, научной мысли и т.д. – понять изучаемое, как целое, т.е. увидеть, как его целое полагает, производит свои части – органы. Вот, и *твое* целое должно

исправить твои органы и направить их к полному здоровью. Это – дело времени, а пока надо хранить бодрость и энергию и помогать организму, в частности – теплом. Присылаю вам растения, появляющиеся здесь рано, в июне: папортник* и еще одно, покрывающее целые поля, названия которого я не знаю. Часть возьми себе, часть передай мамочке и еще, кто захочет. Кланяйся от меня бабушке и С.И. Если увидишь М.В., скажи, что я постоянно вспоминаю о ней и желаю ей спокойствия и успехов.

Через день по 2 стиха пишу «Оро», нет ни времени, ни места, ни благоприятного душевного состояния: природы. Крепко целую своего дорогого Оленя.

Дорогой Кирилл, постоянно вспоминаю тебя. Но одно навязчивое воспоминание заставляет содрогаться. Мы с тобою и с Васей возвращались с прогулки осенней ночью. Дядя Вася с Васей ушли вперед, а мы с тобою тащились позади. Была непроницаемая темнота и скользкая грязь. Я вел тебя за руку и мы не заметили, что идем по карнизу огромной выемки, полной воды. Ты оступился и я удержал тебя за руку. Стенки выемки были отвесны. Это воспоминание не залечивается временем и всякий раз приводит меня в ужас, – м.б. потому, что я всегда думаю о вас.

Кира Флоренский. Сергиев Посад. 1918 г.
Фото А.П.Платонова. Архив семьи Флоренских

Рисунок Киры
Флоренского.
В правом верхнем
углу надпись
П.А.Флоренского:
«1921.XI.07. Кира
нарисовал в подарок
папъ – папу
и себя самого».
Архив семьи
Флоренских

Сообщаю тебе, на всякий случай, неск. сведений практического характера. На чертежах стирать тушь можно, если смочить^I стираемое место уксуcн., щавелев. или лимонной кислотой, а затем, через 1 мин. примерно, протирать ватным тампоном или растушевкой из фильтров. бумаги, сменяя их, и наконец отмыть водою. Сверлить стекло можно дрелью^{II}, смачивая сверло скипидаром; но сверлить надо только до половины, а затем начать сверление с другой стороны. Объясняется возможность такого сверления тем, что скипидар – капиллярно-активная жидкость и понижает поверхностное натяжение стекла, т.е. твердость на царапание.

Белое море время от времени выбрасывает предметы, которые могут иметь значение для географии, гл. обр. для изучения морских течений. Так, напр., выбросило недавно бочку с керосином, по надписям которой было установлено, что она – красноморского происхождения. Впрочем, я лично не уверен, что она не попала как ниб.* с Красного моря на какой либо* другой пароход, плавающий в водах более близких. Как-то выбросило 2 стеклянных шара, хорошо запаянных,

^I Так в тексте. Вероятно, смочить.

^{II} Так в тексте. Вероятно, дрелью.

толстостенных, содержащих только воздух. Никто не может объяснить, для чего такие шары бросаются в море; думается, что для выяснения, как идут течения.

Из особенностей здешних построек обращают внимание подъезды ко вторым этажам сараев, складов и прочих служебных строений. Это – длинные наклонные плоскости, по которым легко вносить или даже подвозить грузы. Такие подъезды – обычны на севере, но я видел их впервые на Соловках; устройство очень удобное и сохранившееся от монахов. Когда разсматриваешь* эти старинные постройки, то бросаются в глаза здешние бревна – закрученные в тугие, с малым ходом, спирали. Постоянные здешние ветры делают это обычное у деревьев приспособление (спиральную тенденцию, придающую стволу пружинность) чрезвычайно ярко выраженной¹. Целую тебя, дорогой. Пиши, как твое учение.

Косая слоистость
в девонских песках
(окрестности
Барановичей).
Фото П.В.Флоренского.
2002 г.

Дорогой Вася, вероятно ты очень увлечен своею новою жизнью: совсем не пишешь и я не знаю, чем ты занят и как живешь. И маму видишь редко, что ее огорчает. По поводу твоих занятий осадочными образованиями хочу напомнить тебе об изучении косослойности, тесно связанной с фациями. У меня в

материалах была брошюра (не помню автора) о косослойности песчаных грунтов. В связи с косослойностью и несогласным напластованием было бы очень важно рассмотреть гранулометрический и минералогический состав пород, а также выяснить характер и направление ориентировки частиц. Вероятно, таким образом можно было бы установить важные закономерности, по которым, далее, удастся прочитывать различные образования и условия их генезиса. В частности, важен вопрос о том, располагаются ли в косослойных образованиях плоскости сланцевания параллельно плоскостям напластования, или под углом к ним.

Относительно глин и глинистого происхождения пород (шифер, как метаморфизиро-

¹ Так в тексте. Вероятно, *выраженным*.

Монастырский
скотный двор
с подъездом
ко второму этажу.
Фото В.П.Столярова.
2008 г.

ванный сапропелит) необходимо решить вопрос об их органических составляющих – об их количестве и природе. Всякая глина содержит до 1% органич. веществ, но какова их природа? Особенно интересует меня природа черной окраски шифера и нек. глин. Что она органич. происхождения – это несомненно. Но есть ли это углистые тела, типа карбонов, карбонидов или графитов, или кероген – кажется, никто пока не дал указаний, а было бы важно и вероятно могло бы отчасти служить критерием для установления древности породы. Еще вопрос, не содержится ли в подобных породах иод*, как следствие их планктонного происхождения. Записываю тебе эти и подобные вопросы на всякий случай, м.б. они пригодятся при работе. Ибо поставить вопрос – это сделать половину пути к выяснению явления. Крепко целую тебя, дорогой, кланяюсь Наташе. Получила ли она мое письмо? Бываешь ли у бабушки? Не забывай ее и заходи вместо меня. Еще раз целую.

Конверт (137×103 мм) кустарный, розовый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 08.12.35; Загорск – 11.12.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская ул., 19». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Основн.».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1935 г. 13 декабря».

Письмо на двойном листе (365×260 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила фиолетовые.

В конверт были вложены засушенные растения (сохранились).

1. М.М.Гиацинтов умер летом 1916 г. О нем П.А.Флоренский в 1916–1918 гг. писал рассказ «Пономарёк».

2. Хлебопекарня находилась под Успенским собором. Хлеб в ней выпекают до сих пор.

3. Мария-Тинатин Флоренская родилась 11 ноября 1924 г.

4. *Аристотель*. Метафизика. Кн. 5. Гл. 11. С. 1019 а 8.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

3–4 ноября 1935 г.

О. Соловки

Варенька, милая девочка! Новый ноябрь без тебя и, нужно сказать прямо, довольно противный. Погода стоит пока что теплая – днем градусов 5–6. Был три дня снег, полежал и растаял. Если нет ветра, то туман, если нет тумана – ветер такой, что приходится с усилием продвигаться против него. Если куришь трубку на воздухе, то она выкуривается ветром моментально – или разбрасывается искрами табак, или все сгорает внутри, а дым идет из мундштука. В моем положении произошли небольшие изменения. Я назначен техноруком на йодовый завод. Я уже писал тебе, с какой неохотой я шел на это дело. В конце концов никаких реальных неприятностей от этого пока что нет. Из плюсов – завод на берегу моря и из окна видна даль и темные воды моря. Из минусов – наличие женского элемента, и сильно противного. Пока что я живу в старом помещении с людьми, о которых я уже тебе писал, т.е. компанией я очень доволен и мне будет неприятно, если с ними придется расстаться. Из бытовых подробностей можно сообщить, что с 2-го XI в ларьке начали продавать свободно и безкарточно махорку, конфеты и, кажется, печенье. Ходят слухи, что будут продавать и сахар, так что, видно, посылки станут излишни. Единственное, в чем будет ощущаться потребность, – это жир. Остальное как будто будет доставаться тут. Пока что я получал денег совсем достаточно для роскошной жизни. Эта роскошь выра-

жалась в том, что за приплату примерно в четвертак я получал ежедневно 300 гр. белого хлеба взамен черного, на службе к чаю покупал коврижку или булку за 30 или 40 копеек и покупал по несколько повышенной цене махорку. Табак, который ты мне прислала, курился с осторожностью, и его хватило до сегодняшнего дня. Белье свое все выстирал, и оно все чистое. Таким образом, хозяйственные дела мои обстоят благополучно. Штаны мне починил один из крупнейших в СССР специалистов¹ по физике. Прорыв намечается на одеяльном фронте. Одеяльце мое дало свет в одном из концов. Поэтому я начинаю налаживать постепенно получение казенного одеяла. Это операция длительная, требующая терпения и дипломатических способностей. Первое у меня есть, а относительно второго – дефект. Но я думаю, что в конце концов что-нибудь да выйдет.

Что же меня огорчает? Конечно, ты <...> но не ты одна, а в соединении с Наркомпочтелем, вру, Наркомсвязи. Писем от тебя нет. Я был в самой черной меланхолии, думал бог знает что. Ложился спать со страхом, потому что привык засыпать, думая о тебе, а мысли были самые панические. Наконец полу-

Туча.
Фото В.И.Петруниной.
2010 г.

чил открытку от I.X. Она шла ровно месяц и все-таки подействовала очень успокоительно. Правда, я не все в ней понял. Уверенность в том, что я буду с тобой, конечно, меня не оставляет – иначе, пожалуй, без тебя и Коли не стоило бы заниматься жизненными процессами, но никаких реальных оснований надеяться на скорое возвращение у меня нет. Так, просто что-то вроде веры, порядка почти мистического. Иногда я пробую думать – что ты делаешь, как живешь – и у меня ничего ровно не выходит. Очень было бы хорошо с твоей стороны попробовать описать, что ты делаешь, какие у тебя радости. Но даже если ты напишешь – жива, температуры нет, у Кольки болел живот, прошел – и то будет чрезвычайно существенно. Ну, хватит уговаривать тебя забыть отвращение к бумаге и чернилам. Сообщу о том, какого я дал страшного маху. Писал Любе письмо, написал длинное и подробное, написал адрес и отправил. А адрес ухитрился напутать. Вместо улицы Чапаева написал Буденного. Разница очень существенная. Одна надежда на то, что городишко² небольшой и, может быть, дойдет и так. А при нашем скудном письменном бюджете утеря письма вещь очень неприятная. Хотя, конечно, ни в один из периодов своей длительной жизни я никогда не писал так много писем, как за последний год с лишком. Что значит – твердо ограниченное количество. Так, верно, в кооперативе, пока все есть, покупают меньше, чем когда товары нормируют.

Как, к слову сказать, обстоят рыночные новости и цены? Некоторым пишут из дому, что жить стало легче в отношении цен и количества продуктов и товаров. Если судить по нашему ларьку, то это, видимо, правильно. <...> Где теперь толкучий базар? Может быть, его и вовсе нет. Все быстро меняется. Нижний я теперь помню, как в вечернем свете. На грузовике мы ехали с Арзамасского шоссе по направлению к вокзалу, по улицам той части города, где ты жила. Проехали мимо дома Таисии (отчество забыл), мимо которого мы с тобой ходили, конечно, ты помнишь, как. А потом все спуталось и остался вокзал. Я ждал, не случится ли чуда, не будешь ли на вокзале ты, но чуда не было, а был вагон, называемый столыпинским³. И началось путешествие, некоторые подробности которого ты знаешь и которое продолжается и сейчас, если не в пространстве, то во времени. (На этом месте я лег спать,

потому что сожители начали мешать разговорами, да и времени стало много – к двум часам)¹.

Из начала моего письма, как это сегодня обнаружилось, нужно исправить место о махорке. Остальное все правильно, а махорка была в продаже один день, оказывается, заведующий ларьком сошел с ума и поэтому пустил ее в продажу по собственной инициативе. Сегодня его уже поместили в больницу, где он и лечится. Не знаю, сколько писем придется мне писать в этом месяце, потому что списки на дополнительные письма будут не раньше числа 15. Надеюсь, что мне дадут опять максимум, т.е. три дополнительных, и я сумею исправить свою вину по отношению к Любе, да и свою старую не обидеть. Во всяком случае, не откажи в любезности написать пару строк Любе и объясни ей, какой вышел неприятный казус.

Сейчас у нас масса хлопот. Готовимся к очередной октябрьской выставке. Хлопот масса. В однообразной жизни островитян эта выставка большое событие. Все хотят блеснуть тем или другим. Развивается настоящее соцсоревнование. В прошлом году гвоздем выставки был морской заяц, о котором я в свое время писал. Что будет в этом году – не знаю, а что будет в будущем, надеюсь не знать. Та работа, которую мы вели в прошлом году и не смогли закончить в этом году, переходит уже в полужаводскую установку. Если работы пойдут успешно, то к будущему году будем строить завод уже приличного масштаба и будем выпускать различные водорослевые продукты. Мы разработали целый ряд применений водорослевых продуктов и для бумажной промышленности, и для текстильной и т.д. Взяли, вернее, сдали в БРИЗ штук 8 заявок на изобретения, написали 4 научные статьи для журнала⁴ ББК (по поручению высшего начальства). Конечно, никаких надежд на этой базе строить нельзя, но, во всяком случае, пока что к нам относятся с известным вниманием и иногда возлагают надежды довольно преувеличенные. Например, думают, что мы сможем сделать бильярдные шары⁵. Между прочим, в прошлом году ты обещала кое-что узнать о манните. Что мне нужно? Как и какими способами его получают. Где можно это узнать? В немецкой химической энциклопедии Uhlmann'a в моей лаборатории (1-е издание) или в лаборатории ЧХЗ (2-е издание).

I Далее письмо продолжено 4 ноября 1935 г.

Попроси кого-нибудь из ЧХЗ, знающих немецкий язык, сконспектировать места на эту тему из Uhlmann'a. В органической лаборатории есть Бейльштейн. Попроси моего тезку сделать то же самое с Бейльштейном. Интересно бы знать растворимости маннита в воде и спирту. Ну, крепко и нежно целую свою любимую жену! Еще вчера я думал, какая изумительная вещь любовь и как чудесно было встретить тебя! Без тебя жизнь не была бы полной и законченной. Кроме тебя, в сущности, у меня не было никого такого близкого (кроме отца, пожалуй, но это совсем другое). Шлепни Кольку, целуй бабушку. Гарри при[вет].

Р[оман]

1. П.А.Флоренский не раз выручал своего товарища. О подобном случае Р.Н.Литвинов говорит в письме от 17 августа 1935 г.

2. Адрес Л.Н.Литвиновой в ссылке: Тара, ул. Буденного, 4.

3. «Столыпинский вагон» создан в 1908 г. по заказу П.А.Столыпина для перевозки крестьян-переселенцев на свободные земли в Сибирь во время проведения столыпинской аграрной реформы (1906–1911). Такой вагон был ниже обычного пассажирского, но выше товарного, имел купе на 4 человек и подсобные помещения для утвари или птицы; никаких решеток – ни внутри, ни на окнах – не было. Затем, еще в царское время, стал использоваться для перевозки арестантов.

Вообще для перевозки арестантов использовались разные вагоны. Собственно советский «столыпин» (имя которому досталось по наследству) – это вагон на основе обычного пассажирского, с купе, отделенными от коридора металлической сеткой. Такой вагон цепляли к пассажирским составам. Когда страну накрыла мощная сеть ГУЛАГа, для перевозки больших масс заключенных стали использовать отдельные составы, в вагонах которых все четыре яруса: пол, сиденье, средняя полка с откидным лазом и верхняя полка – предназначались для размещения заключенных. В одно такое «купе» набивали порою до 30–40 человек. Зимой эти вагоны обогревались печкой – охапка дров на день (этого было мало, и если не удавалось каким-то путем получить больше топлива, то вагоны вымерзали – были случаи, когда «этап не дошел»). При необходимости этаплируемых могли везти и в обычных пассажирских вагонах, хотя это случалось редко. Существовал также термин «вагонзак» (вагон для заключенных) – так могли называть любой вагон с арестантами.

4. Название журнала установить не удалось.

5. Об этой же проблеме пишет сыну и Н.Я.Брянцев. См. его письмо от 7 июля 1935 г.

Эмблема 8 отделения
БКК НКВД.
Рис. А.Ф.Вангенгейма.
Архив Э.А.Вангенгейм

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

4 ноября 1935 г.

№ 78 <...> Готовимся к празднику, как обычно – большая горячка, приходится поздно кончать работу. А сегодня, кроме того, читал лекцию о лучистой энергии в колонне усиленного режима, устал отчаянно.

Второй великий праздник Октября встречаю без вас, в чуждой обстановке, а главное – с убийственным сознанием абсолютной бессмыслицы. <...>

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

12 ноября 1935 г.

О. Соловки

Милая моя девочка! Получил почти подряд три посылки. Выражаю тебе и благодарность, и одновременно неблагодарность. Я уже не раз писал тебе, что я устроен в материальном отношении совсем неплохо. А ты шлешь и шлешь. Масло у меня сохраняется еще с лета, сахара неприличные количества. А по существу это все роскошь, потому что кормлюсь я недурно в ИТР-столовой, хлеба не съедаю полностью, денег пока получаю около 50 руб. в месяц. В будущем как будто эта цифра несколько уменьшится, но она будет, видимо, достаточна для нужных прикупок. Лучше бы ты сама кушала и толстела бы мне

на радость. Понимаешь, какое бы мне было бы удовольствие прочесть в письме, что ты прибавилась в весе кило так на пять. Мне гораздо нужнее другое – твои письма. А их как назло нет. Так, стороной узнаю, что как будто бы все в порядке, но последнее письмо было открытка от начала октября. Одно утешение, что, во-первых, ты можешь и забыть опустить письмо, что оно может завалиться по дороге. Общий смысл этих предварительных соображений в том, что нужно писать и писать. Пиши открытки, это скорее и в отношении писания, и в отношении доходчивости. Я не отказываюсь и от получения закрытых писем, но чувствую, что писать их – целое событие, и решиться на письмо трудно. Пока что я испытываю некоторую зависть, когда сожители получают из дому письма.

Событий за истекшее время не было. Первое ноябрьское письмо я послал 4 числа. Живу там же. Комната теплая, компания приятная, иногда разговор на английском языке, спим крепко. Пьем чай, ведем разговоры о давно прошедших событиях, вспоминаем общих знакомых и прежний быт. Единственная тема, отсутствующая в разговорах, – это будущее. Потому что в него заглядывать бесполезно. Работаю я сейчас техноруксом в йодном заводе и совмещаю с работой по проектированию с тем, чтобы не потерять связи. В сущности, я мог бы переменить жилищные условия на несколько более свободные, но не хочется покидать компанию и менять ее на менее приятную, точнее сказать, на неприятную, хотя как будто можно было бы устроить и совсем отдельное помещение.

Главное событие в общественной жизни острова была очередная октябрьская выставка. Так как в общем она повторяется с немногими изменениями, то особенно сильного впечатления она и не произвела. Гвоздем выставки были звери. Во-первых, олень, большой, дикий, с громадными рогами. Он был очень тесно привязан и смотрел удивленными и трагическими глазами на народ. Потом в деревянной кадке, покрытой сеткой, было два тюленя – нерпы. Они размером с крупную собаку и очень симпатичны, с очень интеллигентным выражением глаз. Самое эффектное – это была полярная сова. Она крупная, размерами с Гарьку (без лап), и [с] громадными глазами, в поперечнике 2,5 сантиметра. Они у нее совсем безстрашные и презрительные. Она сидела совсем спокойно, изредка поворачивая

Выход из древних
казематов.
Фото Г.В.Смирнова.
2005 г.

Домовый
сычик в дупле.
Фото А.Е.Черенкова.
2000 г.

голову и поводя невидящими глазами, так что я сначала принял ее за чучело и только через минуту заметил, что она шевелится. Ну, было много всяких местных изделий, в том числе сливочное масло куском. Хотя за ним и был неустанный надзор, но оно к концу первого дня исчезло. Потом были рисунки местных художников, некоторые очень приятные, некоторые совсем слабые. Можно было посмотреть так с полчаса. Потом, на 3-й день праздника, я попал на концерт. Просидел 4 часа и был отчасти компенсирован очень хорошим баритональным певцом¹. А в общем было очень слабо, так что теперь, наверно, долго не пойду

в наш театр. Другие развлечения у нас немногочисленны. Книжек новых нет, старые прочитаны, да и времени нет читать. Гулять некогда. Утром, в девять часов, нужно уже позавтракать и пройти шагов 500 на работу. В четыре идешь обедать. С 8 опять на завод. Домой попадаешь после 11 – чай и спать, поговоривши о разных вещах.

К слову об обедах – приведу сегодняшнее меню. Утром. Гороховая похлебка и круглая плоская котлета из пшена, залитая киселем. Обед. Суп с макаронами (мясной), на второе гречневая каша с двумя-тремя кусками солонины. Поужинал я черным хлебом с великолепным свиным топленым салом, присланным моей старой женой, и вспоминал о ней с нежностью. Все-таки нужно сознаться, что без тебя очень тоскливо. Никак не думал, что смогу так привязаться к женщине (хоть и такой приятной, как ты). Прошло уже почти два года с момента нашей разлуки, и сначала я, пожалуй, затруднился бы сказать, без кого пустее в жизни – без тебя или Кольки, и иногда эта пустота без мальчишки чувствовалась, пожалуй, острее. Теперь вспоминаешься больше ты. Вспоминаешься ты очень часто. Надеюсь, что ты тоже иногда вспоминаешь меня, но не так остро, как я. Все-таки у тебя больше интересов и забот и близкие люди близко. Тут люди, с которыми я живу, хорошие и интересные, а все-таки чужие. Занят я много, а все-таки

думается. Но распускаться я себе не позволяю и стараюсь хоть как-нибудь, а всегда быть в бодром виде, что обыкновенно и удается. Поэтому, вероятно, согласно с учением современной психологии, и настроение у меня бодрое, и безнадежности нет, хотя, объективно говоря, особенных надежд на ближайшее время не надо возлагать.

К сожалению, я переменял место работы. Я уже тебе писал, что обстановка несколько натянутая. Может быть, со временем это рассосется и будет по-прежнему приятно. Во всяком случае, по существу работа большого масштаба, сравнительно с прежней, и если не было бы известной личной антипатии, возникшей сравнительно давно между лабораторией, в которой я работал, и работниками (некоторыми) того учреждения, в котором я работаю теперь, то дело пошло бы сразу ходом. А теперь приходится ждать изживания старых отношений. Посмотрим, как повернутся события.

В прошлом письме я писал тебе, какой казус вышел у меня с Любиным письмом, а именно, что я заадресовал его вместо Чапаева, 4 – Буденного, 4. На случай, что то письмо не дойдет до тебя, а это дойдет – попрошу тебя черкнуть ей об этой печальной моей ошибке. Хотя в этом месяце я смогу написать ей еще письмо. В списке на дополнительные письма мне выставлено 3 письма. Так как писать, как видишь, и как будто не о чем, то думаю одно из дополнительных писем израсходовать на посылку в Сибирь, а еще одно напишу тебе числа двадцать второго – двадцать четвертого.

Теперь о мелочах жизни. Мои сожители занимаются сыроварением. Покупают творог, загнаивают его особым способом до сильно противного запаха, а потом кушают под видом сыра. Я, грешным делом, не решаюсь пробовать, но они лопают с видимым удовольствием. Я, пожалуй, решусь на пробу со следующего раза. Печку топим изредка, так как в комнате тепло. Когда топим, то я варю кашу, чтобы она не пропала, т.е. крупа. Выходит неплохо, хотя первый раз я пшено пересушил умеренно, так что каша была рассыпчатая и вкусная, а второй раз умеренно, так что пришлось прилить кружки две воды, и каша получилась размазанная.

Здоровье мое в отличном состоянии, хотя я и лишен постоянных длительных прогулок, которые были неизбежны

Зима.
Бухта Благополучия.
Фото В.П.Столярова.
2001 г.

в прошлом году, так как на работу нужно ходить довольно близко и к тому же совершенно не приходится заниматься заготовкой дров, т.е. пилой и рубкой. Это было очень приятно. Но с ближайших дней, вероятно, я открою серию дальних экскурсий на места выброса водорослей, так что моциона будет совсем достаточно, а морских пейзажей еще больше. Говорят, что в тех местах очень много клюквы. Я ни разу не видал ее в растущем состоянии и очень заинтересован. Погода стоит теплая. Снег выпал, полежал дня три и безследно стаял. Днем температура градусов 5–6, ночью слегка холоднее. Было очень грязно, но постепенно подсохло. Озеро подернулось тонким льдом, но потом и он растаял. Вот примерно все о моей жизни без тебя.

Конечно, невозможно суметь выразить в письме всю ту теплоту и нежность, которые вызываются всякой мыслью о тебе – но тут я надеюсь, что ты и сама меня понимаешь больше, чем я могу сказать. Крепко тебя целую. Поцелуй мальчишку от меня. Уж очень бы хотелось увидеть хоть фотографию с него. Привет бабушке. Как ее здоровье? Я был несколько обезпокоен одним из твоих писем в этом отношении. <...> Еще раз нежно и крепко целую.

Р[оман]

1. Возможно, Р.Н.Литвинов говорит о Л.Ф.Привалове.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю, Капитолине

13 ноября 1935 г.

Милая и дорогая Виша и Коташа с Капочкой.

Прежде всего подтверждаю получение двух последних посылок – яблочную <...> и Вашу с брюками и прочим Мюром¹. Брюки хороши и с получением их я не буду испытывать тех или иных осложнений, связанных с переходом на зимний сезон и наличием соответствующей одежды. С этой стороны все будет обстоять благополучно. Больше вещей мне никаких не присылай. Остальное в брючной посылке оказалось очень вкусным, а потому и приятным. А содержимое с коробочкой решил оставить ко дню моих с Котиком именин. <...>

Меня весьма интересует, как в конце концов вытанцевалось дело с Комиссией. А главное, я жду с нетерпением результатов в части поступления Котика на подготовительные курсы. Считаю, что это самое существенное на его теперешнем этапе. Буду чрезвычайно удовлетворен и доволен, если эта проблема будет поставлена на рельсы и дальше начнет уже по ним катиться. Трудно дело начать, а там пойдет. Поэтому я просил бы Котика мне детальнее написать об этих курсах, где они организованы, как поставлено дело и на каких началах проводится учеба. Сколько занимает времени. Имеется ли содействие со стороны заводоуправления и в чем это конкретно выражается. Считаю, что самое остроумное, что может Котик предпринять, это постараться без отрыва от производства добиться получить высшее специальное образование и этим, конечно, несоизмеримо повысить свою квалификацию. Надеюсь, что со стороны дирекции и общественных организаций будет ему оказана полная поддержка за проявляемую со стороны его инициативу и упорную работу по выполнению и перевыполнению заданий руководимого им цеха с очень тонким производством, а главное, новым в СССР. <...>

Не огорчайся, милая моя, что не дали Тебе свидания. Я так слышу от публики, которая удостоилась этой награды, что большого удовольствия от предоставленных «десяти часов на общих основаниях» они не получили, кроме растрепки нервов. <...>

Как провели Вы праздники, какие получили впечатления от демонстрации и иллюминации нашей столицы. Где же Котик шагал, в Куское или в Москве. Как прошли у него празднества на заводе. Я провел все праздники, валяясь на кровати, никак не удастся от гриппа освободиться. Как будто начинаю выкарабкиваться. Жду, наконец, морозных дней, чтобы покончить со всякой слякотью. Чувствуется их скорое наступление.

Дагочка, по-видимому, устроилась, раз приглашает к себе приехать. Как ее успехи театральные.

Какие успехи к годовщине у Капы.

Целую Вас всех очень горячо.

Ваш [Н.Брянцев]

1. «Мюр и Мерелиз», торгово-промышленное товарищество, которому принадлежал один из крупнейших универсальных магазинов. Учреждено в Петербурге в 1843 г. Мерелизом Арчибальдом. Преемник Мерелиза Эндрю Мюр (с 1867 г. московский купец 1-й гильдии) открыл отделение фирмы в Москве первоначально в виде торгового дома «Мюр и Мерелиз». Затем фирма расширила сеть своих магазинов.

Магазин в Москве торговал одеждой, обувью, ювелирными изделиями, парфюмерией, электротоварами и осветительными товарами, охотничьим оружием, мебелью, предметами домашнего обихода, писчебумажными товарами и др. В 1918 г. национализирован, с 1922 г. – Центральный универсальный магазин (ЦУМ).

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, детям Василию, Кириллу

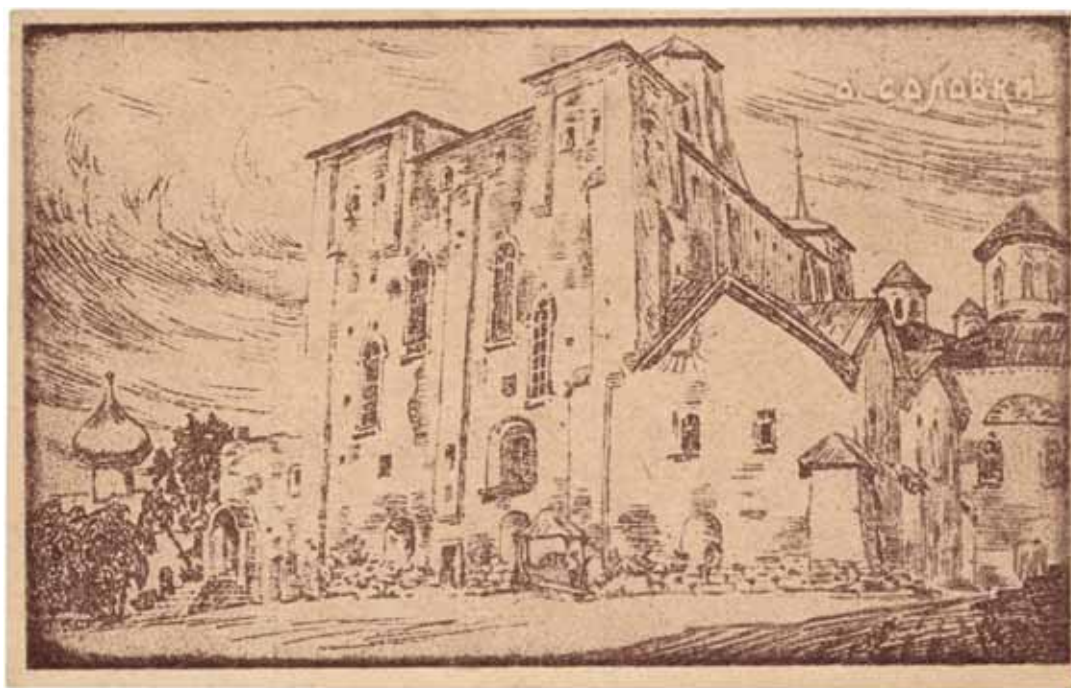
15–18 ноября 1935 г.

Соловки

1935.XI.15. № 37. Соловки. Дорогая мамочка, давно не получал от тебя письма и не ясно представляю, как ты живешь. Вася, который может быть бывает у тебя, мне не пишет, Анна в Москве бывать не может, Кира тоже не пишет. Живу я внешне не плохо, внутренне* же уныло: ни на минуту не удастся остаться с самим собою; природы не вижу, да сейчас и природа вся уныла, сера и неуютна; работа идет в обстановке вовсе не располагающей к активности и жару. Поэтому время идет, а ничего плодотворного не делаешь; т.е. кому-то это и нужно,

но мне лично не дает ничего. На днях один художник-скульптор¹ показывал мне резьбу по дереву – крышку к альбому. В своей композиции он изобразил Соловки в целом. Опишу тебе эту работу, т.к. она удачно дает сводку важнейших сторон соловецкого хозяйства. Резьба по грушевой доске. В средней части – овалный медальон с видом на Кремль, со стороны, которую обычно художники не изображали. Виден собор-крепость. Архитектура его весьма своеобразна и я не могу понять, есть ли это продукт местного сильного и оригинального творчества, или же этот собор построен каким-нибудь западным выходцем. Стиль собора скорее всего можно охарактеризовать как романский на переходе к ранней готике. Собор – высокий, монументальный, простой по архитектуре и величественный. Когда находишься в Кремле, то неоткуда воспринять собор, как целое, и потому он не производит никакого впечатления. Издали же, с югозападной* стороны, он высится над циклопическими кремлевскими стенами, и отсюда оцениваешь его архитектурную значительность. Вокруг медальона – изображения производительных сил Соловков. Снизу – снопы и овощи. Справа – коровы, лошади, свиньи. Слева и наверху: бьют морского зверя –

Браз О.Э.
Преображенский собор.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. II, № 18.
Январь 1927 г.

Сотрудник ВЭИ
П.А.Флоренский. 1930 г.
Фото С.П.Раевского.
Архив семьи Флоренских

тюленя, ловят рыбу, собирают водоросли, тащат баржу. Композиция заключена в обрамляющие ее деревья.

Последнее время я занимаюсь разработкою различных применений водорослевого продукта – альгина. Находятся применения в бесчисленных областях, самых разнообразных. М.б. некоторые, из найденных мною, уже известны, но будучи оторван от литературных источников открываю их, как новые. Изготавливаю кальку, разные виды бумаги для черчения и рисования, для упаковки, для масляной живописи и т.п., краски, фиксативы, клей, составы для покрытия различных поверхностей и т.д. В частности, чиним старые калоши и заливаем швы са-

погов для сообщения водонепроницаемости. Сейчас вот, в выходной день, был занят обработкою своих сапогов, чтобы не проникала в них сырость, а ее тут великое изобилие. Написал 4 статьи для журнала ББК, но не знаю, сумеют ли напечатать их там, т.к. они великоваты². Пишу безчисленные заметки в стенных газетах по разным техническим вопросам, гл. обр. связанным с водорослями. Но все это, однако, не то, что я мог бы и должен был бы делать и что по внешним и по внутренним причинам совершенно неосуществимо. Живу в душевном полусне, это единственный способ жить вообще; мелькают дни за днями и недели за неделями. В этом полусне если есть что живое, то это воспоминания и мысли о вас, остальное же все призрачно и скользит тенью. Таковы и Соловки во всем, такова на них природа, погода и люди. Кажется действительность сном и часто ловишь себя на мысли, что, вот, проснешься, и сновидение рассеется*. Самая зима здесь – не зима, а слякоть, как и лето – не лето, а тоже слякоть, несколько более теплая, чем зимняя.

Сижу в комнате. За дверью в коридоре* устроен красный уголок. Звучит радио, но передачу не разберешь из за* шума. Человек 30, если не больше. Кто сидит за шахматами, кто разговаривает, стараясь перекрыть шум, кто поет, кто брянчит* на гитаре или еще на чем-то. Мальчишки борются, толкаются, скачут. В общем же порядочный содом, впрочем невинный. На мальчишек жалко смотреть, они мне непроизвольно напоминают птиц в зоологическом саду, несмотря на старания быть веселыми. Тут же бреются. Иные обучаются парикмахерскому делу и стригут кого попало, кажется недурно. Иногда гомон прекращается частично: поют хором или устраивают импровизированный оркестр из трех-четырех инструментов. Выходит довольно гладко. Однако, и при гладкости и при негладкости заниматься невозможно, даже на письме никак не сосредоточишься, и оно прерывается на каждой фразе.

Иногда, к сожалению редко, по радио передаются романсы Шуберта: «И песнь моя...»³ и др. Тогда с необычайною живостью мне вспоминается, как ты их пела, и эти воспоминания связываются с Батумом. Замечательно, что из батумских впечатлений особенно ярки первые, когда мы жили у полотна железной дороги и переезда, недалеко от батгарей*. Ясно вижу перед собою балкон, домик, который построил на нем папа, семью актеров,

Павлуша и Люся
Флоренские
Батум. Ок. 1886 г.
Фото Д.Антонопуло.
Архив семьи
Флоренских

живших во дворе, контрабандистов-фальшивомонетчиков, которые внезапно сбежали. Как ясно припоминается мой «охотничий» костюм, магазин Триандопуло, мыло тридас⁴, венецианские бусы, пристань и т.д. Мельчайшие подробности стоят перед глазами, как будто были сегодня. Более позднюю жизнь в Батуме тоже помню хорошо, но все-таки не так ясно.

Крепко целую тебя, дорогая мамочка. Передай мой привет Люсе и тете.

1935.XI.17–18. Соловки. Дорогой Кирилл, недавно я узнал персидское, т.е. исходное, произношение имени Кир: это Сйрус, наше же Кир получилось из греческого Кῆρος. А т.к. Кирилл происходит от Кир, то твое имя правильное произносить Сирилл. Впрочем, я раньше знал это, но позабыл. Дарий по персидски* Дарá. Имя поэта нужно произносить Ферд^оўси, после «д» звук промежуточный между о и а (говори быстро оаоаоа... и тогда научишься), соединенный в дифтонг (двугласную) с кратким ў. Слово же Кири по персидски* неприлично. Вот для мамы некоторые персидские садовые сведения. В тополевом стволе просверливают дыру и пропускают в нее виноградную лозу, ветку персика, абрикоса, вишни, алучи¹ и т.д. Через год она приживается к тополи и приростает*. Тогда ее обрезают со стороны присоединения к материнскому растению. Привитая ветвь дает плоды, особенность которых в том, что они без косточек – виноград, черешни, вишни, персики и т.д. Однако вкус этих плодов сравнительно малосладкий, и качество их невысокое. Это называется «пэйв́ан биданэ́», т.е. прививка без косточек. Таким же образом прививают на тополь розы, и притом

Батум. Батарей.
Открытка 1910-х гг.

1 Так в тексте. Вероятно, *альчи*.

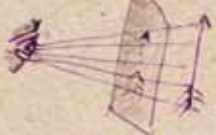

1935.11.17. - В. Соловьев

Дорогой Кирилл, недавно я узнала персидское, т.е. исконное, произношение имени Кир: это Стёрис, позже же Кир получило из Фрагского Кёрис, а так Кирис происходит от Кир, то твое имя приближено к произношению Сирилл. Впрочем, я раньше знала это, но забыла. Дарий по персидски Абра. Моя поэма нужно прочесть Фервэйси, но в д. р. - к. прощ. житолийскому мовоу Оиа (поворот Бурю Оаоа Оа. тогда кончик оз) соединяется в ашотик (двузначную) с краткой У. Слово же Кир по персидски Кенриллино. Вот для мамы некоторые персидские собственные названия. В топольном стволе просвиривают от Вилу и пр. ищут в нем виноградную лозу, ветку, персик, африкаса, инжир, алычу и т.д. Трехголова причисляется к тигрису и курчурит. Тогда же обрезают со стороны прищипки и материнского растения. Прищипка ветки дает плоды, о которых в некоторых местах, где они без косточек - виноград, гурьют, инжир, персик и т.д. Однако виле этих плодов сравнительно мало сладости, и качество их низкое. Это кажется, Нейван Бидан, т.е. Прищипка без косточек. Таких же образцов привидит на тонкие розги, и при этом одновременно разрыхляет. Мне раздалась, что у нас есть виле ветки, у которых разрыхлять или разрыхлять. - Меня давно занимает вопрос о происхождении Фидмис как паченовакий, а именно от того происхождит название Фидмиская.

1935.11.18. - Соловьев

Дорогой Васька, у меня не получила письма, как только от твоей, к тому начинаю привыкать, но и от мамы. Не знаю, виновата ли в этом случайная несправдливость почтового сообщения, или естественное действие времени. Так тебе приходится объединять физические явления и в особенности оптическое, то ходы твои начинаешь несколько соображений выдвигать твоего херматара относительно биноклярного зрения. Первая теория зрения, выдвигавшаяся в древности и до сих пор, сохранилась в виде предположения, что зрение людей исходящих из глаза и утираются в предмет, что существует. Зрение - явление оптическое, связанное с глазом (фрагмент). Глаз имеет как объектив, так и окуляр, радиусы зрения, зрительная ось. Эта схема вполне удовлетворительна для зрения, но имеет недостаток, все зрение осуществляется с помощью зрительной оси, а не зрения. Персидская теория зрения, зрение осуществляется посредством плоскости. Впервые, если только зрение осуществляется посредством как вид, представляется и зрительная ось, то зрение осуществляется как раз, так как само, что он имеет зрение, и в виле у нас (соответствие зрения, а не зрения) как зрение. Теперь отнесем к биноклярному зрению. В зрительной оси зрения (т.е. зрительная ось зрения, в проекции зрения) дает свое и зрение на зрительную (картинку и зрение) = изображение (фрагмент). Таким образом будет быть, она не будет сообщать, но не зрения, и не зрение. Так как зрение, то образом (не равно зрению) зрения зрения и зрение зрения зрения.

Зрение осуществляется посредством плоскости. Впервые, если только зрение осуществляется посредством как вид, представляется и зрительная ось, то зрение осуществляется как раз, так как само, что он имеет зрение, и в виле у нас (соответствие зрения, а не зрения) как зрение. Теперь отнесем к биноклярному зрению. В зрительной оси зрения (т.е. зрительная ось зрения, в проекции зрения) дает свое и зрение на зрительную (картинку и зрение) = изображение (фрагмент). Таким образом будет быть, она не будет сообщать, но не зрения, и не зрение. Так как зрение, то образом (не равно зрению) зрения зрения и зрение зрения зрения.

одновременно разных сортов. Мне рассказывали*, что у каждого дома стоит такой тополь, цветущий разнообразными розами.

Меня давно занимает вопрос о происхождении фамильных наименований, а именно от чего происходит различие фамильных суффиксов и что оно означает. Особенно характерно это различие в западном крае и на Украине, где суффиксы значительно разнообразнее, чем на Севере. Недавно мне удалось получить кое-какие пояснения по этому вопросу. Оказывается, что фамильный суффикс указывает на порядковый номер колена, считая от родоначальника фамилии. Но это, конечно, относится только к первым коленам. Некоторый родоначальник получает прозвище, в именительном падеже, обычно существительного. Например, *Ясень*. Сыновья его называются уже не Ясени, а *Ясенчуки*. Окончание *чук* указывает на 2-е колено. В 3-ьем колене фамильное название будет уже не Ясенчуки, а *Ясенки*: Ясенко – значит внук Ясеня. Если, далее, род попадал в шляхту, то Ясенки становились, в 4-м колене, *Ясинские* и далее последующие колена назывались так же. Эта общая схема в отдельных случаях видоизменялась: развитие фамильного названия останавливалось ранее и застревало на промежуточной стадии. Было бы очень интересно проверить, насколько правильна и, если правильна, то насколько обща такая схема. Но какая-то общая, хотя и не всеобщая, схема развития должна быть, и надо ее выяснить.

Напиши мне, как ты питаешься, как и где живешь, как идут твои занятия. Скажи маме, что напишу ей на днях. Как здоровье дяди Васи? Как он работает. Кланяйся им от меня. Передай маме образец водоросли *Anpheltia** из Белого моря. Из этой водоросли можно добывать агар-агар путем вываривания, фильтрации и сушки. Он идет, между прочим, на кондитерские изделия. Целую тебя, дорогой. Пиши.

1935.XI.18. Соловки. Дорогой Васюшка, уже давно не получаю писем, не только от тебя, к чему начинаю привыкать, но и от мамы. Не знаю, виновата ли в этом случае неисправность почтового сообщения, или естественное действие времени.

Т.к. тебе приходится объяснять физические явления и в особенности оптические, то хочу тебе написать несколько соображений дидактического характера относительно бино-

Фрагмент письма
П.А.Флоренского
от 15–18 ноября
1935 г.

Архив семьи
Флоренских

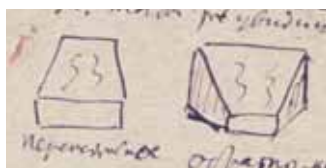
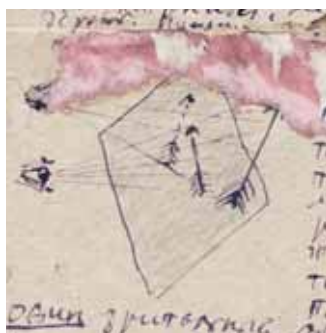
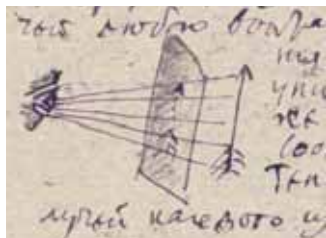

В музее
кафедры петрографии
осадочных пород
МНИ им. И.М.Губкина.
Москва, 1940 г.
Архив кафедры
литологии РГУ нефти
и газа им. И.М.Губкина

кулярного зрения. Первая теория зрения, возникшая в древности и фактически сохраняющаяся во всех учебниках, – это теория лучей, исходящих *из глаза* и упирающихся в предмет, его ощупывающих. Зрение – расширенное осязание (Аристотель). Глаз мыслится как центр, из которого радиально расходятся лучи. Эта схема вполне удовлетворительна для ряда построений и ею пользуются все, хотя замаскировывают суть дела словами об обратном ходе лучей, от предмета в глаз. Пересечем пучек* лучей любой воображаемую плоскостью. Очевидно, если точки пересечения лучей с плоскостью как ниб.* фиксировать и затем уничтожить предмет, то глаз будет видеть как раз тоже* самое, что он видел ранее, ибо важны угловые соотношения лучей, а не концы их, как таковые. Теперь обратимся к бинокулярному зрению. Пучек* лучей каждого из глаз (т.е., геометрически говоря, проектирующий пучек*) даст *свою*

проекцию на плоскости (картинная плоскость = плоскость изображения). Таких проекций будет две, они не будут совпадать ни по форме, ни по положению. Теперь каким-то образом (все равно каким) двумя глазами мы видим *один* предмет, находящийся в пространстве трехмерном. На плоскости изображения проектирующие пучки из глаз дают *две* проекции. Очевидно, если точки этих проекций будут зафиксированы, то получится два различных изображения предмета. Если теперь, положение глаз (проектирующих центров) и положение плоскости изображений не изменится, а предмет будет удален, то для зрения ничего не изменится и, следов., пара глаз будет видеть пару проекций как *один* зрительный объект, но не плоский, а пространственный. Линейная проекция предполагает наличие центра проекции, единого и неподвижного; если это условие не соблюдено, то говорить о проективности, т.е. о перспективе *нелепо*. Бинокулярное зрение по существу дела *не* перспективно. Что же дает второй глаз? – Напр. при

Рисунки
П.А.Флоренского
из письма
от 15–18 ноября
1935 г. Архив
семьи Флоренских

писании портрета, т.е. на расстоянии* в 2 м от головы, он дает до 30% дополнительно видимой поверхности. Чтобы особенно наглядно убедиться в неперспективности зрительных образов держи спичечную коробку осью \perp к лицу на расстоянии* ок. 10 см от глаз, против переносицы. Тогда ты увидишь обратно-перспективное изображение коробки. Голова на портрете должна быть представлена обратно-перспективно, т.е. с дополнительными, развернутыми плоскостями – иначе она будет видима как бы монокулярно⁵.

Больше нет места. Целую тебя, дорогой, не забывай. Привет Наташе. Получила ли она мое письмо? Часто ли ты бываешь у мамочки и у бабушки. Не забывай о них, пока можно, чтобы не жалеть впоследствии. Еще раз целую. Напиши, тепло ли в комнате у тебя и как ты питаешься.

Конверт утрачен. По следам, оставшимся на письме при заклеивании конверта, можно предположить, что он был кустарный (137×103 мм), из розовой бумаги.

Письмо на двойном листе (365×260 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила фиолетовые.

1. Возможно, это заключенный художник-самоучка Пятых.
2. Быть может, еще предстоит найти опубликованные или в рукописи статьи о водорослях с участием П.А.Флоренского. О статьях упоминал и Р.Н.Литвинов в письме от 3 ноября 1935 г.
3. Стихотворение немецкого поэта Л.Рельштаба «Leise flehen meine Lieder durch die Nacht zu dir», положенное на музыку Ф.Шубертом. В переводе Николая Огарева это «Песнь моя летит с мольбою / Тихо в час ночной».
4. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона сообщается: «Тридакс – сок латука из свежих листьев и стеблей, употребляется для туалетного мыла; в медицине в качестве успокоительного средства».
5. Аналогичные идеи – о бинокулярном зрении как одной из причин обратной перспективы – развивал Б.В.Раушенбах: *Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в живописи. Очерки основных методов. М.: Наука, 1980. См. также: *Жегин Л. (Шехтель Л.Ф.)*. Воспоминания о Павле Флоренском // Надежда: Христианское чтение. 1980. Вып. 7. С. 275–297; то же: Вестник РХД. № 135. III–IV. 1981. С. 60–70; *Жегин Л.Ф.* Язык живописного произведения (Условность древнего искусства) / Вступ. ст.: *Успенский Б.А.* К исследованию языка древней живописи. М., 1970.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

18 ноября 1935 г.

№ 80 <...> Первый день, как могу сидеть за столом и хотя и недолго, но писать. Дело в том, что на спине у меня вскочил большой фурункул, несколько ночей не пришлось спать. Но врачи и профессор-хирург применили ко мне новое средство – сильное, но скорое, без взрезывания. Второй день как стало легче, а сегодня работаю уже не в постели, как приходилось те дни. А работу, к сожалению, прервать было нельзя. Поднималась и температура. Но все миновало очень быстро. По мнению врачей, все идет прекрасно. Сегодня снова после перевязки осматривал профессор и врачи со стороны моих нервов. Нашли в правой руке коренное улучшение, но немного пошаливает левая. Пока все несерьезно, все меры приняты.

Завтра месяц, как я отправил седьмое письмо С., но результаты прежние, или письма не доходят, или не читаются. <...>

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской,
детям Ольге, Михаилу,
Марии-Тинатин

19–24 ноября 1935 г.

Соловки

Пропуск
сотрудника отдела
материаловедения ВЭИ
Флоренского П.А.
1932–1933 гг.
Архив семьи
Флоренских

№ 38. 1935.XI.21–22. Соловки. Дорогая Аннуля, наконец-то получил твое письмо, № 37, от 5 ноября. Начну с ответа на твои вопросы. Присылать журнала мне не надо: читать один журнал – все равно, что ничего не читать, да и держать его негде. Все равно за наукой следить мне не приходится, уже и сейчас я безнадежно отстал. Мне ясно, что моя научная работа закончена и что вернуться к ней я никогда не смогу. Ведь научная мысль требует непрестанной и упорной работы над собою, и плоды появляются лишь в итоге жизненного накопления. Мое же накопление все разсеяно*, заниматься же наукою кое-как считаю недобросовестным и безцельным занятием.

Сергей
Алексеевич
Голованенко.
1920-е гг.
Архив семьи
Флоренских

Спрашиваешь о посылке С.А.¹ Я получил за последнее время 2 посылки, одну папиросную, другую – с консервами и т.п., а ранее получил яблоки (одна посылка) и лук с маслинами (другая). Которая из них А.С. – не знаю. Во всяком случае поблагодарил его за внимание и память. В последний раз в посылке содержались буковые орешки, напомнившие мне детство и Кавказ. Откуда они? А главное, зачем лишаешь детей последнего и присылаешь мне то, что хотелось бы передать им. Еще раз прошу, если хочешь заботиться обо мне – заботься о детях и о себе, в этом мне гораздо больше радости и поддержки.

Если Е.В. сообщит тебе о своем замужестве, поздравь ее от меня. Относительно чтения: мне не хотелось бы этого, т.к. там только отрывки, а у меня 1-ая песнь напи-

сана почти вся, и это гораздо больше и цельнее, чем то, что у тебя. Когда закончу совсем, то перепишу для тебя и, если будет возможно, пришлю. С Тикой, да и прочими также, старайся как можно чаще писать диктанты, каждый день, хотя бы по несколько строк, и потом разбирай ошибки. В короткое время грамотность придет, если будешь делать так. Я уверен, что у Тики не неспособность и не забывчивость, а неуверенность в себе и отсутствие настоящей школы. Музыка, изобразительное искусство, архитектура могут стать прочными элементами образования, если произведения не просто воспринимать, но и активно продумывать. Для неподготовленных к этому очень полезно обсуждать совместно (хотя бы даже делая ошибки), анализируя вещь, находя слова для охарактеризования тех или других моментов, усваивая терминологию и строя различные схемы произведения, как целого. Это относится ко всем отраслям: надо научиться охватывать целое, а для этого надо научиться характеризовать его, как целое, в первом приближении, затем во втором и т.д., детализируя и усложняя свое высказывание дополнительными моментами. Даже такие примитивные ответы, как «роман состоит из вступления, изложения и заключения», повидимому* пустые, уже дают нечто, ибо заставляют подумать о каком-то, хотя бы в самом первом приближении, расчленении.

1935.XI.22. Рад за тебя, что ты занимаешься насаждениями в саду и во дворе. С детства я страстно любил растения, разго-

варивал с ними и жил как с самыми близкими друзьями. Может быть именно потому я не стал специально изучать растения, это казалось слишком холодным. Но всегда жила тайная мысль: когда-нибудь впоследствии, ликвидировав все то, чем *должен* заниматься, обратиться к растениям и пожить с ними тесно, как в детстве. Мечтал о том же мой отец. Мечтал о том же дед. Но никому не удалось осуществить это желание. Поэтому я доволен, что осуществляешь его ты, хотя бы частично. Жаль только, что в нашем, московском, климате большинство растений интересных или не акклиматизируется, или требует для акклиматизации больших знаний и еще больших усилий.

М.б. тебе интересно узнать об одном роде японской керамической техники, о которой редко приходится слышать. Это – сáцума, мозаика по фарфору. Она составляется из мельчайших кусочков чего-то, вероятно цветной глазури, величиною примерно в $\frac{1}{10}$ булавочной головки и потом подвергается обжигу. Понятно, такие изделия дороги и встречаются нечасто. Вообще, высокое совершенство китайской и японской техники основано гл. обр. на чрезвычайной длительности технического процесса и потому в настоящее время утрачено самими китайцами и японцами. Вещь делалась ранее тремя–четырьмя поколениями. Напр., для лучшего китайского фарфора каолиновая масса – тесто из каолина с разными добавками – «гнило», т.е. выдерживалось в погребках при постоянном уходе, в течение примерно сотни лет. Знаменитые японские лаки накладывались тончайшими слоями очень большое число раз, после полного просыхания, затвердевания и созревания каждого отдельного слоя, и на наращивание сколько-нибудь толстой лаковой пленки уходило много десятков лет. Вероятно и сáцума требует микроскопической работы, а следовательно – и большого времени. Современная техника старается придумать взамен старинных медленных.

XI.23. Дорогая Аннуля, сегодня я отправил тебе 60 рб. – скопились из так называемого премвознаграждения. Конечно, ясно представляю себе ничтожность этой суммы при вашей сложной жизни, но хотелось послать хоть что-ниб., не как помощь, а как знак, что я все время думаю о вас.

XI.24. Сегодня получил посылку: каки, гранаты, масло, бананки и что-то в мешочках – я еще не успел посмотреть. Все

дошло хорошо, каки даже еще не дозрели. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь бодрой. Напиши мне, как твоя рука и вообще здоровье. Еще раз целую.

Закат.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

Дорогой Олень, когда же наконец ты совсем поправишься? Пора уже. И мне что-то не пишешь. Или так устаешь, что не можешь написать письма. Из за* неполучения от тебя писем я даже не знаю, о чем писать тебе, т.к. не уверен, что мои

письма тебе интересны. Вероятно ты унываешь из-за своей болезни, но это напрасно: сегодня больна, завтра будешь здорова, вопреки всяким предположениям врачей. Необходимо только соблюдать основные требования здравого смысла, т.е. не ставить себе в руководство каприз и упрямство, одеваться тепло, не переутомляться, есть почаще и под[д]ерживать в себе бодрость. Мне особенно тяжело, что не могу лично наблюдать за тобою и возлагаю эту обязанность на маму, которая и так не может справиться со всеми трудностями жизни.

Сегодня мне удалось узнать способ гадания, до сих пор мне неизвестного. Это – обычное в Персии гадание по кошачьему хвосту. Состоит оно в следующем. Кошку укладывают на землю или на пол боком и глядят, проводя от головы вдоль спины и по хвосту. При этом загадывают в виде вопроса то, что желают узнать и смотрят, как повернет кошка свой хвост. Если она отвернет в плоскости земли или пола в сторону спины, то это означает «да», если повернет в той же плоскости к ногам, то это «возможно»; если же хвост приподымется над плоскостью земли или пола, отворачиваясь в сторону, то это значит «нет». Впрочем, на Соловках большинство кошек – без хвоста, так что персидское гадание здесь затруднительно.

Часто приходится обсуждать произношение того или другого слова, особенно попавшего в русский язык из иностранного языка. Многие возмущаются неправильными, т.е. соответствующими произношению в исходном языке, ударениями или оттенками звуков. Но мне неоднократно приходилось высказываться насчет этих «неправильностей» вопреки тому, что говорят другие, и говорят, как думается, от непонимания природы языка. В отдельных случаях в речь может попадать иностранное слово или речение в первоначальном, сыром виде, и тогда оно воспринимается именно как чуждое, как переход на другой язык. Но так может происходить только в отдельных случаях, это индивидуальное поведение в индивидуальном разговоре или сочинении. Если же слово или речение используется широко и систематически, т.е. как общепринятое, то оно уже не может считаться словом или оборотом чужого языка и его надлежит приобщить уже к сокровищнице русского (или, соответственно, какого-либо другого) языка. Оно входит [в состав] новой языковой среды, как элемент ее самое, следовательно

ассимилируется ею и должно подчиняться ее общему характеру, ее законам, ее стилю. В виду этого ударение постепенно смещается согласно природе ударения нового языка, и это явление будет происходить тем интенсивнее, чем менее известен данной социальной среде тот исходный язык, из которого новое слово было заимствовано. Напротив, чем ближе этой среде соответствующий иностран. язык, тем медленне[е] происходит ассимиляция и тем дольше сохраняет слово чуждый характер и остается механическим включением. Поляки переносят во франц. словах ударение на предпоследний слог, англичане имеют склонность переносить его подальше от конца, французы же наоборот переносят ударение в заимствованных словах на конец. Русский язык, подобно английскому, склонен к ударениям далеким от конца слова. Отсюда-то и происходят «прóценты», «кило́метр», «милли́метр» и т.д. Это ассимиляция*, освоение иностран. слов. Наряду с этим происходит и другое явление – аррадикация, т.е. приспособление корней слов иностранных к корням собствен. языка; явление это называют также «народной этимологией». В этом случае происходит приспособление чуждого слова к родному языку не только со стороны звуковой, но и со стороны корневой, т.к. говорящему хочется сделать новое слово прозрачным для себя. Так напр. слово *пиджак*, чуждое и непонятного корня, переходит при ассимиляции в *спинжак*, т.е. выводится из понятия *спи́ны*. Особенно часто аррадикации подвергаются иностранные фамилии, имена, названия. Получается дву- или многокоренное образование, которое можно уподобить прививке подвоя на стволе инородного растения. Первичный корень, хотя и не вполне ясный, дает себя знать особым изменением смысла, равно как и вновь привитой. Так же объясняется произношение слова *район*, вм. район: очевидное сближение с *рай* и *он*. В иных случаях такое наращивание нового корня мало удачно («Большай-да-и-только» вм. Барклай-де Толли), что вообще говоря может обогащать слово, внося новые оттенки и давая новые возможности мысли. Напр. «кожурка», вм. тужурка, сближает с понятием кожи, фонетически же допустимо по взаимозаменяемости К и Т. В Посаде говорят «светиль» вм. фитиль – очевидная прививка *свет*, *светильня* на слове *фитиль*. Иногда прививка нового корня на слово другого корня делается и в пре-

делах одного языка, если этимология (т.е. коренное значение) слово неясно¹ по древности слова: так, приятель (от глагола прияти) сближается со словом приятный, совсем иного происхождения. Крепко целую тебя, дорогая Оля, будь весела, здорова и пиши. Как у тебя уроки по математике? Еще раз целую.

Дорогая Тика, в этом письме хочу рассказать* тебе об особом цирке², который устраивают в Швеции. Цирк этот называется «Человек-Цирк». Он устраивается в сравнительно небольшом здании, примерно на 80 человек зрителей. Здание оборудовано, как настоящий цирк: места для зрителей, ложи, место для оркестра, арена и даже губернаторская ложа. У входа в цирк – касса. Входишь, садишься на свое место. Над углублением, где оркестр, виднеются верхушки инструментов – трубы и пр. Звонки. Начинается музыка. Верхушки инструментов колыхаются*, временами мелькает палочка дирижера. Но играет – только одна труба: в оркестре только один человек, он – музыкант, он же клоун, он же наездник, он же фокусник, он же – и директор цирка. По окончании музыки выбегает на арену небольшая лошадка с всадником. Лошадь эта – из папье-маше, через брюхо и спину ее просовывается наездник, ноги его прикрываются попоной. Он бежит по арене со своею лошадью и проделывает всевозможные упражнения. Затем лошадь убегает с арены и почти немедленно выходит клоун – тот же человек, но в другой одежде. Он показывает разные клоунские проделки. Затем выходит фокусник и т.д. Так проводится вся программа единственным действующим лицом, которое непрестанно меняет одежду, вероятно парик и вообще свой вид. По завершении представления в губернаторской ложе появляется «губернатор» – в военной форме, с эполетами. Он аплодирует и бросает на арену букет цветов. Губернатор этот – все то же действующее лицо всего представления, и букет цветов – его последний выход.

1935.XI.19. Получил сегодня письмо от своей дорогой дочки и вижу, что она стала писать гораздо лучше прежнего*: и почерк стал тверже и ошибок гораздо меньше. Очень прошу свою дочку не огорчаться, если в школе бывают иногда неудачи: они пройдут сами собою, и дочка будет писать и считать совсем

I Так в тексте. Вероятно, этимология <...> слова не ясна.

Соловки.
Бухта Благополучия
и пристань.
Фото 1920-х гг.
Фонды СГИАПМЗ

хорошо. Прочитываешь ли ты мои письма? Чтобы научиться писать без ошибок, когда читаешь книгу, старайся всматриваться, как написано каждое слово и где стоят знаки препинания, тогда научишься очень быстро. Потом пиши почаще диктанты, хотя бы по несколько строчек, но каждый день и очень внимательно. Даю тебе еще поручение: слушайся мамочку, одевайся тепло и делай, что она тебе скажет, а то ей и без непослушания слишком много хлопот и беспокойств; береги мамочку для меня, чтобы ей было побольше радости.

Мику я писал о всевозможных кушаньях, но не хватило места, поэтому закончу в письме к тебе еще одним кушаньем – испанским, продающимся в Америке на улицах. Называется оно *тамарио*. Мелко-мелко рубят мясо, так что не чувствуются в нем волокна (пропускать через мясорубку нельзя), прибавляют очень много красного перца и пряностей. Этот фарш закатывают в тесто из манной крупы, укутывают в перья от кукурузных початков, увязывают нитками, обрезают концы перьев, варят в крутом кипятке, воду сливают и продают на улицах в горячем виде. Лисицы наши совсем привыкли к людям, бегают всюду, кормятся из рук, постоянно вижу их, когда иду по дороге. Они кланяются тебе. А ты кланяйся от меня бабушке, С.И. и Ан.Ф. и пожелай им быть здоровыми. Скажи С.И., что я конечно узнал бы ее, хотя бы ей было 120 лет. Слушаешь ли ты, как играет М.В.? Скажи ей, чтобы она поискала золотое сечение

в музыкальных произведениях, оно там есть, и собрала побольше примеров, это очень интересно. Крепко целую свою дорогую дочку, и еще раз целую.

Дорогой Мик, мне сегодня расписывали вкусовые достоинства саранчи. В Персии, в Аравии, в Египте, в Китае и др. странах саранчу едят – поджаривают и щелкают как семечки. В Персии, когда появляется саранча, ее собирают, бросают на горячие сковороды и заливают крепким разсолем*. Крылья и тонкие членики при этом сгорают, остается нечто вроде, как мне говорили, поджаренного миндаля (его поджаривают тоже в соли). И по вкусу саранча, будто, очень похожа на миндаль, даже вкуснее. Русские, немцы, англичане и другие в Персии приучаются есть саранчу и ценят ее – набивают себе карман и едят на ходу. Немцы заедают ею пиво. Особенно вкусными считаются коробочки с яичками. Саранча движется сплошной массой, как река, – потоком шириною метров в 50–70. Для уничтожения ее роют траншеи, которые до краев наполняются насекомыми, и затем забрасываются землею; оставшая же масса потока переходит по заполненной траншее далее и улавливается в последующие траншеи. Т.к. я начал писать о необыкновенных кушаньях, то буду продолжать о том же предмете, но уже по рассказам* другого знакомого³, бывшего в Китае. Этот знакомый принимал участие в китайских обедах, и неоднократно. Говорит, что китайская кухня производит весьма вкусные блюда – мясные, рыбные и т.п., но что сладкие и мучные невкусны. В общем кушанья тонкие, но несоленые и неострые, причем рекомендуется их есть без хлеба, который «портит вкус», равно как и соль. Приправляется большинство кушаний соусом из сои. Подают до 30 и более блюд, все в небольших фарфоровых чашечках, но в общем выходит так много, что всего, по нашим привычкам, не съесть. Основное правило китайской кухни – готовить при весьма высокой температуре, очень быстро и немедленно перед едой. Поэтому большая часть кушаний подготавливается заранее и подается за стол сырыми, а готовится, т.е. жарится или варится тут же, часто на обеденном столе. Так напр., в конце обеда ставятся на стол большие самовары с кипящей водою и в них накладывается рис, мясо, коренья и т.д.: на столе варится рагу, как говорят, очень вкусное.

Знаменитые «тухлые» китайские яйца, говорят, очень вкусны. Они, собственно, – не тухлые, а подвергшиеся особому брожению в земле; от этого желток делается зеленым, а белок, будучи сварен, – почти прозрачным и студенистым; запаха эти яйца не издают. Лакомым блюдом считаются консервы из каракатиц (ты их знаешь, вероятно, т.е. не консервы, а каракатиц) и морские черви – трепанги (голотурии). Те и другие похожи «на телячьи ножки», хрящевато-желевидны, но их разжевать почти невозможно; они поливаются вкусным соевым соусом. Очень хорошо готовится рыба и мясо. Непременно участвуют в кушаньях водоросли во всевозможных видах. Говорил мне знакомый, что очень вкусен бульон из ласточкиных гнезд, саланган. Эти гнезда очень ценятся и продаются дорого. В одном журнале я нашел указание на состав салангановых гнезд («Природа», 1935, № 2, стр. 69). Гнезд[а] саланган – в поперечнике 7–8 см, масса гнезда 4–8 г, коричневого цвета, загрязнены перьями, пухом, кусочками дерева, стеблями растений, яичной скорлупой. В воде холодной почти не растворяются. Содержат 61% белков, подобных находящимся в рыбьей икре, слизи улиток и слюне. Перевариваются лишь на 20%.

1935.XI.21. Сейчас ровно 12 часов. Пробили часы Спасской башни и слышится пение Интернационала – разумеется все это в передаче по радио, из коридора* возле нашей комнаты. Я вернулся с заседания БРИЗа (т.е. Бюро Рационализации и

Внутренний
дворик Кремля.
Фото В.П.Столярова.
2005 г.

Изобретений), куда пошел после бани. Мы напились чаю и по случаю твоих именин я угостил своих товарищей по комнате халвой и папиросами. Поздравляю тебя, дорогой. Сейчас, как и всегда вспоминаю о тебе, тем более, что пишу, по несколько стихов в день, для тебя «Оро». Завтра у нас выходной день, который бывает раз в семидневку. Не знаю, совпадает ли наш выходной с твоим, но надеюсь, что дома был как-нибудь отмечен сегодняшний день. Вспоминаю также дядю Мишу, которого ты никогда не видел (он скончался в первый год войны⁴).

Теперь возвращаюсь к прерванной поваренной теме. Еще от одного знакомого я слушаю рассказы* об Австралии, Америке и Англии. Об Австралии мне всегда странно слышать от видевших ее собственными глазами, т.к. всегда кажется, что об ней только пишется в географических учебниках, а на самом деле ее нет. Но, оказывается, она есть, в ней живут люди, страна культурная, туземцев почти не осталось, но кенгуру скачут по эвкалиптовым* рощам, и вообще имеется все, что полагается иметь этой странной и диковинной стране. Так, вот, в Америке и в Англии очень распространен черепаховый суп. Мне ранее описывали его как весьма жидкий, почти безцветный бульон из морской черепахи, который подается в чайных чашках. Вероятно, есть и такой. А теперь я узнал, что черепаховый суп – это нечто вроде жидкого рагу, т.е. что-то очень густое, с кусками черепахового мяса, картофелем, сельдереем, петрушкой, мучною подболткою, перцем, поджаренною мукою и еще чем-то. Он – острый и, говорят, весьма вкусный. Ввиду сравнительной редкости и дороговизны черепах готовится также поддельный черепаховый суп – такой же, как настоящий, но с заменою черепахового мяса телячьим, на которое черепашье похоже по вкусу. Готовят еще суп из бычьих хвостов, который варится очень долго и походит на расплавленное заливное: он желатинируется уже при комнатной температуре. В Англии и в Америке, а также в Австралии готовится особый пирог «minced-meat pie¹», «минсд мит пай», т.е. пирог из измельченного мяса. Начинают готовить его в августе: мелко нарубленный ревень смешивают с изюмом, кислыми яблоками, имбирем, гвоздикой, корицей, кардамоном, заливают джином и коньяком,

1 Mincemeat (англ.) – начинка из изюма, миндаля, сахара и пр. (для пирога).
Mince pie (англ.) – сладкий пирожок.

выдерживают до ноября, потом еще что-то добавляют, а в конце декабря смешивают с мясным фаршем и запекают в круглые пироги из слегка песочного теста (Ø 25 см). Едят эти пироги в сочельник под Рождество – это традиционное кушанье. Впрочем, продается такой пирог и круглый год.

Целую тебя дорогой. Не забывай и пиши своему папе.

Конверт (137×103 мм) кустарный, розовый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 18.12.35; Загорск – 20.12.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская ул., д. 19». Чернила фиолетовые.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 3».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. письмо 1935 г. 21 декабря».

Письмо на двойном листе (437×292 мм) нелинованной пожелтевшей бумаги. Чернила черные и фиолетовые – как будто перед П.А.Флоренским стояли две чернильницы, и перо макалось в них попеременно.

1. С.А. – инициалы Голованенко Сергея Алексеевича; ниже они перепутаны – А.С.

С.А.Голованенко, преданный П.А.Флоренскому ученик по МДА. До своего ареста навещал семью П.А.Флоренского в Загорске.

2. О шведском цирке мог рассказывать заключенный А.А.Варберг.

3. Имя заключенного, рассказчика о Китае, не установлено. В Протоколах осужденных к ВМН десять человек связаны с Северным Китаем. Более вероятным рассказчиком представляется А.И.Гринштейн.

Кроме него в Протоколах фигурируют шесть работников КВЖД: Л.С.Илясов, А.А.Конобеев, В.М.Коротких, Г.Г.Леонтьев, В.И.Ловас, А.Г.Садильников; также трое бежавших в Китай с генералом Бакичем, а потом вернувшихся в СССР: М.С.Александров, А.И.Каржавин, И.М.Старков.

4. См. комм. № 1 к письму П.А.Флоренского от 1–4 ноября 1935 г.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

19 ноября 1935 г.

О. Соловки

Милая Люба. Начинаю с признания в необыкновенной своей рассеянности. В прошлом месяце я написал тебе письмо, которое адресовал так: Тара, Буденного, 4. Надеюсь, что такой

улицы нет, а почтальон, может быть, по аналогии и доставил тебе письмо. Если это не так, то письмо не дошло, что очень жалко, так как фонд писем у нас скудный (хотя никогда в жизни я не писал так много и так часто, как теперь: например, я писал тебе по письму в месяц, чего никогда не бывало на свободе), а в письме я и благодарил и ругал тебя за посылку. Теперь я затрудняюсь повторить все, что я написал в том письме. Негодование мое уже остыло, продукты сохраняются в заметной части. Очень было приятно сухое мясо. Очень загадочно порошкообразно-халвяное вещество, видимо, съедобное, но неизвестно, каким способом. Тронутость осталась. Но тем не менее еще раз попрошу не посылать мне посылок. Я живу на всем готовом; квартира, стол, отопление, освещение, одежда, белье, баня, мыло, кипяток – все бесплатно и притом приличного качества. Обедаю в столовой ИТР, где стол лучше, чем в ИТР-столовой эпохи, когда я еще прозябал на воле. Получаю деньги, называемые премиальными – за последние два месяца получил по 50 руб. Так что видишь, что, в сущности, следовало бы мне посылать тебе посылки, а не наоборот. И все-таки, большое еще раз спасибо за заботы. Гораздо лучше будет, если ты как-нибудь в свободную минуту черкнешь о своем житии. Получение писем у нас не нормировано, а поэтому никак не рискуешь, написавши открытку. Самое большее, что с ней может случиться, – что она пропадет или придет месяца через два. Вот и все. А радость большая, потому что вообще письма редки. От тебя я получил письмо в начале осени – и только. От Вари получил две открытки, которые шли по месяцу и по полтора. Это самое тяжелое пятно на моем вообще неплохом настроении. Отсутствие писем заставляет меня подолгу мрачнеть и задумываться на неопределенные темы. Мое физическое состояние хорошее. Здоров я по-прежнему. Климат тут приличный. Уже за середину ноября, но морозов нет. Выпал раз снег, полежал дня два и растаял. Установилась мягкая и грязная погода. Навигация продержится, вероятно, недели три-четыре. Потом будет перерыв в сообщении до писем на аэроплане. За последние три месяца я прошел через ряд изменений в служебном отношении. Лабораторию нашу передали в другое учреждение и перевезли в другое место. Я перешел в проектное бюро, где работа была приятная и общество тоже приятное. Условия

жизни тоже были неплохие. Правда, пришлось уехать из очаровательного Биосада, сначала ближе к Кремлю, а потом и в самый Кремль. Я этого немножко побаивался, но оказалось неплохо. Большая келия и в ней живем вчетвером. Один из сожильцов философ с Биосада, другой инженер с большим американским прошлым и еще один. Беседы бывают приятные, да и люди хорошие. Правда, что это все не то, что нужно для полноты жизни, которая все-таки уходит. Потом пришлось покинуть бюро (но не компанию) и перейти на роль технорука йодного завода, куда мне очень не хотелось. Но как будто и там неплохо. По крайней мере, как будто все в порядке. Заседаю в старой лаборатории и занят техническими вопросами. В сущности говоря, состояние почти идеальное для работы. К услугам хорошая лаборатория, целый небольшой завод и директива руководства – создать новую промышленность. Это плюс. Минус – это отношения с новой публикой, которые еще не наладились и тормозят работу, которая никак не начинает идти как надо, а тут еще приятель капризничает и хочет уходить, а без него я буду как без рук. За прошлое время мы наделали много

Соловецкий кремль.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

мелких изобретений в области применения водорослей и послали в Бюро по делам изобретений. Тут и прибор, и способ для анализа йода, и изоляционные материалы, и чертежная и рисовальная бумага, и калька, в общей сложности заявок восемь. Публика относится к ним с видимым интересом и доверием. Может быть, что-нибудь и найдет практическое применение и тогда будет утешительная мысль, что не зря, в конце концов, сидел в Соловках. Если дело, которое я делаю, удастся, то результатом нашей работы будет: создание водорослевой промышленности на севере и полная утилизация водорослевого вещества. Что, конечно, будет некоторой компенсацией за распадение личной жизни. Работать приходится много. Приходится совмещать работу и по заводу, и отчасти по бюро. Кроме того приходят люди за советами по разным вопросам, приходится давать экспертизы по БРИЗу и с конца месяца придется читать лекции по химии популярного характера, что было мне всегда трудновато. Таким образом, ты видишь, что в смысле всяких интеллектуальных занятий кое-что есть. Но, к сожалению, времени на чтение почти нет, да и соответствующей литературы маловато. Наблюдается очень странное явление: появляются в памяти какие-то странные пробелы, особенно в части имен и фамилий. Правда, они и не нужны здесь, но как-то обидно. Вылетают совершенно катастрофически, забываешь людей, которых мог бы описать совершенно точно, а при умении рисовать можно было бы и нарисовать. Потом, подумавши пару часов, иногда и вспомнишь, что доставляет изрядное удовольствие. Нужно сказать, что это наблюдается не только у меня, а почти у всех. Отчего это происходит, никому, в сущности, не известно, но говорят, что это вещь проходящая. Чтение беллетристики у меня совсем отпало. Прочел все наличные английские романы, нашел в хламе «Историю американского флота» Фенимора Купера и жду, когда кончится перерегистрация книг, с тем чтобы в первую же минуту после открытия схватить еще не читанную книгу. Французских книг я прочел с дюжину, но после их прочтения я не получил большого удовольствия, так как подбор довольно слабый. За немецкие книги я пока не принимался, оставляя их на третий год, боясь готики. За русские книги я и не пытаюсь браться, так как подбор слабее, чем французских. Из немногих прочитанных книг я получил удовольствие

от Сербского эпоса (изд. Academia). Любопытно было познакомиться с комплектом старых соловецких журналов за 20-е годы. По некоторым фразам видно, что дух и порядки тут сильно изменились. Любопытны и рассказы старых аборигенов. Некоторые из них определенно просятся в литературную фабулу. Но теперь лагерь живет в ногу с жизнью страны и вопросы ставятся больше производственного характера. На праздниках у нас была достаточно интересная выставка, на которой были и тюлени, и олени, и полярные птицы, и картины местных художников. Думаю заказать свой портрет (при наличии времени). Варя не хочет его иметь. Ну, как говорят в Москве, пока. Привет родственникам. Пиши. Целую.

Твой брат Р[оман]

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю

20 ноября 1935 г.

Дорогая Виша и Котик.

Хотя ноябрь приходит к концу, тем не менее особенно жаловаться на холода не приходится. Фактически продолжается поздняя осень, снега почти еще нет, вода в озерах не замерзла, море совершенно открытое и навигация продолжается без каких-либо осложнений. Было холодное лето, и я ждал скорого наступления у нас зимы. На самом деле, вопреки всяким ожиданиям, зима придет гораздо позднее и, по-видимому, прошлогодняя.

Я все жду письма от Котика послепраздничного, с тем чтобы узнать, как у него было отмечено выполнение плана на заводе, как у него далее разрешился вопрос с Комиссией и, наконец, как определились занятия на подготовительных курсах. Сейчас у Вас широкой волной развертывается стахановское движение и Котик, вероятно, всей головой окунулся в него. Надеюсь, что за учебу наконец возьмется по-стахановски. Вообще у Вас в доме, видно, довлеет режим стахановский: мамочка наяривает языки и, не ослабевая темпов, ведет домхозяйство. Вот что-то я не представляю себе конкретно в стахановской тоге Капы. Всю энергию и пыл оставляет в Плодоовоще, показывая там высокие показатели производительности труда,

а зато дома приходится набирать сил для новой зарядки. Но я представляю себе Котика, который создает, как говорят, общий тон и жизнь дома, а потому и всех будоражит, будучи сам не менее взбудораженным. Но свое настроение передает другим – заражает. <...>¹

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

21–24 ноября 1935 г.

О. Соловки

Милая Варенька, любимая жена! Каждое письмо, которое я тебе посылаю, – отметка в календаре моей островной жизни. Другие, еще более значительные, но гораздо более редкие отметки – это получение писем. За последние 2 месяца получил две открытки от тебя <...> От Любы не получал месяца три, но вчера получил довольно длинное письмо. Но, к сожалению, как раз в это утро я уже отослал ей письмо, так что не смог реагировать на написанное ею. Из письма видно, что живется ей плохо. К сожалению, я совершенно беспомощен и у меня какое-то чувство, что я как будто бы как-то виноват в ее положении, хотя по существу, конечно, я ни при чем. В прошлом письме я уже писал тебе, какой казус произошел у меня с письмом к ней. Я его ошибочно заадресовал не той улицей. Вчера я (вру, позавчера) закончил ей письмо, взял конверт и написал твой адрес. Хорошо, что спохватился вовремя. Конверт оставил для посылки письма тебе, а ей написал ее адрес совершенно точно. Вообще, иногда по рассеянности устраиваешь странные вещи. Утром я оборвал окончательно шнурки у ботинок и по торопливости, и отчасти лености, завязал их намертво, с тем чтобы вечером их разрезать ножом, а утром (выходной день, завтрак с 9 до 11) вдеть новые, которые у меня в запасе еще с Нижнего, положенные еще тобой. После обеда оказалось, что наша очередь идти в баню. Я и пошел, забыв про шнурки... Еле развязал, а потом завязал. Помылись отлично. Так как с прошлой бани прошло только три дня, то постирал только один носовой платок. Печка в нашей келии сегодня топлена, так что сушить его очень быстро.

¹ Конец письма отсутствует.

Пароход «Вера»
отходит от
монастырского
причала.
Открытка 1910-х гг.

Погода у нас приятная. Температура стоит около 0. Лежит легкий слой снега. Озера тихо и медленно замерзают, а море кажется совершенно черно-синим. Оно вообще тут спокойное. Но в эту осень было много штормов. Тогда в окна нашего заводского здания видно, как по черной поверхности морской воды бегут белые полосы валов с быстротой и методичностью почти страшной. Ветер бывает такой силы, что идешь и чувствуешь, как на тебя давит какая-то упрямая и упругая сила, вроде пружины. В прошлом году, когда я жил в лесу, это было совершенно незаметно. А в этом году, когда я живу почти на берегу моря, чувствуешь, что живешь на острове. Смотришь на пароходы почти как на картинки в кинематографе, совершенно не чувствуя реальности парохода, зная, что он тебя никуда не повезет, что на нем, вероятно, нет писем и что на нем никто тебе интересный не приехал. В этом году как-то привычнее все – и люди и места. Прошел интерес новизны, но зато все то, что казалось странным и экзотическим, стало казаться обычным. Стало много знакомых. Знаешь, кто откуда; по какой статье и пункту; на сколько и чем занимается и где работает.

В бане дают белье по моим размерам, что, вообще говоря, затруднительно. Идешь по Кремлю и накланяешься столько, сколько не приходилось и в институте. Как-то привыкаешь к подсознательному чувству, что это настоящее, нужное и неизбежное. Видимо, что многие уже окончательно перешли на

такой образ ощущений. Создаются новые личные отношения полусемейного характера, насколько видно со стороны, совершенно лишённые каких бы то ни было иллюзий и, как кажется, очень нелепые. Бывают случаи, что люди уезжают. Сегодня видел одного такого. Вид у него был очень потерянный. Совершенно не видно было ни оживления, ни радости, как будто ему было страшновато. Пока что никаких существенных перемен в моей жизни тут не произошло. Живу в той же комнате, с теми же людьми, занимаюсь примерно тем же и, ложась спать, думаю о той же безхвостой. Распорядок дня прежний. Утром завтрак у ИТР, потом на работу, там чай, к которому покупаешь булку или коврижку. К 4 на обед. Приходишь «домой» – там уже лежит паек хлеба – 500 гр. черного и 300 гр. белого. Пьем чай, потом, после вялой беседы, некоторое время сон. К 8 идем опять заниматься, а в выходные дни чувствуется некоторая пустота без них. В 11 опять чай, разговоры о давно прошедших временах, причем почти неизменно выплывают новые общие знакомые. Потом сон, а с утра цикл начинается снова. <...> Лечиться мне не приходится – здоровье хорошо, и ни на что жаловаться не приходится. В нашей комнате двое охают на прострел. Я им очень сочувствую и вспоминаю свой новогодний прострел. Из сочувствия я раз даже сам чуть было не ощутил что-то вроде старой ломоты, но это было на мгновение. Ну, в нашей келии живут люди почтенные, а в соседней камере, очень большой, живет наша молодежь. В коридоре поставили столики, скамейки, шахматные доски, домино, репродуктор. На сон грядущий они устраивают музыку. Есть две гитары, неплохие гитаристы. Репертуар, возможно, несколько отсталый: в основном «черные глаза»¹ и гавайский фокстрот. Иногда, выходя по надобности через коридор, даже видишь уроки этого полезного танца. На стенах целая коллекция стенгазет с великолепными и очень милыми карикатурами. В этом числе есть одна на меня с приятелем. Она так хороша, что у меня хроническое желание похитить ее и сохранить. Если газету будут демонтировать, то я постараюсь ее раздобыть. Эта молодежь в большинстве случаев очень приятна. Во всем коридоре нет ни одного урки, что очень приятно тоже. У них (молодежи. – *Ред.*) развилась шахматная эпидемия, которая меня никак не заражает. Идет матч без конца. Газеты пока поступают регулярно,

Закат.
Фото Г.В.Смирнова.
2005 г.

но с такою же регулярностью не читаются, потому что их мало и на них устанавливается очередь, что настолько отбивает охоту к чтению, что читаешь только случайно. Радио к нам пока не проведено. Поэтому даже этот источник информации отсутствует. И как-то даже не тянет к вестям из призрачного мира «на воле». Видимо, не зря тут был построен монастырь. Как-то даже и представить трудно, чтобы здесь было бы раньше что-нибудь другое: помещик или крестьяне. Земля тут скудная, природные богатства, скорее, имеют право на имя природных бедностей. Единственное, что тут поразительно, но совершенно нематериально, – это поразительные краски закатов и восходов, да облака. Безоблачных дней в году бывает 5–6. Это я пишу не на основании собственных наблюдений, а по метеорологическим данным. У меня самого впечатление, что таких дней больше. Когда-нибудь тут будет климатическая станция. Ну, а пока просто станция. Сидишь и не знаешь, поедешь ли дальше. Вспоминается многое, и самое досадное, что я не

вижу, как растет сын. По существу говоря, лично мне почти безразлично, сидеть ли тут, на острове, или, скажем, в Москве, в каком-нибудь главке. Но не хватает безмерно тебя и сына. Даже бабушки не хватает. Она такой хороший человек, и я так к ней привык и оценил. Нужно сознаться, что я и о ней довольно часто вспоминаю и думаю, что она большая помощь и поддержка тебе. Милая Варька! Как часто я думаю о тебе, когда иду по острову и смотрю на закат, на море, и все это похоже на край мира, за которым уже ничего нет. Жаль бесконечно, что жизнь проходит без тебя и, в сущности, безо всяких оснований. Ты была единственно настоящее, и ты отнята от меня. Не приходится много думать, как и почему. Но факт остается фактом, что как и когда я тебя увижу, я совершенно не могу представить. Потому-то мне бы даже не хотелось бы свидания «на общих основаниях» – пять дней по два часа в присутствии уполномоченного. Пару недель тому назад была некоторая надежда, что некоторые из нас попадут на ударную стройку лесохимического комбината. Теперь на это почти нет никаких оснований надеяться. Вероятнее, почти несомненно, это еще зимовка. Ко всему этому нужно добавить, что на новом месте работы придется и приходится гораздо больше суетиться, чем раньше. Ничего не поделаешь – производство. Нужно все время придумывать выходы из разных положений, а еще разворачивать продолжение прошлогодней работы с водорослями. Их теперь у нас целые тонны, сохнувшие всюду. Целый подводный лес.

Письмо, отправленное
22 июня 1993 г. из
Соловецкой метеостанции
со служебным и
памятным штампами

На них выступила морская соль – как целый рой бриллиантов. Пахнет морем, только немножко не тот запах, который ты помнишь, а более суровый и глухой. Народ в лаборатории непутевый. Думаю, что большого толка с ними будет трудно добиться. Инициативы от них ждать трудно, а безпрекословного исполнения тоже, пожалуй, не будет. В этом отношении хуже, чем это было в лаборатории, но зато есть мастерские и можно заказывать всякие вещи для экспериментов. Так во всем есть и плюсы и минусы. У меня самый большой минус – это, конечно, ты. Без тебя паршиво до крайности, чего я никак раньше бы и не подумал, а теперь думаю слишком часто. Но об этом довольно!

Начинаю соображать, не пора ли приступить к поздравлениям с именинами, и к ужасу своему начинаю думать, что хотя формально это нужно делать в первом декабрьском письме, однако хорошо будет, если и это письмо дойдет вовремя. Конечно, вежливость требует, чтобы жену поздравляли лично. Но в данном случае приходится прибегать все к той же бухгалтерской книге, которую я так своевременно захватил из дому. Почему-то я вспоминаю, как я обжегся серной кислотой, а думая ошибочно, что скоро распухну, заторопился поздравить тебя (еще приятную тогда барышню) – и как будто не застал дома. Да вообще многое вспоминается – и все такое приятное. Нарочно вспоминаю неприятное, и трудно вспомнить. Даже парикмахерские темы – и то, кажется, согласился бы ежедневно стричься, только бы видеть тебя, довольную и ласковую. Жаль мне черного дивана... Жители его бывают и тут, но более длинные и узкие, чем в диване. Около моего спального места их, видимо, мало, но товарищ, спящий у печки, по ночам зажигает электричество и вступает в бой с ними. Сейчас нужно ложиться спать и я оставляю место, чтобы завтра дописать пару строк, может быть, за день что-нибудь и будет занимательного, но разговаривать с тобой я буду в кровати. <...> Днем, после обеда, получил открытку от 18.X, в которой ты безпокоишься за меня из-за моего долгого неписания. Я пишу и писал очень аккуратно – 3 письма в месяц: первое в первых числах, около 3–5, второе 10–15, третье 24 числа. Так было в прошлый, позапрошлый и т.д. месяц. Таким образом, письма просто застряли и, может быть, придут своевременно, т.е. в свое время. А вечером получил посылку с сухарями и печеньем и плоской

жестянкой (нужно сказать, что письмо я заканчиваю 24 вечером). Пси, любимая! Я очень благодарен за посылки, но я пересыщен ими. Мне просто стыдно получать их. Я очень люблю тебя и сына, и мне было бы приятнее, если бы ты сама бы больше лопала. Но ругать тебя я, конечно, не буду. Я был бы рад получению – ну хоть пука собачьей шерсти, потому что посылки ходят скорее писем. А я получил за последнее время 4 посылки, последнюю сегодня. Теперь скоро кончится навигация, и письма будут ходить быстрее по авиалинии. Варенька, целую тебя крепко, как никак нельзя сделать в письме. Поцелуй сынишку, пусть растет и умнеет. Привет бабушке.

Р[оман]

1. Вероятно, Р.Н.Литвинов говорит об известном романсе «Очи черные», стихи Е.Гребенки (1843), музыка Ф.Германа в обработке С.Герделя (1884).

Ф.Герман – автор военного марша, под звуки которого армия Наполеона вторглась в Россию в 1812 г. Мелодия этого марша в обработке С.Герделя легла в основу романса, дошедшего до наших дней.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Ольге, Марии-Тинатин

29 ноября – 1 декабря 1935 г.

Соловки

Рисунок
П.А.Флоренского
из письма
от 29 ноября –
1 декабря 1935 г.
Архив семьи
Флоренских

Дорогая Тика, расскажу* тебе, как один мой знакомый участвовал в конкурсе по мухоловлению. Одна Нью-Йоркская газета объявила, что тому, кто наловит больше всего мух, будет выдана 1-ая премия (часы), следующему – 2-ая (велосипед), третьему – 3-ья (игрушка). Мух надо было доставить в редакцию. Мой знакомый построил из проволочной сетки мухоловку огромных размеров в виде цилиндра высотой 80 см и поперечником 40 см, с дном в виде конуса со срезанной вершиной, и установил ее над чашкою, куда клал остатки каши и т.п. Мухи залетали в цилиндр и там засыхали. Ловилось их очень много, и за 2 месяца было поймано $\frac{3}{4}$ сахарного 5-пудового мешка, т.е. 35–36 литров мух, что составляет 1 миллион мух. Нагрузив на спину этот мешок, мой знакомый проехал до редакции. Спрашивает, где тут сдают мух.

На него посмотрели подозрительно и направили во двор. Во дворе спрашивает о том же. Посмотрели еще подозрительнее, так что ему стало несколько жутко, но указали на флигель. Приходит во флигель, там толпа мальчиков, лет 8–11, все с пакетиками. Спрашивают его, зачем он пришел. «Сдать мух». Но ему стало неловко, выбрал самого маленького мальчика и передает ему мешок: «Поди, сдай». – «Что это?» – «Мухи». – «Не может быть!» – «Посмотри». Мальчик посмотрел и, увидев мух, стал кричать: «Смотрите, смотрите! Мухи! Мухи!». Все бросились к мешку, а знакомый мой воспользовался моментом всеобщего восторга и волнения и скрылся. О судьбе своих мух он так и не узнал.

Расскажу* тебе про рекламу в Америке. Правда, это относится к тому, что было 10 л. тому назад. Идет например по улице чучело в виде бутылки. На груди у него огромный прозрачный сосуд, за которым эл. лампочка, так что кажется, будто весь он прозрачный. На голове конус из банановых листьев, на спине – такой же плащ. Чудище начинает угощать на улице окружающих его – ликером в бумажных стаканчиках (в Америке запрещена посуда общего пользования, а также полотенца: пользуются бумажными, которые сейчас же бросают). Подставные лица шумно выражают свое восхищение ликером. Чудище разбрасывает объявление своей фирмы и уходит, чтобы далее начать то же представление.

На высоком доме появляется из эл. лампочек надпись: «Шелковая компания Кортичелли». Исчезает. Появляется кот, тоже из эл. лампочек. Потом другой. Они движутся, играют. Потом между ними появляется клубок – тоже из эл. лампочек. Коты бросаются на него, начинают разматывать нить, все больше и больше. Получается огромный ворох перепутанных ниток – море ниток. Потом все исчезает, начинается то же. Или: стоит толпа, глазеет: с высокого этажа, из окна собирается спуститься на парашюте клоун, в желтом. Он долго-долго возится. Всю улицу запружает толпа. И вот, клоун летит, все с замиранием ожидают падения, но на высоте приблизительно 4-го этажа происходит оглушительный взрыв: клоун разлетается вдребезги и из него сыплются объявления какой-то фирмы. Такие представления продолжались целую неделю.

Крепко целую свою дорогую дочку. Письмо ее получил сегодня, 30.XI.

1935.XI.29. № 39. Соловки. Дорогая Аннуля, получил твое письмо от 5 ноября № 37. Вот скоро наступит прекращение навигации и вместе с нею – перерыв почтового сообщения. Пишу это тебе, чтобы ты не беспокоилась, не получая от меня писем. Святое озеро уже замерзло, пожалуй, с неделю, а по местным приметам навигация прекращается после его замерзания в срок от 2 до 4 недель. Мне досадно, что вы не запаслись овощами на зиму: когда есть картофель, то спокойнее: есть фундамент. Мне хотелось бы, чтобы ты побольше воспринимала впечатления от искусства, от природы, хотя бы в рассказах* и поменьше тратила сил на хлопоты: порадуйся, чем можешь радоваться. В своих письмах к детям я нарочно рассказываю* всякую всячину из того, что слышу от очевидцев: мне думается, что впечатления и рассказы* очевидцев ярче и полнокровнее, чем книжные сообщения, да к тому же многие мелкие, но характерные, подробности из книг извлечь не удастся. Но только не знаю, удастся ли мне, при ограниченности в месте, передать из многого, что слышу, интересно и так, чтобы доходило до сознания. Во всяком случае знайте, что этими рассказами* я стараюсь приблизить вас к себе и себя к вам, хотя бы мне и не удавалось писать интересно.

Иногда приходится слышать мрачные истории, прямо словно из романов Стивенсона. Вот одна. Во время обороны Севастополя в Черном море затонул корабль, английский, «Черный Принц», везший золото для раздачи жалования союзным войскам. Корабль не был извлечен. Сведения о нем собрал, уже в новейшее время, какой-то военный, перевелся из тогдашнего* Петербурга в Севастополь и добился поступления в подводную команду, с целью найти «Черного Принца». В помощь себе он подыскал одного матроса и, найдя корабль, стал извлекать из него золото и свозить в какую-то пещеру над морем. Наступало время дележа добычи. Искателю золота стало жаль отдать долю матросу, он сообщил своему помощнику, что в корабле находятся бриллианты, спустил его в водолажном приспособлении (скафандре) и затем перерезал воздухоподающую трубку. Матрос, понятно, погиб. Но в Севастополе жили греки-контрабандисты. «Ото всех можно скрыться, но не от нас», говорят они. Действительно, они выследили искателя золота, убили его и завладели золотом, нагроулили его на фелюгу

Раиса
Флоренская.
Автопортрет.
Тифлис.
Конец 1920-х гг.
Собрание семьи
Флоренских

и поплыли к Трапезунду. Однако разыгралась буря, фелюга погибла, и золото вернулось на морское дно. Вот как мне рассказывали* эту историю, а насколько верно – не берусь судить¹.

Ты высказываешь сожаление по поводу «Технич. энциклопедии». Не знаю, какое объяснение читала ты, а то, которое попало мне, говорит как раз наоборот. Объявлено о подготовке к изданию ряда секций этой энциклопедии, но нет упоминания об энциклопедии материаловедения, которая была намечена и которая, конечно неизбежна. Мне думается, что это отсутствие объясняется известной беспомощностью.

Постоянно вспоминаются Гося, Миша и другие, и чувствую их близость. Одно зацепляется за другое: тетя Ремсо, тетя Лиза, Маргарита... Вероятно, это признак возраста, думать об умер-

ших и представлять их себе с необычайной живостью. Но конечно еще больше думаю о вас. Мне хотелось бы, чтобы с Наташей установились теплые отношения, но трудно писать, не представляя человека зрительно. Когда пишу вам, то беседую с вами, а не пишу, и потому бросаю отрывочные фразы на ходу, когда выпадает минута. Вот сейчас хотел снова написать о лисичках. Они здесь так привыкли к людям, что бегают всюду, словно собаченки* и кланчат хлеба и проч., а когда полуют, то спешно зарывают лапкой и мордочкой в снег и бегут выпрашивать снова. Это с их стороны разсудительно*, т.к. время подачек коротко – когда проходим завтракать или обедать, с хлебом в руках. Вчера (XI.30) получил твое письмо, без даты. Олино же – [от] X.25. Посещает ли вас М.В. Мне доставляет большое удовлетворение, что вы слышите ее музыку, особенно при разучивании, а также и ее личное общение с вами. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, береги себя и детей.

Я написал письма *всем*, но послать не удалось, пришло в сл. раз, а пока – половину письма.

Дорогой Олень, сегодня ночью я размышлял о природе поэтич. речи, а именно, почему одно и то же высказывание, почти в одних и тех же словах м.б. более и менее поэтичным, в зависимости от очень незначит. фразеологического изменения. Поэзия есть мышление конкретными образами, которые, однако, подлежат не логическому закону обратной пропорциональности объема и содержания, а диалектическому закону прямой пропорциональности объема и содержания, т.е. сути *идеи*. Смысловое значение образа больше, чем его наглядно-чувственное содержание. Это значит, что образ поэзии есть по самой своей природе символ (всякая реальность, которая больше себя самоё). Поэзия дает смысловое значение в конкретных образах, и чем он конкретнее, т.е. полноценнее поэт. творчество. Иначе говоря, высказывание тем поэтичнее, чем менее удаляется от образа-конкретности, но вскрывая при этом наиболее полно его смысловое значение. Высшая ступень поэтичности – это непосредственное созерцание образа в его полноте: медитация над розой, напр., т.е. когда образ дается со всею чувственной силой. Но это – поэзия «для себя». Поэзия литературная м.б. тогда, когда и образ

реконструируется словом. Поэтому 2-я ступень поэтичности дается живописанием событий и вещей, но таким, что их чувственное содержание само за себя и само от себя говорит о смысле явления. Последнее достигается выдвиганием и подчеркиванием определенных признаков, эмоциональной окраской образов, разстановкою* слов, которая заставляет обращать внимание на слова, остающиеся обычно незаметными, ритмикой и звуковой инструментальной, придающей образам особую, ту или другую, эмоцион. и чувственную окраску и т.д. Если всего этого не сделано, то образ не становится больше себя самого,

Маргарита и
Елизавета Павловна
Мелик-Бегляровы.
Швейцария.
Ок. 1903 г.
Фото А.Викки.
Архив семьи
Флоренских

Репсимия
Павловна
Тавризова.
Тифлис.
Ок. 1900 г.
Архив семьи
Флоренских

т.е. остается лишь представлением, фотоснимком или схемой, – и высказывание натуралистично. 3-ья ступень поэтичности – раскрытие образа вспомогательными образами, внедряющимися в основной и тем помогающими воспринять его смысловое значение. Это внедрение идет путем конкретным, наглядно-воспринимаемыми процессами, причем образы именно срастаются* и перетекают друг [в] друга – своего рода прививка. Тут нет промежуточных инстанций, посредствующих мостиков отвлеченной мысли, это *тождество* образов, а не равенство, уравнивание их посредством отвлеченного признака. При 4-й ступени поэтичности пояснение образа образом производится не отождествлением-сростанием* их, а уравниванием, т.е. чрез посредство отвлеченной мысли, находящей в том и другом

образе некоторый общий признак. Со стороны словесной формулировки уравнивание достигается посредством выражениями¹ «подобно», «как» и т.п. Обрати внимание, насколько полнокровнее, жизненнее, конкретнее и горячее простое, непосредственное сростание*-отождествление образов, чем сопоставление тех же самых образов формулами «подобно», «как» и т.п. Такие формулы звучат холодно, разсудочно* и терпимы только при пышном развитии образов, когда психологическая масса их велика, так что об этом «как», их связывающем, забываешь. Сравни, напр., два оборота: «Умер, померкло наше Солнце!» и «Умер, подобно тому, как закатывается Солнце!». При сростании* образов оба образа остаются полноценными и конкретными, а при уравнивании их по крайней мере один, если не оба, утрачивает свою конкретность и становится тенью себя самого, – не «на самом деле», а только «как будто», – а «как будто» это значит на самом деле этого нет. Т.о. в «как», «подобно» уже содержится тормозящая сила, внутреннее противодействие желаемому действию, а именно внушение, чтобы слушатель не верил сравнению. Образ присоединяется и тут же отрывается. Следующая, 5-я ступень, уже вовсе не поэтична: на ней берется не образ с признаком, по которому производится сравнение, а оторванный признак САМ ПО СЕБЕ, противопоставленный*

¹ Так в тексте. Вероятно, *выражений*.

образу, из которого он вырывается. Иначе говоря, это раскрывает образ лишь отвлеченно, системой отвлеченных признаков, и потому самый образ перестает быть таковым и делается лишь отвлеченным понятием, у которого нет живого, непосредственно созерцаемого ядра, – существенности.

Ты пишешь: «Было бы интересно заниматься в школе, если бы можно было заниматься углубленно». Это неправильный подход к школе: она должна давать основные линии и установки знания, а не углубление, последнее же достигается позже, путем самостоятельной работы. Но освоиться с основными линиями необходимо, иначе углубление пойдет ходами случайными, кустарными и, при незнании смежных областей и всей карты современного знания, может создать иллюзии и самообольщение. Писал я тебе и снова напишу: не торопись, все придет в свое время, расти* спокойно, органически, это будет гораздо жизненнее, чем судорожное насилие, особенно же – при ослабленном здоровье. Старайся пользоваться тем, что есть у тебя, чтобы потом не жалеть об упущенном. Кажется, у Чехова говорится где-то, что русский человек или вздыхает о прошлом, или мечтает о будущем, вместо того, чтобы пользоваться и радоваться настоящим. Не впадай же в эту общерусскую слабость. Каждый момент и каждый возраст есть не только мост к следующему, средство, но прежде всего ценен сам по себе.

«Величье в будущем – оно
Нам не заменит, что дано
Сейчас, теперь, на каждый день.
Лишь только призрачная тень
Растет и тянется длинней
К концу закатных наших дней.
Росток, бутон, цветок и плод –
Все радостью своей живет,
Само прекрасно, тешит глаз.
Не жди ж, а радуйся сейчас»².

Крепко целую тебя, дорогая.

Конверт (160×113 мм) кустарный, серый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 23.12.35; Загорск – 27.12.35.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила черные.

Дерен шведский.
Фото Г.В.Смирнова.
2007 г.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1935 г. 28 декабря».

Письмо на листе (218×304 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные и фиолетовые.

В конверт вложена промокательная бумага с засушенными растениями: папоротником, вороньим глазом, дереном шведским (*Cornus suecica*).

1. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. британский парусно-винтовой фрегат «Принц» (1853) (вошел в историю как «Черный принц») и десять других кораблей англо-французской эскадры погибли во время шторма у Балаклавы 14 ноября 1854 г. Число жертв превысило 500 человек.

Хотя среди грузов, принятых «Принцем», были верхняя одежда, белье и обувь для солдат, по всему миру еще до окончания войны стали расползаться слухи, будто у берегов Крыма погиб английский паровой фрегат «Черный принц» с грузом золота, предназначавшегося для выплаты жалования войскам.

Почему корабль стали называть «Черным принцем», неизвестно. Кроме того, почти все исторические материалы, относящиеся к периоду Крымской войны, не упоминают, что на борту «Принца» к тому времени, когда он прибыл на балаклавский рейд, было золото. О бочонках с золотыми монетами говорят источники более позднего времени, когда широкая молва сделала «Принца» «Черным».

2. Отрывок из поэмы «Оро», который входит в главу XXXI. Полностью эта глава была прислана позже, в письме от 13 августа 1936 г.

П.А.Флоренский – детям Василию, Кириллу, Михаилу

30 ноября – 7 декабря 1935 г.

Соловки

1935.XII.7 № 40. Соловки. Дорогой Кирилл, приехал ли В.И.^{1?} Устроился ли ты с работой? Чем занимаешься по институту? Ты ничего не пишешь мне о своей летней работе и об ее результатах. Вообще, летом я ничего не знал о тебе, а теперь – еще меньше. Сообщу тебе слышанное мною о японских мечях – самом замечательном из изделий Японии, как рассказывают* люди много путешествовавшие. Материал этих древних мечей исследован недостаточно, однако мне говорили, что он – молибденовая сталь. Впрочем, не материал, а способ обработки

представляет наибольшую достопримечательность: чрезвычайная длительностьковки, тянущейся несколько лет при непрерывной работе. Отбивают клинок на дереве, очевидно – легкими ударами. Рукоять меча обтягивается акульей шкурой. По завершении отбивки меч подвергают испытанию: отдают местному палачу, и он, поставив в ряд казнимых, сносит испытуемым мечом им головы. Чем больше голов удастся снести с одного маху, тем лучше считается меч; это число фиксируется на мече зарубками. Говорят, больше 7 зарубок не бывает даже на самых лучших мечах.

XI.30. Сегодня получил письмо, которое Оля датирует X.25. Там содержится записка от тебя. Мне очень жаль, что ты падаешь духом, все обойдется и устроится. Но мне странно, почему не выясняется дело с результатами твоей летней работы. Впрочем, есть и положительная сторона того, что ты не работаешь: больше времени для учения, а это в настоящий момент твое наиболее важное дело. Постарайся же воспользоваться этими временными неприятными обстоятельствами, чтобы наверстать упущенные занятия и продвинуться подальше.

Проводник ороchon
Алексей. Китай,
провинция Хэйлудзян.
Рис. П.Ф.Флоренского.
1959 г.

Ты говоришь об «Оро». Но при этом впадаешь в несколько ошибок. Во-первых, тебе известно лишь несколько отрывков из этой вещи и ты не знаешь не только замысла

в целом, но даже и первой, написанной, песни. Во-вторых, ты впадаешь в обычное заблуждение читателей, спешащих отождествить одно из действующих лиц произведения с автором. Но, ведь, если произведение не натуралистично, а истинно творческое, то автор отображает свой внутренний мир не в одном лице, а во всех, т.к. в противном случае часть их, не будучи связана с основной интуицией произведения, была бы бесполезным балластом. А с другой стороны ни одно из лиц не выражает автора целиком: все они в живом взаимодействии дают внутренний мир автора в его движении, а потому – и реальности. Кто такой Оро? – И я, и Вася, и ты, и Мик, и Мих. Фарадей и многие

другие. Кто странник? Частично б.м. и я, но очень частично, а гл. обр. один знакомый. Кто отец-орочен*? Частично я, значительно больше – другие, мне известные, много – мой отец. Кто мать Оро? – Отчасти мама, отчасти моя тетья Юля и др. И наконец, в третьих*, ты не замечаешь (полагаю, в этом виноват автор) бодрого тона, данного размером и ритмом, и бодрой идеологии, которая раскрывается в преодолении обратного мироощущения, а не в простом незамечании всего, что может ослабить дух и вести к унынию. Это – древне-эллинское понимание жизни, трагический оптимизм. Жизнь вовсе не сплошной праздник и развлечение, в жизни много уродливого, злого, печального и грязного. Но, зная все это, надо иметь пред внутренним взором гармонию и стараться осуществить ее. Оро проходит чрез ряд тяжелых обстоятельств и испытаний, но проходит чрез них для того, чтобы окрепнуть, чтобы выработалось его мировоззрение, чтобы он сделал научный подвиг – дал новый подход к природе, новое конкретное реалистическое понимание мира, в противовес безжизненному, отвлеченному, призрачному. Крепко целую тебя, дорогой, пиши.

Дорогой Мик, тебе вероятно будет интересно узнать, что в Персии часто держат в домах, как домашних животных, тигров и гепардов, воспитывая их с молодого возраста. Однако когда они вырастут*, их приходится водить на цепях, а когда этого не делают, то случаются несчастья. Один знакомый² рассказывал* мне, как мальчиком 10 л. он привык играть с домашним тигром, который уже вырос и стал совсем большим. Как-то, лежа в постели, он чесал тигра под пастью, тигру это очень нравилось, он урчал, как кошка, и лез все ближе, а потом положил, от удовольствия, свою лапу ему на грудь и, от еще ббльшего удовольствия, сжал когти. Они вонзились в тело, потекла кровь, мальчик закричал, и дядя его вынужден был убить тигра. На дворе тигры играют друг с другом или с домашними животными, напр. овцами – шутя бросаются на них, но обычно не задирают. Гепардов держат преимущественно для охоты: на цепях выводят за город и тогда спускают. Но хорошие охотники считают ниже своего достоинства охотиться на джейранов и т.п. мирных животных, охотятся же исключительно на тигров и других, им подобных. А теперь из Персии перескочу

в Австралию. Один из моих знакомых наблюдал интересную миграцию (переселение) гусениц. Шел однажды по дороге и видит желтую ленточку, перерезывающую путь. Подошел ближе, она оказалась состоящей из желтых гусениц, ползших одна за другой на совершенно равных расстояниях* между собою. Стал искать начало и конец этого шествия. И начало и конец оказались весьма далеко. Как выяснилось, гусеницы в организованном порядке спускаются с одного дерева, уже совсем объединенного, и вползают на другое, еще не тронутое.

Мне вспомнился сейчас один случай из моего детства. Мне было тогда вероятно лет 5. Мы жили в Батуме. В нем тогда было портофранко* (т.е. открытый для иностранных товаров порт) и в связи с этим – много темного народа – контрабандистов, фальшивомонетчиков и т.д. Во дворе дома, где мы жили, была квартира с какими-то странными и темными личностями. Кто были они – никто не знал, но почему-то их боялись, особенно мы, дети. Однажды утром дети соседей с волнением сообщили нам о бегстве этих людей и что их квартира, брошенная с вещами, очень интересна. Мы ринулись туда. Действительно, нам было на что посмотреть. Гальванические элементы Лекланше,

Батум.
Открытка 1910-х гг.

приспособления для гальванопластики, какие-то останки, наборы резиновых литер для печати с какими-то странными знаками, проволока, банки с реактивами, слесарные инструменты... Мы были в полном восторге, рассматривая* эти непонятные предметы. Вскоре явилась полиция и забрала все эти сокровища. Но впечатления какой-нибудь четверти часа до сих пор у меня перед глазами. Крепко целую тебя, дорогой. Напиши, что ты делаешь в мастерской.

Дорогой Васюшка, получил твое письмо. Ты спрашиваешь меня о письме Наташи. Но я ведь получил только одно письмо, и трудно высказать установившееся мнение по единичному впечатлению, а заниматься литературным разбором того, что не предназначено в литературу, как-то нехорошо; не люблю я анатомировать, равно как и рассматривать* лицо по отдельным чертам, – предпочитаю ждать, пока впечатления сами собою сложатся в цельный образ. Скажу только в настоящий момент: раз Наташа вошла в нашу семью, я и отношусь, правда заочно, к ней, как к своим детям, и потому хотел бы, более того, считал бы правильным, чтобы она писала, когда найдет время и желание. Кстати, до получения ее письма я написал ей, но не знаю, получила ли она мое письмо. Сообщи.

Теперь по поводу твоих занятий. Хочу указать тебе на одну область, которой ты вероятно не знаешь и которой, как мне кажется, совсем не знает большинство исследователей геолог. и минералог. явлений природы. А между тем, она была бы в изучении подобных вопросов весьма полезна. Это, именно, общая теория химико-технологических процессов и аппаратов. При изучении явлений природы сперва довольствовались описанием и объяснением их на почве общей физики и химии. Затем стали прибегать к эксперименту, но в лабораторном размере. Экстраполировать лабораторные опыты на грандиозные процессы природы в большинстве случаев крайне рискованно. Технология же располагает данными по аналогичным процессам в размерах несравненно больших и до известной степени приближающихся к природным, во всяк случ. не столь далекими от природных, как лабораторные колбочки и пробирки. Выпаривание, сушка, фильтрация, дробление, прессование, кристаллизация, экстракция, диффузия и т.д. при техноло-

Кафедра петрографии
осадочных пород
МНИ им. И.М.Губкина.

Слева направо сидят:

Н.В.Пушкарева,

Т.В.Корсакова,

Л.В.Пустовалов,

В.П.Флоренский,

Б.В.Бальшина.

Стоят: В.С.Князев,

Т.А.Липинская,

Н.А.Князева,

А.Н.Лобаков,

М.А.Капина.

Москва. 1944 г.

Архив кафедры
литологии РГУ нефти
и газа им. И.М.Губкина

гическом подходе к ним проявляют такие стороны процесса, которые в лабораторном опыте проходят незамеченными и потому не учитываемыми при обсуждении процессов природных. Между тем, в общей теории этих технологич. процессов разработаны интересные и глубокие схемы и анализы этих, масштабных, сторон, и знать их естествоиспытателю СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМО. Дисциплина эта – молодая, но не сомневаюсь, что ознакомившись с ее формулами, схемами и подходами, ты найдешь не мало* материала, который можно будет перенести на процессы природы. Не стану излагать тебе чего-либо из указываемой дисциплины, для этого требуется книга, а не письмо. Отмечу лишь для начала две книги, с которыми непременно ознакомься, хотя бы перелистав их. Это: *В.Бэдджер* и *В.Мак-Кэб*, Основные процессы и аппараты химических производств. М.–Л., 1933 (по русски* заголовок переведен неудачно: по англ.* «Elements of Chemical Engineering»), 5 + 1 рб., и *В.Уокер*, *В.Льюис*, *В.Мак-Адамс*, Типовая химическая аппаратура. Л., 1933 и 1934 (мне известно 2 выпуска) (по англ.* «Principles of Chemical Engineering»). Если эти книги оправдают то, что я пишу тебе о «химическом инженерстве», то дальнейшее можешь искать по журналам, – если хочешь, то напишу – каким.

Теперь о микрофизических способах исследования и испытания. Тут необходимо различать 3 момента: 1⁰, определение минералогической природы зерен; 2⁰, гранулометрическая характеристика образования, т.е. размеров и формы зерен;

3^0 , текстурная характеристика образования, как целого, т.е. порядка и ориентировки зерен. В настоящем письме буду говорить только о 1-м моменте. Ты пишешь об электромагнитных характеристиках, но неясно, что ты разумеешь. Об электрич. характеристиках вообще посмотри в моей книге «Диэлектрики»³. Диэл. коэффициент ε для отдельного зерна можно определять по способу Биллитцера (см. в «Диэлектриках»), а для некоторого количества зерен одного состава – смешивая их с каким либо* полужидким или твердеющим (напр. воском, парафином и т.д.) веществом и определяя ε слоя из смеси. Тогда, если зерна распределены статистически беспорядочно, $lg\varepsilon = v_1 lg\varepsilon_1 + v_2 lg\varepsilon_2$, где v_1 и v_2 объемные содержания зерен и связующего вещества, ε_1 и ε_2 их диэл. коэф-нты, а ε – диэл. коэф. смеси. Эта формула применима и для большего количества компонентов. Тою же формулою, с заменю диэл. коэф-тов другими характеристиками (магнитная проницаемость, теплопроводность, электропроводность) можно пользоваться для определения соответств. характеристик зерен. Магнитную проницаемость отдельных зерен можно определять по способу аналогичному способу Биллитцера, но погружая зерно на упругом волоске в растворы $FeCl_3$ и др. магнитных солей и меняя концентрацию. О своем способе определения диэл. потерь в тонких пластинах я тебе писал; если ты не понял чего-либо, сообщи, напишу подробнее. Твердость определяется царапанием стандартн. минералов под микроскопом; у меня в бумагах найдешь таблицу-сводку стандартных минералов с тонкой градацией. Можно еще определять твердость на истирание, наклеивая зерна на какую-либо подкладку. Теплопроводность – на смеси с инертным связующим, по способу Христиансена, т.е. сравнивая пластинку подобной смеси с пластинкой какого-либо вещества, для которого коэф. теплопроводности известен, и применяя, далее, ф-лу Лихтенеккера (вышеприведенную). Далее напишу в след. раз. Крепко целую тебя, дорогой, не забывай маму и бабушку. Привет Наташе.

Конверт (137×103 мм) кустарный, розовый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Мед. Гора – 02.01.36; Загорск – 04.01.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская, 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Осн.».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ 2 января 1936 г.».

Письмо на листе (217×303 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила фиолетовые.

1. В.И.Вернадский в числе других ученых академии переехал в Москву осенью 1935 г.

2. О Персии рассказывал, возможно, Кази-Заде.

3. *Флоренский ПА.* Диэлектрики и их техническое применение. М., 1924.

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю

1 декабря 1935 г.

Николай Брянцев
(справа) в период
работы на Кусковском
химическом заводе.
1930-е гг. Архив
семьи Брянцевых

Дорогой и родной мой Котик,
В связи с тем, что наступил третий зимний период моей полярной консервации и наступит скоро закрытие навигации, а следовательно, потребуется некоторое время, чтобы наладилось авиационное сообщение, я спешу послать Тебе это письмо с расчетом, чтобы оно попало ко дню Твоего рождения.

Со всей полноты и глубины своих отцовских чувств к Тебе, мой родной и единственный сын, поздравляю Тебя с днем Твоего рождения.

С этой новой датой Ты вступаешь еще тверже на дорогу своей самостоятельной жизни. Перед Тобой раскрываются еще шире жизненные ворота, так как Ты начал не только уже шагать по этой самостоятельной дороге, но успел уже овладеть определенным житейским опытом, необходимым для более успешного шагания вперед.

Жизнь построена, мой сын, так, что рисуется она в виде грядущих успехов, наполненная¹ радостных надежд, желаний и благополучия. Но все

¹ Так в тексте. Вероятно, *полная*.

это завуалировано как бы особой завесой для того, чтобы все эти радужные перспективы сделать еще более заманчивыми и менее осязательными. С другой стороны, вековой опыт бытия выковал определенные законы инстинктивного сознания необходимости борьбы за свое существование и за овладение возможностью приоткрывать эту завесу, чтобы выхватывать сосредоточенные за нею блага.

Милый Котик, Ты находишься на таком этапе своего жизненного пути, когда особенно ярко отсвечиваются¹ силуэты радужных надежд, скрытых за завесой, и для овладения ими Ты потенциально ощущаешь достаточный, если не избыточный, запас энергии, силы, задора и желания и самое главное здоровья. Перед Тобой чаша жизни, наполненная еще до краев жизненным эликсиром, он бурлит, кипит и пенится – в этом вся прелесть, сила и поэзия молодой жизни, и я от души шлю сердечные поздравления и пожелания в этот замечательный для Тебя день и момент. Желаю как можно меньше расплескивать свой эликсир через края чаши и сохранить его на долгие годы наполненным и бурлящим.

Да, есть еще одно условие, которое играет громадную, если не решающую, роль на жизненном пути – это, как говорят, фортуна, судьба, счастье. «Они» или щедрой рукой ворожат, или самым безжалостным образом отворачиваются, или, наконец, ведут себя совершенно безучастно.

Я молю судьбу, чтобы она из своего букета с ветками счастья одну такую веточку бросила Тебе на дорогу начатой жизни. Молю горячо и искренно и надеюсь, что отцовская мольба в этих условиях достигнет результатов и [судьба] этим компенсирует свои удары.

Еще раз горячо Тебя целую и рассчитываю, что два наших традиционных пирога, которые мамочка постарается к этому дню для нас состряпать, будут особенно удачны, исключительно вкусны и пышны, как пышна Твоя молодая жизнь. Капочка, конечно, тоже приложит руку и нежное сердце, чтобы заполнить своей любовью этот день для Тебя. Искренно поздравляю вместе с тем и мамочку с Капой и горячо Вас всех обнимаю.

Отец

¹ Так в тексте. Вероятно, *высвечиваются*.

Милая и родная жена,

Спешу в этом письме застраховать себе возможность горячо поздравить и Тебя с Твоим днем рождения, который очень быстро наступит после Котика. За длинный период нашей дружной совместной жизни были всевозможные условия и обстоятельства, сопровождающие эти для нас знаменательные семейные декабрьские события. Один из своеобразных этапов составляет условия проведения этих милых для нас дней в настоящее время. От души желаю Тебе, чтобы этот этап как можно скорее сменился новым близким и еще более сердечным периодом непрерываемой нашей совместной жизни и больше не потрясался никакими внешними факторами, от нас не зависимыми!

Спешу заверить Вас, что я, как все время и в особенности в эти дни, буду неотступно с Вами и полон дум, мыслей и чувств к Вам.

Ноябрь прошел, и я от Вас за этот месяц не получил ни одного письма, что начинает меня беспокоить, тем более я очень жду с большим нетерпением результатов по двум вопросам, связанным с Котиком, как Комиссия его и как наладилась учеба.

*Муж
Ваш Коля*

PS. Только что зашли мне сказать, что пришла мне посылка!

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

5–13 декабря 1935 г.

Соловки

1935.XII.5. Соловки. № 40^{II}. Дорогая Аннуля, легкие морозцы сменяются по прежнему* оттепелями. Лежит снег, но покров немощный. Часты ветры. В общем же впечатление, как будто мы – на много градусов южнее Москвы. Как-то на днях (2.XII) видел во сне папу. Кто-то забрался к нам в квартиру, гро-

I Так в тексте. Вероятно, *зависящими*.

II Сбой в нумерации, предыдущее письмо П.А.Флоренского от 30 ноября – 7 декабря 1935 г. также имело № 40.

Александр
Иванович
Флоренский.
Рис. О.А.Флоренской.
11 февр. 1908 г.
Собрание семьи
Флоренских

зит опасность, а папа спит, и я никак не могу разбудить его. Нет никаких признаков пробуждения, хотя явно, что папа жив. Я проснулся с тревогою и почувствовал, что мало его вспоминаем. А вы, наверно, и совсем не вспоминаете о нем.

ХП.8. Сегодня получил твое письмо от 19.XI № 37, в котором ты жалуешься на неполучение вестей от меня. Но я пишу тебе аккуратно и теперь даже чаще прежнего*: по 4 письма в месяц. Меня очень обезпокоила болезнь Мика. Как Кира? Очень печально, что он без работы – не столько само по себе, как из за* его уныния. Все время думаю о вас и живу только вами, только помочь вам ничем не могу. Напрасно ты не сообщаешь, какие письма мои получены тобою. Получила ли сухие растения¹? Мне жаль тебя, что не прекращаются заботы, безпокой-

Старший правнук
П.А.Флоренского Вася
около «тех «волков»».
Загорск. 1971 г.
Фото П.В.Флоренского

ства и трудности. Доволен ли по крайней мере своею жизнью Васюшка? Из письма Тики видно, что почерк ее крепнет, ошибок она делает мало и толково ставит знаки препинания. Я даже сперва не понял, чье это письмо, настолько оно лучше прежних. Не понимаю, почему ты считаешь ее неспособной* писать диктанты. Во всяком случае она скоро выровняется.

Тебе вероятно интересно услышать кое-что о флоре Австралии. В Сиднее – великолепный ботан. сад. Там собраны растения всей земли, растут даже наши березки. Стоят огромные магнолии в цвету. Филодендроны обвивают деревья, и ствол филодендронов поперечником ок. 16 см, а с него свисают длинные воздушные корни. Много пробковых дубов. В Австралии разводят сахарный тростник, и сахар – одна из главных статей хозяй-

ства (наряду с овцеводством). Да, забыл сказать, что в Сиднее очень много колибри; они так малы, что при полете почти не видны, а когда парят, то крылышки кажутся слюдяными, птичка же переливает («сверкает») всеми цветами. Главная ботаническая достопримечательность Австралии – эвкалипты*, самые высокие из существующих на земле деревьев. Однако, они так высоки (если не ошибаюсь², до $\frac{1}{4}$ км), что высота уже не чувствуется на глаз. Листья их располагаются не параллельно поверхности земли, а перпендик. к ней. Поэтому в эвкалиптовых* лесах тень дают только стволы. Под деревьями голо, травы нет, и леса кажутся мертвыми. Древесина эвкалиптов* очень тверда, в нее с трудом вбиваются гвозди, и потому австралийцы не любят пускать ее на внутреннюю отделку жилья и обшивают стены досками из более мягкой новозеландской сосны.

На австралийских домах снаружи принято развешивать проволочные корзинки, в которых растут орхидеи, так что улицы – в цветах причудливой формы и всевозможных тонов.

Помнишь, мне хотелось жить в старинном здании, сложенном из камней, так чтобы была видна каменная кладка? Когда

хожу в уборную, то вспоминаю об этом. Она примыкает к древней стене, сложенной из валунов поперечником метра в полтора, конечно необтесанных³. Эти валуны гораздо больше тех «волков», которые лежат на углу нашего переулка в Загорске. Таково исполнение желаний!

ХП.11. Чуть не забыл написать о получении посылки из Вологды – с папиросами; поблагодари С.А. за память и внимание. Последнее время я весьма занят экспериментальной работой технологического характера; водоросли и сфагнум сами по себе и в сочетании между собою служат предметом работ, причем их приходится вести в довольно значительном размере, т.е. по количеству перерабатываемых масс. Поступают свежие, только что выброшенные штормами водоросли: *Laminaria digitata* (т.е. «пальчатая», т.к. «лист» ее похож на руку со многими пальцами), *Laminaria saccharina* (т.е. «сахарная», т.к. она сладка от маннита), *Anpheltia** (агароносная водоросль, похожая на

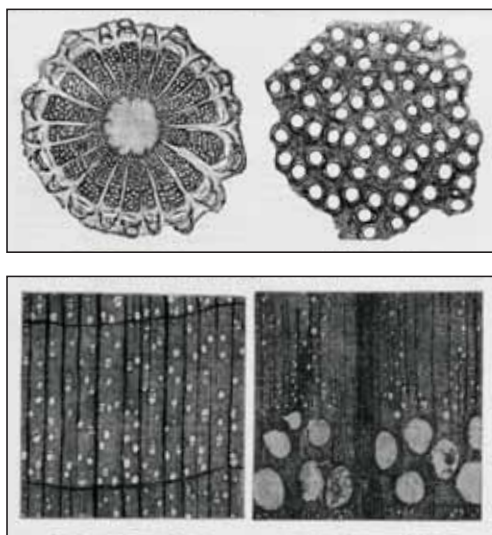
Стена из валунов.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

жесткую бороду) и др. отчасти. В водорослях попадаются раковины и камни, к которым прирастают* водоросли. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, живи веселее и бодрее. Кланяйся бабушке, С.И., Ан.Ф.

Дорогая Тика, ты стала теперь хорошо писать, и почерк тверже, и ошибок меньше. Вижу, скоро совсем овладеешь письмом. Только старайся почаще и повнимательнее писать под диктант. Постоянно вспоминаю тебя и скучаю по тебе и по всем вам, особенно в выходные дни, когда работа менее напряженная, чем обычно. Недавно я беседовал с одним знакомым о персидских финиках. В Персии много сортов фиников, о которых нам не приходилось даже и слышать. Так например есть особый сорт, дающий светложелтые*, очень терпкие плоды, идущие как лекарство. Другой сорт финиковой пальмы дает плоды очень длинные, очень сладкие и чрезвычайно ароматные. Еще какой-то сорт фиников растирается с поджаренною пшеничною мукою и, кажется, маслом. Это кушанье готовится впрок, гл. обр. для путешествий и заменяет хлеб и прочую еду. Цветы финиковой пальмы очень хорошо и сильно пахнут. Их называют кашкилу́. Вода, перегнанная на этих цветах, называется арах-кашкилу́ и широко применяется в Персии, кажется как туалетное, а м.б. и пищевое, средство. Крепко целую свою дорогую дочку. Пиши.

Дорогой Олень, относительно питомника на блоке конечно трудно сказать, как он устроится. Но если бы он оказался сносным, то поработать в нем было бы не худо, и не только по причине твоего здоровья, но и по существу дела, т.к. заниматься ботаникой есть смысл только запасшись впечатлениями и знаниями из природы, а не опираться на словесное знание, которое (и особенно в этой области) без живых впечатлений бесплодно и скучно. Скажу более: если бы тебе впоследствии и не хотелось бы заниматься растениями, то все же пройти через стадию близости к ним полезно и даст тебе питание души для других видов деятельности. Для меня лично даже в физико-матем. науках, наиболее далеких от ботаники, мой ничтожный опыт в ботанике всегда был важным подспорьем и стимулом. Строение растительных тканей дает безчисленные темы для

Ф.Хэмент.
Применение
микрофотографии
для изучения
строения древесины.
Рис. из журнала
«La Nature». 1890.
№ 887. Р. 409

размышления и для подражания. Химический состав не менее интересен. Все живое, чтобы существовать, должно прежде всего изолировать себя от среды, т.е. окружить пространство своего тела оболочкой, которая непроницаема для всех сторонних воздействий, поскольку они не соответствуют целеустремленности данного организма. Наиболее стойки из различных классов органических соединений эстеры, т.е. сложные эфиры; это – солеобразные тела из веществ спиртовой функции (несколько напоминающих основания) с веществами кислотной функции, напр. из спиртов (или альдегидов) и кислот (или фенолов). Характерными представителями эстеров можно считать воски. Посмотри: растения и животные, начиная от человека и кончая насекомыми, а из растений даже бактерии (м.б. не все?) обладают восковой оболочкой-пленкой. Под нею у растений пробковый слой, весьма распространенный, о чем однако не все знают (напр. на картофельных клубнях, где он дов. толстый). Но пробка есть вещество химически близкое к воску (попробуй жечь пробку, и ты убедишься в том по запаху). У насекомых, ракообразных и некоторых растений (напр. грибов) имеется оболочка хитиновая, представляющая род эстера или эстероподобного тела. У организмов животных более высокого порядка оболочка из тел роговой природы (наш эпидермис есть рог), опять таки* эстероподобной природы. Эти оболочки непроницаемы для воды, газов, электролитов, электрических токов, в значительной мере для теплового обмена: они в широком смысле изоляторы. В частности, они непроницаемы и для биологических воздействий. Сквозь них не проходят ультрафиолетовые лучи. Можно догадываться, что эти оболочки непроницаемы и для биологических лучей (митогенетических), хотя доказать этого я не мог бы. Целую тебя, дорогой Олень, слушайся маму и заботься о своем здоровье.

Дорогой Мик, ты знаешь конечно, что если ехать вокруг Земли все время на восток, то появляется один день лишний,

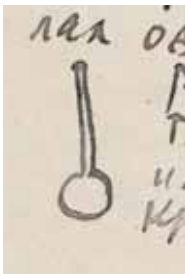
а если на запад, то одного дня не хватает. Поэтому, при кругосветных плаваниях, чтобы вернуться на родину со счетом дней, совпадающим с местным, на судне вставляют один лишний день или же, наоборот, выпускают один день. Как это делается, рассказал* мне один знакомый, служивший матросом. Однажды, это было в четверг, капитан судна вызвал весь экипаж на палубу и объявил: «По случаю прохождения через такой-то меридиан, объявляю, что завтра у нас будет тоже четверг. Занести в журнал и объявить команде». Через неск. минут рапортуют капитану об исполнении приказа. На другой день был снова четверг.

Что еще узнал интересного для тебя. А вот. Едет один знакомый в автомобиле с одной дамой, в Америке. Видит с изумлением на дороге огромные кучи, недоумевает, хочется ему остановиться, но очень неловко, поэтому только замедляет ход. Кучи еще и еще. Дама тайком тоже смотрит на них и тоже стесняется сказать о них. Проехали дов. далеко – и встречают караван слонов, ок. 30 штук. У обоих неожиданно для них самих вырывается вздох облегчения: кучи – слоновьи следы. Еще что сообщить тебе? – В Австралии с ослов, убив их, сдирают шкуру, а тушу сушат на солнце, целиком. Там сухо, мясо не гниет, а делается твердым, как камень. Мясо это потом едят. Одна беда, в нем заводятся червячки, и к ним австралийцы так привыкли, что не обращают внимания на червяков. Когда же русские стали выражать протест, то местное население хотело их избить и относилось весьма враждебно.

Недавно здесь убили чистика и полярную сову. Из них сделали чучела, а глаза (покупных нет) делал один мой знакомый. Они делаются из тонких стеклянных трубок, на конце которых выдувается шарик (диаметр его подбирают в соответствии с размерами глаза птицы, но раза в 2–3 больше). Затем этот шарик заполняется варом или каким-ниб. черным веществом, а снаружи краскою наводится радужн. оболочка. Крепко целую тебя, дорогой Мик, будь здоров и береги себя.

Дорогой Кирилл, конечно, мне было бы приятно получить твою работу, если только есть свободный экземпляр. Недавно я узнал от очевидца, что в Австралии, кроме золота, серебра и каменного угля, добываются самоцветы – рубины, сапфиры и,

Рисунок
П.А.Флоренского
из письма
от 5–13 декабря 1935 г.
Архив семьи Флоренских

что меня особ. заинтересовало, ОПАЛЫ, из которых особенно ценны черные. Месторождение опалов находится в пустыне, где нет ни капли воды; возить ее приходится за 60 км, так что стоит вода безумных денег. Называется это месторождение не то Парамата, не то Анамата⁴. Добычей занимаются старатели. Выбирается место не ближе известн. расстояния* от другого старателя (расстояние* нормировано), бьется шурф в «стекловидном спекшемся слое», представляющем низкосортный опал, подстилаемый белой глиной. Благородные опалы располагаются по нижнему горизонту опаловой толщи и потому она должна быть пройдена насквозь, так что опалы берутся со стороны глины. Обычно опаловая толща – мощностью в 3–4 м, пройти ее трудно, и старатель, пройдя часть ее, нередко бросает начатый шурф, чтобы отыскать другое место, где мощность слоя меньше (она бывает в некоторых местах ок. 1,5 м). Зато, когда доберутся до нижнего горизонта, то часто бывают вознаграждены богатой добычей. Так, один поляк добыл за короткое время опалов на 30 000 долларов. Жизнь там очень дорога. Понятно, старатели заражены азартом; однако пьянство, картежная игра и пр. безобразия удерживаются в известных границах хорошо организованной полицией и строгими законами Австралии.

Не помню, тебе или Оле писал я о происхождении фамилий на Западе. А теперь – об именах на Востоке. Часто приходится встречаться с именами сложными, содержащими в своем составе Шах, Хан, Бег и т.д. Я давно заметил, что этого рода составные части ставятся иногда перед собственно именем, иногда же – после него, но не мог узнать, произвол ли это, или что-нибудь значит. Теперь узнал, по крайней мере в отношении Персии. Шах, Хан, Бег и т.д. перед именем есть просто имя и не указывает на соц. положение его носителя. Шах-Махмед, Хан-Али, Бег-Омар и т.д. может принадлежать кому угодно. Если же те же составные части поставлены после имени, то носитель такого имени есть сын человека с определенным соц. положением или сам обладает им. Шах – нечто вроде мелкого вассального владельца, хан – помещик, бег – дворянин (т.е. приблизительно так), задэ – судья, муфти – из духовенства высокого ранга и т.д. Иначе говоря, такие имена содержат нечто вроде титула, стоящего после имени. В клинописи это делалось

Студенты
Московского
геологоразведочного
института им. Серго
Орджоникидзе
Ф.В.Чухров,
П.О.Мамедов и
В.П.Флоренский.
1931 г. Архив
семьи Флоренских

иначе: перед именем ставился «детерминатив», т.е. знак, указывающий на должность, сан, чин и т.п., но при чтении не произносился; существовали детерминативы вещей различных категорий, явлений и т.д. Крепко целую тебя, дорогой. Не унывай. Без тебя я очень скучаю и постоянно думаю о тебе.

Рисунок
П.А.Флоренского
из письма
от 5–13 декабря
1935 г.
Архив семьи
Флоренских

Дорогой Васюшка, м.б. тебе пригодится придуманное мною решение одной физ.-мат. задачи, часто встречающейся. Некоторая величина y выражается в функции τ уравнением $y = p + q \cdot e^{-\alpha(\tau - \tau_0)}$, где p , q и α – параметры, а τ_0 – начало счета τ . Напр. y есть вес просушиваемой массы в момент τ , τ_0 – начало счета времени, p – вес, достигаемый через $\tau = \infty$ («равновесная влажность»), q – влагосодержание в начальн. момент τ_0 , α – коэффициент скорости сушки. Довести тело до равновесной влажности практически невозможно, и слишком затруднительно довести его хотя бы приблизительно до этого состояния. Как же определить т.н. свободную влажность, т.е. избыток влажности над равновесной (p)? Процесс сушки проходит четыре стадии: 1⁰ нагрев, 2⁰ постоянная скорость сушки, 3⁰ сушка при просыхающей поверхности, 4⁰ диффузионная стадия, характеризующаяся указан. уравнением. Эта-то стадия и длится оч. долго. Надо провести на нек. отрезке времени

сушку 4-й стадии (признаком этой стадии служит прямолинейность граф[ик]а явления, если на оси орд. нанести в логарифм. масштабе $y-p$, а на оси абсцисс – в простом масштабе τ). Общий же вид граф[ик]а таков (в простых коорд.), причем на оси абсц. – влагосодержание, на оси ординат – скорость сушки. Решить ур-ие $y = p + q e^{-\alpha(\tau-\tau_0)}$ относ. p , q и α , подбирая разные пары значений y и τ , дов. затруднительно. Но можно прибегнуть к искус. приему: взять 3 произвольных значения τ , а именно τ_1 , τ_2 и τ_3 на равных интервалах, так чтобы $\tau_3 - \tau_2 = \tau_2 - \tau_1$, и соответствующие им значения y_1 , y_2 и y_3 . Тогда, по подстановке этих пар в ур-ие, попарном вычитании ур-ий друг из друга и делении одной разности на другую получаем:

$$\frac{\ln(y_2 - p) - \ln(y_1 - p)}{\ln(y_3 - p) - \ln(y_1 - p)} = \frac{\tau_2 - \tau_1}{\tau_3 - \tau_1} = \frac{1}{2}.$$

Отсюда
$$\left(\frac{y_2 - p}{y_1 - p}\right)^2 = \frac{y_3 - p}{y_1 - p}$$

и, след.,
$$p = \frac{y_2 y_1 - y_2^2}{y_3 + y_1 - 2y_2}$$

Далее легко находится q и α .

Меня последнее время занимает теория сушки и диффузии и понемногу размышляю над нею. Тебе она м.б. полезна для понимания геолог. процессов.

Еще из родственной области. Как следить за процессом сушки и определять влажность крупнодисперсн. сред? Я нашел зависимость для торфа (и она, полагаю, имеет общее значение), а им. его электросопротивления ρ от влажности ω при температуре t . А именно $\rho = Ae^{\alpha t} \omega^\beta$. В частности, для шатурского торфа сопротивление R некоторого определенного объема выражается соотношением: $\lg R = -0,017465t - 5,1326 \lg \omega + 12,46703$. Вероятно эту формулу, но с другими коэффициентами, можно было бы применить для определения влажности горных пород.

Тебе м.б. полезно будет узнать американскую норму устройства flood-bed (флудбэд), т.е. кювета у водослива, устраиваемого во избежание размыва дна падающей водою: глубина флудбэда должна быть от $1/5$ до $1/7$ высоты падения воды; этот удар

такую толщю воды гасится. Геологу указанная норма важна для уяснения размывающего действия водопадов.

XII.13. Вчера я столкнулся с любопытным фактом. Нужно сказать, что на Соловках выветривание и выщелачивание горных пород идет медленно, как это можно наблюдать на валунах и могильных надгробиях. Вчера же мне показали гнейс, представляющий рыхлую, еле держащуюся массу толщиной ок. 25 см и рассыпающуюся* при малейшем сжатии между пальцев. Характерна разрыхленность ее насквозь, по всей толще. Спрашиваю: «Откуда?» – «Из бани». – «Так это, вероятно, из древней постройки?» – «Нет, поставлено в баню 3 месяца тому назад. На камень спускалась горячая вода». Т.о. действие горячей (и вероятно мыльной) воды за 3 месяца насквозь разрушило гнейс, который был выбран для бани как самая прочная из местных пород, тогда как в природе не наблюдается ничего подобного на протяжении многих веков. Крепко целую тебя, дорогой, будь спокойнее и веселее. Привет Наташе. Маме будет интересна книжка В.С.Грюнер, Агар, его применение и производство, 1931, 45 коп. Кн. маг. «Госторгиздата», Тверская, 24 или «Новая пл.», 10, Г, 29.

Конверт (195×132 мм) кустарный, грязно-розовый. Марки: 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – нрзб.; Загорск – 07.01.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская ул., д. 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 8 января 1936 г.»

Письмо на двойном листе (345×220 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

1. Письмо от 29 ноября – 1 декабря 1935 г. с вложенными в конверт засушенными растениями пришло в Загорск 27 декабря 1935 г.

2. По уточненным данным, высота эвкалипта достигает 100 м.

3. Из письма Р.Н.Литвинова: «Тут, где я живу сейчас, комната неплохая, но вход неприятный и совершенно убийственные “удобства”. Одна из стен коридора представляет из себя попросту стену монастыря, сложенную еще при Иване Грозном из громадных валунов. Это очень величественно. К этому величью приделана будка назначения совершенно не величественного, с тремя пустотами, сквозь которые проходит дыхание Белого моря и человеческих воспоминаний. Ночные экскурсии туда совсем неприятны» (24 января 1936 г.).

Северная стена корпуса, в котором жили заключенные, одновременно являлась и стеной монастыря, в которой до сих пор можно обнаружить следы описываемых «удобств» – отхожих чуланов-ретирад «прямого падения». На первом этаже корпуса располагался лагерный магазин. Ныне здесь находится братская трапезная монастыря.

4. В Австралии несколько месторождений опалов.

Вероятно, П.А.Флоренскому рассказывали о месторождении Андамука в коре выветривания древнейших метаморфических пород, находящемся на так называемом Австралийском щите, где располагается большая часть пустынь, а также множество рудников. Вследствие скудости осадков (менее 250 мм/год) и пологого рельефа во внутренних частях района очень мало рек, а те, которые существуют, не достигают моря. Опалы из месторождения Андамука – зеленые и голубые.

Единственное месторождение, где добывают черный опал, – Лайтинг-Ридж.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

5 декабря 1935 г.

Остров Соловки

Варенька, моя дорогая! Я получил за один прием две открытки и заказное письмо от конца октября и был очень рад. Письма приходят так редко и без них так пусто, что даже письма, пришедшие с таким опозданием, праздник, успокаивающий на несколько дней. Пиши мне, старуха! Это дает мне больше, чем что бы то ни было. Думаю, что мои предыдущие письма все-таки когда-нибудь дойдут и, вероятно, раньше этого. Поэтому повторяю их содержание в самом сжатом виде: за осень я получил 4 посылки, видимо, в полной целости и сохранности. Сахара, чая, жира, видимо, хватит на всю зиму. Теперь о себе. Я опять здоров и чувствую себя физически отлично. Условия жизни этой зимой несколько хуже, чем в прошлую зиму, но, вообще говоря, совсем не плохи, а в некоторых отношениях и много лучше, как, например, в отношении питания и де-нежном. Хуже только то, что жить приходится не в лесу, в велико-лепном доме, а в городских условиях – в комнате с дверью в коридор, в котором живут инженерно-технические молодые и пожилые люди, а за дверью коридора начинается область неопределенного мира, где живут люди неопределенного прошлого. Правда, что их почти не приходится видеть и встречать,

но без людей все же лучше. Вероятно, в некоторых моих прошлых письмах был налет меланхолии по поводу того, что мне пришлось переменить род работы и род начальства с более приятных на менее приятные. На этот раз этого не будет, так как неприятное начальство вывезено, а на его место поставлено приятное. Таким образом, перспективы зимы стали совсем другими. Одно время я почти пал духом, казалось, что работа с водорослями провалится, а теперь оказывается, что будут самые широкие возможности ее продолжать в масштабах уже полузаводских для того, чтобы весной проектировать, а летом и осенью строить уже большой завод. Так постепенно все тут у меня тут¹ налаживается. Появляется даже возможность устройства квартиры вне Кремля. Но я пока что не делаю шагов в этом направлении, ожидая выяснения обстановки. Так что жаловаться, как видишь, не на что.

Погода установилась, наконец, зимняя. Средняя температура ноября была +0,5°. Декабрь идет определенно ниже нуля. Снега очень мало, ровно столько, чтобы было очень скользко ходить на резиновой подметке. Море еще не замерзло, но нужно думать, что навигация на ближайшей неделе остановится, так что дополнительные письма придут с несомненным запозданием. Поэтому я немножко потянул с этим письмом, для того чтобы в него вписать как можно больше событий. Как видишь, события вроде как бы и есть и притом в местном масштабе приятные. Я говорю о смене непосредственного начальства. Был у меня риск самому стать начальством, но на ближайший отрезок времени он, к моему удовольствию, как будто отпал. Что я делаю? Все по-прежнему. Утром завтрак, путешествие на завод. Дела – всякого рода. То в лаборатории, то на производстве, то заседание. Около часу или двенадцати пью чай. К четырем это кончается, идем обедать в столовую ИТР. Дома чай и сон. Потом опять на завод, оканчиваются дневные дела. Иногда вместо завода на заседание. Я член БРИЗ и Лекционного бюро. Иногда производственное совещание или ячейка БРИЗ на предприятии. К одиннадцати домой. Чай с белым хлебом и еще чем-нибудь и разговоры, иногда книжка и опять спать. Закутаешься в одеяло и бормочешь – Варька, Варька! И думаешь о том, как ты необходима

¹ Повтор в тексте.

и как пусто без тебя. И о сыне. Но о тебе больше. Плохо мне без старухи. Но если наладится, то будет очень хорошо с ней. Никакой тени сомнения на этот счет нет. А в конце концов вероятность этого, конечно, есть. Когда и как, дело, конечно, темное. Беседовал я тут с одним юристом. Поскольку он сидит сам уже достаточно долго, то смотрит на дело вообще пессимистически, но говорит, что в старые времена можно было, конечно, выиграть вроде двухсот тысяч рублей, но для этого нужно было иметь билет. Просьба о пересмотре дела и является чем-то вроде билета. Большой торопливости тут не надо.

Недрит И.П.
Уголок в Кремле.
Грав. по дереву.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. III, лето 1927 г.

Вероятно, более благоприятное время будет около февраля. Конечно, ходят всякие слухи о том, что с такого-то времени будут такие и такие-то милости. Имеется три срока, около которых оживают разговоры: 1 мая, 7 ноября и январская сессия ВЦИК. Вот после нее я и думаю написать прошение, если ты не отсоветуешь. Большой надежды на него у меня нет, поэтому и особенной энергии в этом направлении тоже нет. В конце концов, я жду общего улучшения положения и соответственно с этим и нашего. С этой точки зрения гораздо сильнее на меня подействовало известие о ликвидации Торгсина¹, чем все циркулирующие слухи. Но достаточно о неопределенном будущем.

Сейчас я оставил письмо, с тем чтобы вступить в борьбу с мышью². Я услышал подозрительный шорох у себя под кроватью и обнаружил, что мышь атаковала мешочек с манной крупой, которую ты прислала в прошлом году. Она бы очень пригодилась в начале моей карьеры, когда я занимался охраной репы на огороде и получал очень мало хлеба и очень скудный обед и мечтал попасть на завод, где я технорукствую, хоть сторожем, с тем, чтобы продвинуться, ну, до сменного химика. Но она пришла уже в период изобилия, и я как-то не решался за нее приниматься. Мышь меня смутила. Я вынул все съестное из мешка и обнаружил 10 кг сахара (жиры хранятся отдельно в стенном шкафу) и мешки с крупой, макаронами и рисом. Я решил их убрать как-нибудь понадежнее. Но как – еще не знаю. Буду думать завтра. Достану фанерный ящик или уберу в шкафчик, где, к сожалению, очень мало места. Из жиров я очень оценил соленое масло и свиножир. Топленое масло у меня хранится еще летних запасов. Как видишь, я живу как будто недурно, так как запасов я почти не трачу, но разумно их сохраняю. Правда, в этом есть риск, что ими воспользуются урки, но нужды в значительных порциях добавочного питания нет. По вечерам я поэтому ужинаю с «жирами» + селедка. Чувствую себя всегда сытым. Хлеб остается... Как видишь, я впал в описание главным образом желудочных интересов, хотя, по правде сказать, об этом вообще думается мало. Приходишь, хлеб принесен, камера убрана, дальше ни о чем думать не приходится. Обед съедаешь в столовой, завтрак тоже. В ларек почти не хожу, только за махоркой и порцией сахара.

Таким образом, в отношении чрева все благополучно. К тому же в этом месяце начинаю получать по 600 гр. молока ежедневно и бесплатно. <...>

Ты спрашиваешь относительно «коллективного письма». Я написал его тебе и Любе, так как мой фонд писем был уже истрачен, а нужно было написать и тебе и ей. Полписьма было твоих, а половина Любина. Относительно книжки, о которой ты пишешь, я совершенно забыл, настолько, что никак не припомню, о чем даже она. Видимо, она уж не так мне и нужна. Книг иметь много и приятно, и в то же время очень тяжело. Поэтому, несмотря на то, что многие книги были бы очень полезны, я все-таки избегаю обременять тебя дальнейшими просьбами в этом направлении. К тому же конец навигации... Псылки, говорят, можно посылать будет и зимой не по авиапочте. Нужно только адресовать иначе: Кемь, 8-е отделение ББК. Аэропланы прошлую зиму летали так часто, что их вместо балласта догружают посылками. Это было к концу зимы. Но нужно добавить, что я хорошо устроен, так что выписывать с вашего материка нечего. Деньги у меня остаются, так что начинаю подумывать, не послать ли их тебе, хотя то, что в нашем островном масштабе вещь, то в вашем масштабе пустяки. Поэтому я и не посылаю, а проедаю на роскоши вроде коврижки или плюшки, так как хранить их тоже не стоит. Вот и все, о чем можно вспомнить для письма. Крепко целую тебя, дорогая девочка. Желая тебе всего лучшего. Если писем не будет, то знай, что это почта или что-нибудь другое. А я думаю о тебе постоянно с болью и в то же время и счастьем. Целуй сынишку. Скажи, что я его помню и когда-нибудь пришлю игрушку. Какую, пусть он придумает. Бабушке привет. Будем надеяться, что мы с ней увидимся. (Помнишь, что я просил узнать тебя у Ив. Ив. все, что можно узнать о манните.) Пиши мне, Варюшенька. Еще раз крепко тебя целую. Поздравляю с именинами, хотя боюсь, что опоздаю.

Роман

1. Торгсин – торговля с иностранцами. 5 июля 1931 г. согласно постановлению председателя Совнаркома В.М.Молотова в СССР открылась сеть специализированных торговых предприятий по обслуживанию иностранцев (сокращенно Торгсин), где за валюту, золото или драгоценности покупатель мог приобретать дефицитные товары.

В новых магазинчиках продавали все, начиная с шуб и валенок и кончая крупами и сахаром. Уже с осени 1931 г. Торгсины открыли двери и для простого населения, что вызвало огромный ажиотаж. Ведь там можно было купить то, что в другие магазины просто не завозили!

Торгсины же, в свою очередь, помогали молодому государству получать средства для нужд индустриализации. Поэтому, завершив главные стройки пятилетки, Сталин тут же приказал закрыть «буржуазные» Торгсины. Вместо них остались редкие валютные магазины, куда рядовых граждан уже не пускали.

С 1 октября 1935 г. была отменена карточная система, открылась свободная продажа продовольственных товаров, а несколько позже и товаров промышленных. А 1 февраля 1936 г. Торгсин был упразднен.

2. Внук П.А.Флоренского Павел Васильевич рассказывал: «Летом 1994 года во время полевых работ на Соловках, на о. Анзер, ложась спать, я стал находить у себя в спальном мешке... горох. Понял дня через 2–3: днем, когда мы уходили в маршрут, мышь воровала горох и прятала в мой мешок – ситуация, обратная той, о которой рассказывал Роман Николаевич».

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

8 декабря 1935 г.

№ 83 <...> Я рисковал жизнью ради Партии и Сов[етской] власти, но остался им верен до конца. И не от меня зависит, что все впустую. <...> Скоро твой день¹. Я его собираюсь провести несколько необычно. Построю всю свою работу так, чтобы мысленно быть возможно больше с вами, мои горячо любимые. А вечером угощу товарищей небольшой закусочной, какао с кексом, который берегу специально для этого. <...> Сохранилась еще надежда, что хоть и не скоро, но Партия разберется и

Загадка о льде.
Рис. А.Ф.Вангенгейма.
1935 г. Архив
Э.А.Вангенгейм

Рисунок
А.Ф.Вангенгейма.
Акварель. Архив
Э.А.Вангенгейм

ликвидирует бессмысленный кошмар. <...> Здесь я абсолютно одинок, со многими хорошие отношения, но близких людей нет, все же я оказываюсь белой вороной среди всех групп. Из-за болезни немного оторвался от лекций, но на днях приходится их возобновлять. Что касается материальных условий, то особенно жаловаться не могу. Последние месяцы получил уже очень высокий оклад – 20 р. в месяц, это по сравнению с прежним – 1 р. 35 к. – громадный шаг. <...>

1. Речь идет об именинах Варвары Ивановны, отмечавшихся 17 декабря.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

16–23 декабря 1935 г.

Соловки

1935.XII.16. Соловки. № 41. Дорогая Аннуля, получил XII.14 твое [письмо] от 1 дек. № 38 и XII.8 от XI.19 № 37, а вчера XII.15 телеграмму. Последнее письмо твое и телеграмма разстроили* меня. Пишу тебе теперь я 4 раза в месяц, аккуратно посылаю, но письма задерживаются или вовсе не доходят, скорее первое. Что же могу я сделать. А я не один в таком же положении. Пересылка почты отсюда сопряжена с разными осложнениями, и вероятно они ведут к задержкам. Сегодня целый день хожу

ушибленный: что мне делать с твоей телеграммой? Я советовался. Все говорят, что телеграмма будет итти* дольше письма и что посылать телеграмму не имеет смысла, лучше – письмо. Тебя сбивают с толку твои сковородинские впечатления и ты потому не можешь понять условий моей жизни. Зачем ты суетишься и беспокойна? Ты ведь знаешь, что пока я жив, я буду писать, если будет возможность. Если же ее не будет, то телеграммою не поможешь делу, только внесешь лишнее смущение и в себя и в меня. Но чтобы ты не беспокоилась, сообщаю тебе: я здоров, нужды ни в чем не испытываю, работаю в лаборатории над водорослями и сфагнумом, живу в сносных условиях, читаю лекции по математике, пишу всякие технические заметки, целый день, с утра до поздней ночи, занят – это необходимо и, кроме того, полезно, т.к. заглушает тоску. Читать почти не приходится, гл. обр. потому что нет времени, да и книг нужных мне, хотя книги вообще и журналы имеются в достаточном количестве. Ты пишешь, что наши растения хиреют. Надо бы посоветоваться с кем-нибудь о причинах их плохого роста; скорее всего это или перегруженность почвы какими-либо солями (в таком случае требуется промывка ее в течение 2–3 часов дождевой, снеговой или хотя бы кипяч. водой, хорошо бы теплой), или обогащение почвы недостающими солями. Во всяк. случае промывка всегда полезна, или безвредна. Относит. Мика повторяю: надо его заинтересовать и приохотить к работе. Тику надо ободрять и некот. время усиленно помогать ей, чтобы она приобрела уверенность в себе, а тогда и помощь станет вероятно ненужной. В связи с зимн. холодами и общим ослаблением организма обрати внимание, чтобы дети были осторожными с простудами и, главное, не разговаривали на морозе.

XII.19–20. Сегодня получил твое [письмо] от 9.XII, повторно занумерованное № 38. Опять то же огорчение: ты все еще не получаешь известий от меня и беспокоишься, но что мне делать. Ты в унылом и беспокойном состоянии, о детях пишешь неутешительно, и мне это очень горько. Знать ин. языки в наст. время совершенно необходимо, владеть муз. инструментом – большое утешение в жизни. Если бы я меньше любил вас, то был бы спокоен, но не могу найти спокойствия, тем более, что личных интересов у меня нет и все думы – только о вас.

Послал я немного денег тебе, но узнал вчера, что до сих пор они не отправлены. Внешне же я живу не плохо и во всяк случае гораздо лучше вашего. Вот на ближайших днях закончится навигация. Уже второй пароход еле пробивается сквозь скопления льдов около Кеми (льды выносятся реками) и причаливает не к пристани, а у ледяной кромки соловецкого берега, причем грузы выносятся на лед. Будет перерыв в сообщении, но зато, надеюсь, когда наладится авиопочта*, то доставка писем станет более правильной. Напиши мне, интересно ли вам получать в моих письмах пестрые сообщения по географии и быту дальних стран; или это кажется слишком внешним?

XII.22. Месяц тому назад (XII.23¹) я отправил тебе немного денег; но только вчера они пошли на почту¹. Что же удивляться, если задерживаются письма. А прежде чем отправить, около месяца я ждал разрешения на отправку.

XII.23. Узнал, что завтра ожидается последний пароход (если только ему не помешает бушующий последние дни и по-сейчас шторм). Вот, значит, мы отрезаны от материка. Холодов сильных нет, часто на границе таяния, но метет метель и

Соловки. Кремль.
Фото В.П.Стоярова.
2006 г.

I Описка, должно быть XII.23.

Книга В.С.Доктуровского
«Торфяные болота»

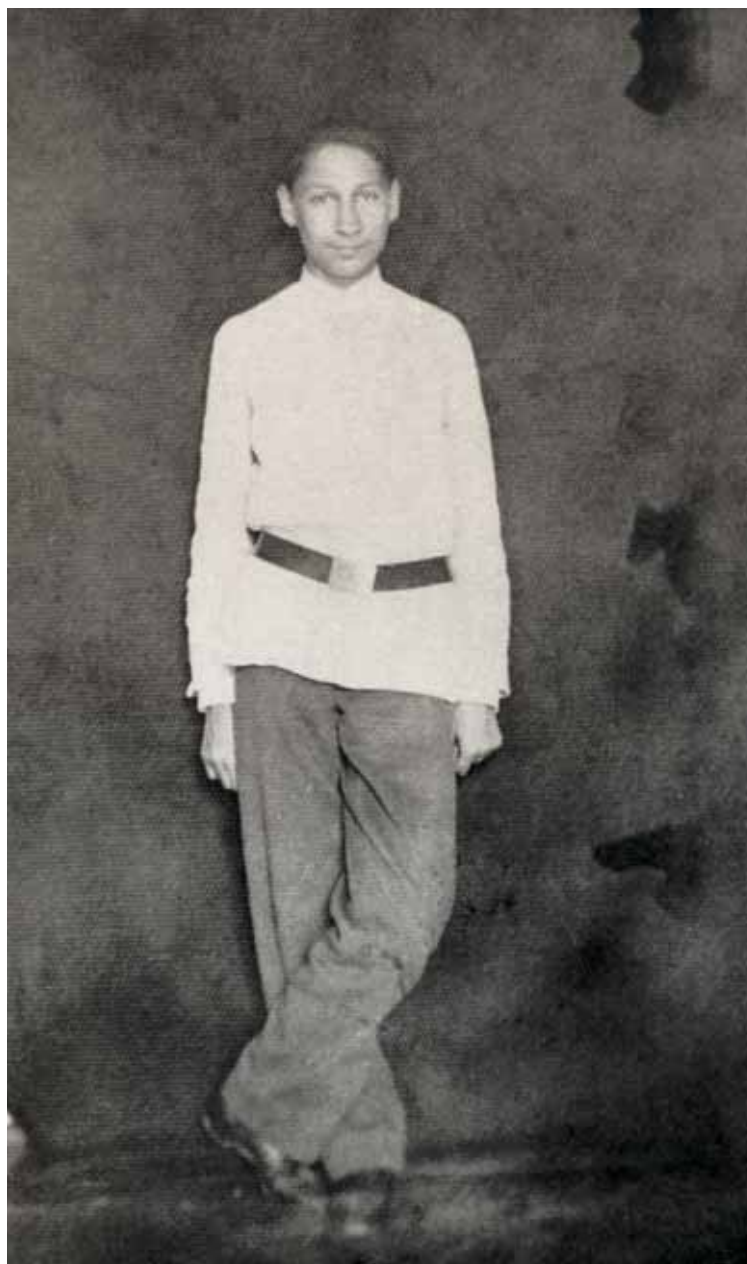
шумит ветер. Жутко в такую непогоду плыть по Белому морю! Свой переезд я до сих пор вспоминаю с содроганием: нас бросало головами от стены к стене, так что мы приехали в синяках и кровоподтеках, каюту на борту захлестывало холодной водой, в которой беспорядочно плавали чемоданы и высыпающиеся вещи, всех тошнило и рвало, а кругом было ослепительно темно и ревели волны. Крепко целую тебя, дорогая! Всегда вспоминаю о вас, особенно ночью, когда успокоятся шумы. Еще раз целую.

Дорогой Кирилл, меня очень огорчает, что ты в Москве без пристанища. Постарайся по крайней мере есть как следует. М.б. теперь В.И. что-ниб. устроил для тебя? В книге В.С.Доктуровского «Торфяные болота», М.–Л., 1935, содержащей много полезн. данных по торфу, я нашел (стр. 35, 36) указания на водоросль *Cladophora Sauteri* – растительные шары Заболотья (помнишь были у меня). Оказывается, они встречаются в нек. озерах Влад. губ., в оз. Ардине Нижегородск. г., в Глубоком оз. Моск. г. и кое-где в Зап. Европе. Меня эти шары очень интересуют в частности по связи с марганцевыми оолитами, думаю, последние того же происхождения. В моих бумагах имеются микроснимки шлифов этих оолитов,

Заметка в газете «Вперед»
от 4 ноября 1958 г., где
говорится о нахождении
студентом П.В.Флоренским
водоросли кладофора
в Торбеевском озере
под Загорском

Павел Флоренский –
гимназист. Тифлис. 1898 г.
Архив семьи Флоренских

а также анализ Заболотской кладофоры. На стр. 77 изложены данные по определению возраста сапропеля и сапроколля^{*2} по годичным микростонам.

Трудности твоей жизни отчасти напоминают мне мои собственные. Знаю, меня многие считают избалованным жизнью

1935. 12. 16. Соловьи, М.И. Дорогой Аннуш, получила XII. 17. 1935 от 1 дек. №38 и от 19. 12. 1935, а
 вчера XIII телеграмму. Последние письмо твоё и телеграмма разстроили меня. Пишу тебе те-
 перь в 4 раза в неделю, аккуратно посылая, но письма задерживаются или вовсе не возво-
 дят, скорее первое. Что же могу я сделать. А я не один в таком же положении. Переска-
 на почте отсюда сопряжена с разными осложнениями, и вероятно они будут и здесь. Жал-
 ко сегодня чинили дело хотя ушибленным: что мне делать с твоим телеграммой? Я советую тебе
 говорить, что телеграмма будет идти дольше письма и что послать телеграмму не имеет
 смысла, лучше — письмо. Ты же собираешься только тогда, скворцами и влетающими и ты по-
 му не можешь понять условия жизни чужих. Зачем ты существуешь и несли койка? Ты же
 знаешь, что пока я жив, я буду писать, если будет возможность. Если же её не будет, то ты
 конечно не можешь знать, только в последние дни жизни существование и в себя и в меня. Но то-
 га ты не бездумно собираю тебе: с жаром, нутром и в том же состоянии, радостно в ла-
 дырки как воровали и сражались, я живу в сложных условиях, твоего письма и ко ма-
 тиничко, лично Авдеев техницист замечки, чуждым делом с утра во избежание
 разлуки — это необходимо и, кроме того, полноту, так заглушает тоску. Устаёт почти на
 протяжении, гл. обр. потому что нет времени, в а как и не могу, хотя книги востан-
 и турном и несут в достояние колхозов. Ты пишешь, что наши растения хиреют. Надо же
 отбавлять с кем-нибудь о причинах и плохого роста; скорее всего это и не переизбыток воды
 или же что-то другое. В таком случае требуется проверка, в течение 2-3 часов дождя, снег
 или что-то другое. Водой, хорошо отенной, или обогащённой по мере необходимости солими. Во
 всяк случае проливка всегда полезна, или безвредна. Относительно Мича повторю, надо его закар-
 рировать и приохотить к работе. Такую надо обдирать и мыть. Вредно чуждым и не давать ей,
 чтобы она приобрела уверенность в себе, а тогда и помощь станет весьма не нужна.
 В связи с этим холодами и общим охлаждением диалекта обрати внимание, чтобы вы
 не были осторожны простудили и, главное, не разговаривали на морозе XII. 19. 35. Соловьи

Дорогой Кирилл, меня очень огорчает, что ты из Москвы без пристанища. Постарай-
 ся по крайней мере есть как следует. М. Д. Тенере В. И. что-нибудь устроила для
 а? В книге В. С. Докучаевского, "Торренте Сибиря", 2 изд., М. 1935, содержится много
 фотопл. данных по торфу, а также (стр. 15, 16) указания на воронку (Сидоркова-Санта-
 -растительного шара Заводова (коминхоз Дам у меня). Оказалось, они устро-
 ют в нем озера в виде шара, в оз. Дьячине Нижегородской, в Губинском оз. Моск. г.
 и Кос-го в Зап. Европе. Меня эти шары очень заинтересовали в частности по связи
 с манганом, а не оолитами, а также по поводу того же происхождения. В мо-
 их архивах имеются микрофотографии шаров этих болот, а также выданы са-
 болотный Кладовский. На стр. 17 изложены данные по исследованию болотца са-
 нитаров и сепараторов по гонимым микроорганизмам. Трудности твоей жизни отчасти помо-
 гают мне мои собственные. Знаю, много людей считают изобретением жизнью "сво-
 достоянием" человека. Но это глубокое заблуждение, и в действительности это и принадле-

Дорогой Мик, у нас тут сейчас от удобных вещей нет электры, лампы, и мало и ко-
 роче, если бы ты сейчас там же не был, то бы ты был бы в восторге. Кстати он и в восторге от меня.
 А вот же представляется пирамидальная воронка, отов которой кажутся из тех же коры-
 на, с зрени затеваются вощанкой. Подобенвается эта воронка по карточке к фото-
 лам. Иногда вымываются треугольные, а иногда — четырехуголь-
 ные. Размеры: сторона основания 22,5 см, боковая ребро 21,5 см.
 Основание прикована к стенке в виде насадки. Итого можно сказать —
 ее делают из легкой резины в 2-миллиметровой стале. Иногда же делают
 из прозрачного стекла, но в этом случае, при не угорании
 вальсует. — Я очень интересное сведение об ослах, как мне ска-
 зал, по м. ф. Это не они, а шарики в с. Рубини Подтавского и в с.
 Машинка Харьковской г. наблюдал один энтомолог, сев эти шары "строили извезда из ме-
 талла, вкраиваясь окрасочными оловом лист и свёртывая его в твёрдую массу —

Фрагмент письма П.А.Флоренского от 16–23 декабря 1935 г.
 Архив семьи Флоренских

и легко достигающим успеха. Но это глубокая ошибка, м.б. объясняющаяся тем, что я привык не жаловаться на судьбу. Все то, что другие получали легко, мне давалось с усилием, или вовсе не давалось. В общем, сравнивая себя с любым из своих знакомых, я вижу, что не получил в жизни и малой доли полученного каждым из них. А имеющееся добыто усилием, работой над собою, упорным размышлением и трудом. Даже книги, буквально плывущие в руки другим, до меня или не доходили, или доходили поздно. Из себя я извлекал идеи, которые потом находил в книгах или слышал от других; но мои идеи давали плоды, а у других они оставались внешним придатком. М.б. трудность получения и была условием органического усвоения. В упорстве мысли и в непрестанном труде вижу я свое преимущество пред другими, а не в способностях, которых у меня м.б. меньше, чем у многих других. Этот путь тяжел и утомителен, но внутренне он плодотворнее, чем легкий успех и внешнее быстрое усвоение. И если бы мне было дано начинать жизнь заново, с детства, я вероятно шел бы тем же путем, который уже пройден. Я делал ошибки. Но в основном совесть моя спокойна. Крепко целую тебя, дорогой. Пиши и будь бодр.

Дорогой Мик, у нас тут делают оч. удобные абажуры к электрич. лампам, и было бы хорошо, если бы ты сделал такие же мамочке, кстати вы бы вспомнили меня. Абажур представляет пирамидальную воронку, остов которой клеится из тонк. картона, а грани затягиваются вошчанкой. Подвешивается эта воронка на ниточках к крючкам, вделанным в круг из белого картона, в свой черед подвешенный на ниточках к опра- ве лампы. Иногда пирамиды делаются трехгранные, а иногда – четырехгранные. Размеры: сторона основания 22,5 см, боковое ребро 22,5 см. Основание приходится неск. выше накальн. нити. Иногда на кальке делают легкий рисунок в японск. стиле. Можно наклеить полупрозрачных сухих растений, но не много, чтобы не загоразживали свет.

Я узнал интересное сведение об осах, как мне сказали, но м.б. это не осы, а шмели. В с. Рыбцы Полтавск. г. и в с. Малиновка Харьковской г. наблюдал один знакомый, как эти «осы» строили гнезда из листьев, выкраивая определенным образом лист и свертывая его в трубочку-капсюлю*. В эту капсулю* кладется

Слева направо сидят
в первом ряду:
Андрей, Раиса, Ольга
и Елизавета Флоренские;
во втором ряду:
Е.П.Мелик-Беглярова,
Юлия Александровна,
Александр Иванович
и Ольга Павловна
Флоренские
и Р.П.Тавризова; стоят:
Сергей Троицкий, Павел
и Александр Флоренские.
Боржом. Июль 1907 г.
Архив семьи Флоренских

яичко и затем она заполняется медом, розового цвета. Мальчишки собирают эти гнезда, вскрывают их и, выко[вы]рив* личинку, съедают мед. Забыл написать, что такие гнезда устраиваются в полостях тростника, которым кроют дома.

Узнал я еще об одном плоде, растущем в Южн. Персии; раньше мне не приходилось слышать о нем и мне неясно, как его охарактеризовать ботанически. Доставляет его особая пальма, по персидски* называемая АМБЕ. Плоды амбе по форме и величине напоминают огурец, очень сочны, приторно сладки и содержат длинную косточку. Чем занимаешься ты на Техн. Станции? Мне очень горько слышать, что ты забросил и нем. яз. и музыку. Хорошо знаю, как ты будешь жалеть об этом, когда будет уже поздно. Но видно такова моя судьба, что все полезное, что мне хочется устроить для других, никогда не доводится до конца, а мне только остается жалеть об употребленных усилиях. До сих пор я все не могу научиться формальному отношению к жизни: делать то, что считаешь должным, и не

расчитывать* на плоды. Крепко целую тебя, дорогой. Старайся не простужаться и слушайся мамочку.

Дорогой Васюшка, не получая от тебя писем я прихожу к выводу, что ты зарываешься с работой. Мне жаль, что это так, и не по одной причине. Прежде всего от этого страдает твоя работа. В том возрасте, в котором находишься ты, надо дать возможность выкристаллизоваться мыслям и не мешать этому процессу постоянным разбалтыванием их: надо каждый день иметь хотя бы небольшой отрезок времени для созерцания. Чего хотел бы я и жду от тебя? Латинская поговорка гласит: *Non multa, sed multum*, а по-русски можно было бы передать смысл: «Не многое, а большое». Мне хочется, чтобы ты не разменялся на многие мелочи, а сделал бы нечто цельное. Это не значит, что мелочей не нужно. Нет, в мелочах находит себя целое, но для этого мелочи должны быть организованы, должны направляться, определяться и собираться целым. «Целое – прежде своих частей» («прежде» – не в хронологическом, а в существенном смысле); оно порождает из себя и ради себя свои части, а не механически складывается ими, как случайными элементами и воздействиями. Ты должен найти себя самого, а для этого необходима тишина и, хотя бы временами, незасоренность сознания. Это во первых*. Во вторых*, тебе пора уже думать серьезно об организации своей жизни. Раз ты завел себе семью, то должен заботиться об ее благоустройстве, а оно прежде всего состоит во внутренней полноте и связанности. Нельзя, чтобы Наташа была предоставлена самой себе, из этого не получится ничего хорошего; наименее опасный исход – это тот, что она будет скучать, грустить, внутренне* чахнуть. Но гораздо легче может случиться, что из инстинкта самосохранения она будет стараться заполнить пустоту, и тогда семья распадется, если не юридически, то фактически. Поэтому тебе необходимо позаботиться о том, чтобы ты входил в ее внутреннюю жизнь, а она – в твои интересы и во всяком случае не оставалась одна. Третье – ты должен думать о маме и о братьях и сестрах. Говорю «должен» не в моральном смысле, о котором можешь догадываться и сам, а в смысле твоих собственных интересов, т.к. утратив живую связь с мамой, братьями и сестрами, ты потом уже не сумеешь ее

возабновиться¹ и останешься в пустоте. А во имя чего? – Во имя суетных мелочей, которые в сущности тебе не нужны, даже вредны для твоего развития, – т.е. во имя пассивности и нежелания вдумываться в возможные последствия своих поступков. Организуй же свою жизнь сознательно и целеустремленно, чтобы она определялась не случайными факторами, а замыслом, насколько это возможно. И наконец, ты должен подумать о своем здоровье – это простой расчет, ибо тебе предстоит жить и действовать, а для этого надо копить и беречь силы. Крепко целую тебя. Привет Наташе.

Дорогой Олень, от мамы узнал, что ты опять хвораешь. Пора бы, дорогая, кончать. Моих писем ты не получаешь, и я не знаю, что тебе интересно услышать от меня. Впечатлений у меня никаких общечеловеческих нет, все время уходит на технические изыскания. Вот, сегодня получил первый образчик агар-агара, особого желатинирующего вещества, из водоросли *Anpheltia plicata*^{*}, обрывок которой я послал вам в одном из писем. Сила агар-агара так велика, что уже 0,2%-ное содержание агара превращает воду или растворы различных веществ в студень («гель»). Стоимость этого вещества очень высокая, 250 рб. за 1 кг. Получается он вываркой, очень длительной, водоросли; получается примерно 0,2–0,4%-ный раствор, который отцеживают в горячем состоянии от остатков водоросли и замораживают. После оттаивания агарового льда выделяются хлопья агара, которые можно отделить процеживанием. Этот кисель содержит уже 5–6% агара. Его просушивают и получают агар в твердом виде. Забыл еще сказать, что агаровый раствор необходимо отбеливать, иначе агар получается вроде столярного клея.

Сегодня же получил первый образчик маннита из соловецких водорослей, а именно из *Laminaria Saccharina*. Пришлось самим придумать способ извлечения маннита: канитель с этим извлечением большая, но продукт этот

Книга
М.В.Волоцкого
«Хроника рода
Достоевского»

¹ Так в тексте. Вероятно, *возобновить*.

Горохов Г.С.
Загорск. 1930-е гг.
Собрание семьи
Флоренских

не историколитературная*, а генетическая (генетика – наука о наследственности) и психопатологическая, гл. обр. последняя, и этим книга испорчена. Но тем не менее, хотя и в кривом зеркале психопатолога, поучительно видеть историю рода, как целого. Как интересно было бы проработать подобную же тему, но с углубленным анализом. Обычно подобный замысел встречает препятствие в виде недостаточности сведений и чрезвычайной трудоемкости работы по сбору сведений, которые можно достать. Работа этого рода требует посещения архивов, обильной переписки с живыми свидетелями, разъездов и большого досуга. Крепко целую тебя, дорогой Олень, будь здорова и бодра. Еще раз целую.

Дорогая Тика, получил письмо от своей дорогой, милой дочки, которым она радуется своего папу. Ты почти научилась ставить знаки препинания и делаешь мало ошибок. Думаю, через месяц или два будешь писать совсем хорошо. Кланяйся Микиной Кате, чтобы она была здорова и бодра; я часто вспоминаю ее. Хорошо, что ты ложишься спать в 9 часов. Пишу тебе 3–4 раза в месяц и надеюсь, что хоть и с опозданием, но получишь мои письма. Разговариваешь ли ты с кем-нибудь по-немецки помимо уроков? Очень было бы полезно, если бы ты старалась говорить по-немецки как можно больше. Кланяйся Э.А.³ и поблагодари ее от меня за твое обучение. Отростут* ли к лету твои кошечки? Наступили самые короткие дни. Но я как-то не замечаю этого, тем более что весь день работа идет при электрическом освещении. И вообще, живя на Соловках, я как будто не живу: дни мелькают за днями, бушует за окнами ветер, не поймешь, осень ли это или зима, как не поймешь и летом лето ли это, или какое другое время года. Думаю только о вас, а занят только работой. Здесь все как-будто* не настоящее, а «нарочно». Боюсь только, что и вы живете не по настоящему* и не радуетесь жизни. Вот это-то меня и угнетает. Вспоминаю каждого из вас порознь и всех вместе и представляю находящимися передо мною. Но ничем не могу порадовать вас. Никто из вас мне не пишет, чем же болен дядя Шура и как здоровье Саши. Кланяйся бабушке и пожелай ей от меня здоровья. Поцелуй мамочку и скажи ей, чтобы она была веселее. Завела ли ты себе собачку, как хотела? Пора кончать письмо, уже 4-й час ночи, завтра его надо утром отправить. Крепко целую тебя, дорогая Тика, и еще раз крепко целую. Скажи Мике, что у абажуров остов можно сделать и не из картона, а из жести, спаивая жестяные полоски.

Конверт (162×115 мм) кустарный, зеленый, с пропагандистским текстом на обороте. Марка: 20 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 01.01.36; Загорск – 04.01.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московск. области. Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 2».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 2 января 1936 г.».

Письмо на двойном листе (347×218 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

Талон к почтовому переводу на 60 руб., отправленных П.А.Флоренским жене. Архив семьи Флоренских

1. 60 руб., о посылке которых П.А.Флоренский сообщил жене в письме от 19–24 ноября 1935 г., были отправлены 12 декабря и попали в Загорск еще до написания этого письма, 16 декабря 1935 г.

2. Озерно-болотный или лагунный ил в виде текучей (сапропель) или эластичной (сапроколь) массы, которая, высохнув, не размокает.

3. Э.А.Урм, немка, учившая Тику Флоренскую немецкому языку. В Сергиеве она жила как экономка в доме Хвостовых (известный резной дом в начале Пионерской улицы, который вывозили на Парижскую выставку в 1913 г. Сгорел весной 1991 г.).

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

16 декабря 1935 г.

О. Соловки

Дорогая Варенька. Сколько времени я не получал от тебя писем, даже и написать трудно. Во всяком случае, очень много. Только случайно из разговора я узнал, что тебя видели в городе и что ты выглядишь очень хорошо. Это меня и обрадовало, и в то же время опечалило. Опечалило, потому что я как-то не представлял себе, что время движется и что все изменяется. Как-то представлялось, что ты все та же милая и несчастная девочка в макинтоше, которая провожала меня в долгую разлуку. А время идет и идет. И ты тоже меняешься. Это конечно неизбежно. И как ни верти, от этого не уйдешь, а мне очень

досадно, что я не с тобой. Поэтому я пригрустнул, хотя, по существу, самое приятное, что можно слышать о своей жене, это то, что у нее хороший и приятный же вид. Надеюсь, что настроение твое тоже в исправности, хотя особенных причин для этого и нет, но привычка в конце концов все сглаживает.

Мое состояние можно назвать приличным. Скучно без тебя отчаянно. Притом именно без тебя. Все остальное вспоминается только как скучный фон, совершенно, по существу, не нужный мне. Ну, еще Колька. А потом еще бабушка и Люба. Но о них я, в сущности, мало думаю. А без мысли о тебе, и очень яркой, не проходит ни одного часа. Дальнейшее развитие этой темы совершенно излишне, так как ты девочка (старая) очень понятливая (кроме стрижки) и верно понимаешь все, что я думаю и чем я живу. Это внутреннее. Наружное – это постоянное верчение по заводским делам, сидение на заседаниях, и так мало времени, что и делами, в сущности, заниматься некогда. Читать не успеваю, даже это письмо рассчитываю писать урывками. Расстановка времени такая: утром с отчаянием встаешь, потому что как будто еще не выспался, но нужно. Быстро идешь завтракать – сегодня была гречневая каша со следами масла и лапшеник с киселем. Потом на завод. Сначала в цех, смотришь, чего делают, потом на минуту в контору, потом в свой кабинет около лаборатории. Сядишься за дела. А спать еще хочется. Если на это время попадает заседание – я не могу удержаться – сосну, а если нет, то это пройдет и так. Обедать идешь с опозданием, потому что чего-то не доделал (обед сегодня – рассольник безпочечный, но вкусный, и тресковая котлета с картофельным пюре и огурцом). После обеда чай уже дома. Чай с булкой, а потом дрыханье. После дрыха кружка молока с парой сухарей горько[вско]-нижегородских и опять на завод. К 12 опять дома, чай с ужином, чесание языков и опять спать. Так проходят дни.

На дворе бывать приходится не много. Погода зимняя, но очень мягкая. Море уже затянулось льдом – тонко-зеленого цвета, а за ним полоса черной воды – море, которое вряд ли замерзнет за зиму. Утро начинается в полной темноте. Встаешь при электричестве, когда идешь на завтрак и идешь по двору, видишь, что все залито электричеством. Когда возвращаешься – закат почти закончен и на небе уже темнота. Сейчас самые

Закат.
Фото Г.В.Смирнова.
2009 г.

короткие дни. Вообще говоря, в этом есть даже что-то приятное. Пейзажи тут ни с чем не сравнимые. Правда, что без Ва и пейзаж не в пейзаж, но объективно тут очень оригинально и красиво. Завтра я собираюсь в большую экскурсию по морскому берегу, на наши командировки, где собирались водоросли и пережигались на золу. Я получил теперь право передвижения по острову. К сожалению, немножко несвоевременно. Море замерзло, грибов и ягод нет, но все-таки интересно. Нужно исчерпать весь остров до конца, а я с ним очень мало знаком. Да и для самочувствия хорошо. Слишком я тут засиделся. А тут километров 7 в одну сторону и столько же в другую по лесным и приморским путям. Здоровье и самочувствие у меня хорошие, потому что помещение и питание хорошие и организм как будто хороший. Таким образом, я должен сознаться, что как будто тут не хуже, чем на материке. Расчеты на материк в этом году нужно совершенно оставить. Видимо, что на том строительстве, на которое можно было рассчитывать, в этот сезон химического строительства не будет, а развернется оно толь-

ко с весны и лета будущего года. Тогда уже и можно будет рассчитывать на возможность перемещений. Очень хотелось бы быть в таком месте, чтобы иметь возможность повидать тебя и притом не на «общих основаниях», т.е. по 2 ч. в день в присутствии уполномоченного лица, которому, вероятно, смертельно скучно при таких свиданиях. Если попасть на стройку, то тогда возможно так называемое личное свидание. В Кемь приезжали и уезжали жены, жили по паре недель – и никаких скучающих свидетелей. На стройке это делается легко. Но, повторяю, больших надежд на это нет, а можно иметь маленькие. Очень жалко, что письма имеют такое медленное хождение. Сейчас будет перерыв... и на некоторый отрезок времени письма совсем не будут ходить, так что у меня впечатление, что я пишу «на склад». Но с открытием воздушного пути дело, несомненно, ускорится и я надеюсь, что и я начну получать письмишки – радость, которой я давно лишен.

Что мы сейчас делаем? Нужно сказать, что я вожусь с водорослями. Вчера¹ мы получили так называемый агар-агар из водоросли, которая носит имя анфельция пликата и в полусохшем виде на ощупь напоминает твои волосы. Из нее мы выварили вещество, которое прибавляется в мармелад для его застудне[ва]ния. Вообще я много вожусь с водорослями. В них приятен запах – морской и немножко тяжелый, и из них мы делаем всякие вещи – и клеи, и лаки, и проклеиваем бумагу, и делаем кальку и краски и т.д. Ставим производство, сначала небольшое, с тем что если пойдет удачно, то развернуть его до грандиозных масштабов. Если удастся, то будет создана совершенно новая промышленность, не удастся – будет ценный опыт, которым полезно будет поделиться. О наших работах за прошлый год мы написали несколько статей, которые должны быть напечатаны. Если их напечатают, то я постараюсь послать тебе экземпляр, если, конечно, это будет возможно. Новостей другого рода у меня нет, так что писать о них и не приходится. От Любы было как-то письмо, и о нем я тебе уже писал. Что делается у вас – я совершенно себе не представляю, а все-таки интересуюсь. Как растет Гад? Какие у него интересы? Не интересуется ли азбукой? Во всяком случае обрати внимание, чтобы он не портил глаз, так как в этом направлении у него скверная наследственность. И я сам, и мой отец, и мать –

все были близоруки. Да и ты тоже не без греха в этом направлении. Поэтому смотри, чтобы он не слишком нагибался к книге и не читал в сумерках. Как поживает бабушка <...> Про институт я уже не спрашиваю. По моей специальности, вероятно, пока что надлежащего лектора не смогли найти, так как эта специальность очень популярна тут². Жив ли старичок Гарри? Хорошая была собака. Тут у нас бегают черно-бурые лисицы вместо собак и поедают кошек. В этом отношении приятные зверьки, но страшные попрошайки. Выпрашивают у лагерников хлеб, но тут, на месте, его не едят, а зарывают по-собачьи в снег, носом и лапами. В нашем заводе была кошка, но ее не стало. Сидела все дома, но как-то пошла погулять, и за кошачьим следом шел лисий... Ну вот, кажется, и все, что можно вспомнить. Крепко целую тебя, любимая. Когда-нибудь, может, удастся сделать это и без помощи бумаги. Хоть и не верится в близость этого, но все-таки верится. Береги себя, ненаглядная девочка, помни, что я думаю о тебе постоянно, старайся не волноваться и не слишком утомляться. Смотри за сыном, шлепни его от меня, но ласково. Еще раз целую. Пиши.

Ром[ан]

1. Таким образом, первый советский агар-агар получен 15 или 16 декабря 1935 г.

2. См. комм. № 2 к письму П.А.Флоренского от 30 сентября – 3 октября 1935 г.

Островок
среди льда и снега.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой, сыну Николаю

20–23 декабря 1935 г.

О. Соловки

Милая и любимая! Вчера получил сразу 3 письма <...> Был очень обрадован тем, что Коля уже научился писать такие длинные слова, как «папа». Видимо, будет писателем, не знаю только в кого – и я и ты не очень любим это дело. Разве что в дедушку. Письма успокоили меня, и так как в нашей комнате все получили письма, то даже провели вечер по-праздничному. Натопили печь, откупорили консервную жестянку, один угощал шоколадными конфетами, пили крепкий чай, а перед этим сходили в баню, которая специально была оставлена после законного срока «для начальства». Сейчас все ушли – кто гулять, кто на заседания, а я остался один, с тем чтобы поболтать со своей старухой, хотя это письмо я думаю послать не раньше 24 числа, так что буду понемногу приписывать.

Сначала о свидании. Не знаю, насколько будет иметь смысл устраивать его, пока я в Соловках. Во-первых, оно происходит в очень тяжелой обстановке, во-вторых, по всей вероятности, будет стоить дорого в смысле нервов. Я уже писал тебе в прошлых письмах о том, как они обыкновенно происходят. Правда, мне бы очень хотелось видеть тебя – но как-то даже страшно думать о том, какими глазами мы увидим друг друга. Ты стала, наверно, очень старая, а я усеребрился (но я опять забыл, что ты не любишь шуток). Относительно хлопот о свидании... Опыт такой – все свидания получают и устраивают в Москве, а не тут, всегда по хлопотам жен. Нужно занимать очень высокий пост здесь и быть признанным чрезвычайно полезным, чтобы самому добиться свидания. Но хотя возможность этого в нашем случае не абсолютно исключена, но, нужно сказать, маловероятна. Поэтому я и думаю, что лучше всего для тебя исподволь нащупать почву в Москве и действовать без особой поспешности. Если нас увезут на «материк», то дело будет облегчено в сильной степени. Если не увезут – для устройства свидания нужно много времени. Как бы то ни было, пока что самое важное для меня – это письма от тебя. Мне, по правде сказать, несколько совестно писать тебе всегда одно и то же. Но письма ходят так медленно, что это искупает однообразие

сообщений. Посылки получены. Все, перечисленное в твоих списках в заказном письме, получено в полном количестве и полной сохранности, о чем я уже тебе писал в ряде писем. Относительно зимнего одяния, то я укомплектован вполне.

Зима тут куда мягче нижегородской. Уже конец декабря, а я сомневаюсь, падал ли термометр ниже 3° ниже нуля. Выпал снег в количестве, строго необходимом для санного пути, но не больше. На бывшем Святом озере лед и устроен каток, на котором конькобежцы выписывают причудливые вензеля. Москвичи говорят, что каток куда лучше московских. Я-то сам, конечно, не катаюсь, хотя в комнате нашей есть катуны и лишние коньки. Зато теперь я получил возможность очень далеких передвижений и притом по ранее запретному морскому берегу. Третьего дня я ходил на «командировку». Там у нас печи для пережога водорослей. Расстояние около 10 километров. Вышли – было еще темно – 10 часов утра. Вернулись – было уже темно – 5 часов вечера. Но день был отличный. Солнце поднималось в облаках – и встало в ослепительном блеске золотое и пурпурное – низко над горизонтом. Путь шел между валунами по лесу. Справа иногда выглядывало море. Деревья были все изувечены столетними морскими ветрами. Сосны скрученные, дряхлые, с изогнутыми ветвями и узловатыми стволами. Березы спутанные, напоминающие гигантский бурьян. Из-под снега выглядывают остатки зелени – брусничный и черничный лист. Прошли через замерзшее болото – Грязную Губу – поднялись на грядку, остаток ледникового периода. Это был мыс. С него открылось море – без конца, и над ним красное низкое солнце. Наша бухта – называемая на картах бухтой Благополучия [нрзб.] пароходы пробиваются с ужасным треском и воем – а тут не было ни кусочка льда. Море зелено-голубоватое – голубее, чем Черное. Вид необычайный. Таких нежных и неопределенных красок, как тут, нет, говорят, больше нигде. Пока я смотрел печи и постройку, солнце начало садиться в море. В общем, я никогда не видал таких картин. Хорошо было бы быть художником. Помнишь книжку – «Луна и серебряный грош»? Художнику нужно обязательно провести не меньше года на Соловках. К сожалению, я не художник¹. Но всякий раз я смертельно жаалею, что не могу каким-то чудом, на мгновенье, устроить так, чтобы ты видела моими глазами, или еще лучше перенести тебя

незаметно и с полным комфортом сюда – часа на два. И мы стояли бы с тобой и смотрели на море. Хотя, конечно, эти мечтания бессмысленны, потому что, конечно, я смотрел бы совсем не на море, а на тебя. Чувствую, что начинаю уклоняться от трезвой прозы, а поэтому возвращаюсь к действительности.

Работа на заводе при прежнем начальстве была почти равна нулю, а теперь приходится работать с полным размахом. Я никогда не любил начальственного состояния, но как будто дело идет ничего. Много возни и никогда не успеваешь сделать всего нужного, но главное все-таки понемногу делаешь. Как раз в проектное бюро должны прийти химические проекты. Но я уже приспособился на новом месте, и мне даже не хочется возвращаться в бюро. Но там видно будет. И тут неплохо, и там хорошо. Здоровье мое в состоянии исправном. Когда ходили на командировку – я не смог дожидаться спутников и пошел один вперед (на обратном пути я успел пообедать, попить чаю и отдохнуть, пока те пришли). Мне немного не хватает физических упражнений. С грустью вспоминаю прошлогоднее свое занятие дровами и дальние переходы. Ныне есть надежда на ходьбу, но насчет дров – сомнительно.

Теперь, пока помню, напишу, чтобы не забыть. Если не хочешь послать своей карточки – не посылай. Но в таком случае будь добра послать мне Танину. Есть человек², который вспоминает ее с удовольствием. И конечно, носит имя и мужа, и жильца. Он просил меня достать ее. С удовольствием исполняю его просьбу, так как он в прошлом году сразу помог мне в трудной соловецкой жизни. А теперь, к глубокому своему стыду, должен сознаться, что забыл начисто, какую именно я просил тебя прислать книгу. Из этого можно сделать вывод о том, что, видимо, мне книга не так уж и нужна. Я с ужасом вижу, что у меня накопилось столько книг, что я в случае какой-нибудь передвижки с места на место буду вынужден часть книг оставить на старом месте. Нехорошо иметь много имущества, почти так же плохо, как и слишком мало. Теперь, ты интересовалась моим вязаным джемпером. Он цел, но достаточно грязен. Не знаю, как бы его постирать. Пока что я его не ношу, так как погода стоит мягкая, вероятно, мягче, чем в Нижнем. Хожу я пока что так (начиная снизу): ботинки казенные на мощной резиновой подметке, носки собственные, портянки казенные,

белье казенное, брюки свои, чиненые, но ветхие, рубашка синяя своя, куртка кожаная, шарф собственный, фуражка тоже своя. В скользкую погоду в руках толстая рябиновая палка. В карманах: жестянка с табаком, трубка, ножик, нос[овой] платок – все из дому. Спички и блокнот (здешние), деньги, тоже здешние. Вот и все мое оборудование. Сапоги я отдал в основательную починку, но никак нельзя достать колодки 42 ном[ера]. Но с этим пока можно не торопиться; через пару недель можно будет въехать в валенки месяца на три, а там, если положение опять не изменится, можно будет близкие путешествия совершать в своих сапогах, а в дальние и на морской берег надевать казенные, рыбацкого типа. Они гораздо выше колена и рассчитываются на то, что в них можно входить в воду, не промокая ногу. Пока они новые – расчеты оправдываются. Борода моя удлиняется и, что самое странное, % седых волос в ней скорее уменьшился, чем увеличился. На днях был в гостях у земляка. Он пек блины, но так как по случаю Колькиных именин в этот день я сам варил (в первый раз на острове) манную кашу на молоке, которого накопилось три литра, и с сушеными фруктами (приятеля-сожителя-философа) и так налопался, что даже блинов есть не мог. Лицо у земляка положительно розовое, сам он толстый и цветущий. Нижегородцам, видно, Соловки на пользу. Но черт с ней, с пользой! Лучше было бы опять увидеть тощего нижегородского черта, которого ты иногда видишь в зеркало... Сегодня (22.XII) я вспоминал тебя, во время послеобеденного отдыха, так жадно, что у меня начало биться сердце с ощущением физической боли. Очень скучно без тебя... Но так как ты это знаешь и без письма, то на этом месте я перехожу к другим темам.

Вчера вечером я не мог вписать ни одного слова в письмо к тебе, так как только я разложился с ним – постучался и вошел приятного вида юноша, работающий в проектно бюро. В сущности, он чертежник, и притом посредственный, но очень талантливый художник. Он сказал, что зашел почитать свои стихи. Я отнесся с некоторым недоверием, но оказалось, что недоверие было лишним. Стихи были действительно хороши, так хороши, что я с большим удовольствием слушал их, закрыв глаза. Жалко, что он развивается в таких трудных условиях, хотя можно быть уверенным, что он настолько крупного калибра,

Башни в снегу.
Фото Г.В.Смирнова.
2006 г.

что может быть наоборот – здешние условия пойдут ему на пользу. А после его ухода двое наших заснули, а я с главн[ым] приятелем, загасив свет, дискуссировали о поэзии вообще, а утром почти что¹ не проспали завтрака. Но и другие тоже чуть не проспали. Вообще, спится тут хорошо, а все-таки и днем иной раз хочется вздремнуть, особенно во время заседаний. Заседаний тут много. Бывают дни, когда бывает

по три собрания и заседания. Если существует загробное наказание, то я представляю себе его в виде непрерывного заседания, на котором нужно вечно сидеть и бороться с дремотой. Очень рад, что ты ведешь общественную работу. Сам я тоже несу большую нагрузку, о которой рассказывать не так интересно. Завтра напишу пару слов Коле.

А ночью был сильный шторм. Не знаю, что делалось на море, но в окно несло тучи снега и совсем забросало его. Хорошо, что пару дней тому назад мы заткнули паклей все щели в нем. И то как будто кто-то дышал холодом в комнату. Утром вся близкая дорога была переметена сугробами. Но ветра не было. К сегодняшней ночи опять начал разыгрываться ветер и опять холод нет-нет, а дохнёт от окна. День прошел в отчаянной суетне и разговорах о всяких новых установках, которые нужно строить, но с минимальными расходами. Вечером – производственное совещание. Мой доклад о графике работ. Совещание затянулось почти до полночи. Теперь попили чаю, съели по селедке, по куску белого хлеба и два ломтика черного со свинсалом. А сейчас доканчиваю тебе письмо под разговоры о происхождении слов и имен. А за ужином почему-то вспомнил Гарри, и какой он был очаровательный в молодости, в особенности свежесмытый. А заодно вспомнил о других псах и псицах и о сыне.

Пишу ему:

Милый Коля. Спасибо за письмо. Ты очень хорошо написал. Пиши еще.

Папа

¹ Так в тексте. Вероятно, *едва*.

Пускай пишет еще. Я с письмами совсем запарился. Это письмо я пишу четвертый день и кончить кончу, но Любе письмо, которое я ей зарезервировал, придется писать самым спешным образом завтра – потому что завтра самый последний срок. За последние дни письма стали поступать аккуратнее, так что тебе есть полный смысл писать совсем часто. Я уже писал тебе, что мне вполне достаточно открытка, хотя приятно и письмо. В конце концов, я очень хорошо понимаю, что ты очень занята и устаешь и писать тебе некогда. Крепко целую тебя, моя милая писательница! Целуй сына и бабушку. Как здоровье бабушки <...> Передай мой привет. <...> Какие новости в нашем доме? Не уехал ли кто-нибудь еще? <...> Хотя, в сущности говоря, я заинтересован глубоко только одним человеком – тобой. А почему – не знаю и объяснить не берусь. Загадка природы. Как-то удачно вышло – а теперь неудачно, потому что без тебя – пусто и нехорошо, что-то вроде хронического голода. Еще раз целую любимую девочку.

Р[оман]

1. Герой романа Сомерсета Моэма «Луна и грош» (1919) Стрикленд страстно хочет стать художником. Им словно бы владеет могучая, непреодолимая сила, которой невозможно противостоять.

2. Р.Н.Литвинов говорит о Н.Я.Брянцеве.

П.А.Флоренский – О.П.Флоренской, сыну Кириллу, Наталье

24–25 декабря 1935 г.

Соловки

1935.ХІІ.24. Соловки. № 42. Дорогая мамочка, повидимому* и ты не получаешь моих писем, хотя аккуратно каждый месяц и пишу тебе. Анна в Москве не бывает, тебя давно не видела, так что сведения о тебе доходят до меня как слухи через неск. промежуточных звеньев. Напиши хотя бы о состоянии своего здоровья и о своей жизни. Анна пишет, что Шура болен, но я не знаю, чем и насколько серьезно. Ничего не знаю ни о Люсе, ни о Лиле и ее семье, ни об Андрее. Как Саша? Сообщи также, как зовут его второго сына¹. Напечатала ли Люся свою работу? Бываю ли у тебя Вася и Кира? О себе я писал и как-то

Саша Флоренский.
Ленинград. 1930-е гг.
Архив семьи Флоренских

не хочется повторяться; надеюсь, что все же получишь когда-нибудь мои письма, хотя и с большим опозданием. Да и писать мне не о чем: целый день проходит в работе, так что за письмо принимаюсь в 1–2 часа ночи. Работаю в лаборатории на новом месте, возжусь с водорослями и различными водорослевыми продуктами, со сфагновым мхом, читаю лекции по математике, теперь двум группам инженеров, одной второй год, пишу статьи – побольше и поменьше для стенных газет и м.б. для центрального печатного органа, делаю заявки на различные применения водорослевых продуктов, участвую в безчисленных совещаниях² по организации производства и исследований, изредка понемногу пишу стихи, занят письмами и почти ничего не читаю – таково содержание моей жизни, идущей как часы по заведенному порядку изо дня в день. Природы не вижу и потому сохну, впечатлений нет. Тут можно было бы

иногда слушать музыку; но на это нет времени, подбор произведений мне не привлекателен, а главное – нет для слушания надлежащего душевного настроения. Вечером, за чаем, т.е. от 12 до 1 ч. ночи иногда слушаю рассказы* своих сожителей по камере о виденном ими в разных частях нашей страны или за границей, причем меня интересуют по преимуществу рассказы* о далеких или экзотических краях. Иногда узнаю новые для себя штрихи быта и общественного устройства, но привлекают главным образом сведения естественно-научные. Недавно напр. по части американской жизни узнал, что Смит, сахарный король САСШ, – предводитель мормонов и по чину должен иметь 250 жен, приличествующих его высокому рангу. Узнал еще, что мормоны по преимуществу – из ирландской иммиграции в Америку. В САСШ много русских сектантов, которые удивительно цепко сохраняют российский облик и обычаи и не ассимилируются с американским населением, даже еле-еле научаются английскому языку, несмотря на многолетнее пребывание в Америке. В некоторых местностях

духоборы и молокане ходят например в жилетах, надетых поверх выпущенной рубашки. Это считается в Америке не только странным, но и неприличным, так что издавались специальные полицейские запреты против такого костюма. И тем не менее духоборы и молокане продолжают ходить по-своему, но во избежание штрафа, при виде полицейского, заправляют рубаху внутрь, с тем чтобы по миновании опасности снова вытащить ее. Держатся они своей компанией, говорят исклю-

Юлия
Александровна
Флоренская.
Москва. 1905 г.
Архив семьи
Флоренских

чительно по-русски и даже на заводах лишь слегка усваивают английский язык. Если бы было другое настроение, то по любой стране и из любой области можно было бы набраться всевозможных интересных сведений, услышать истории патетические и комические. Но мне не до того, и разговоры меня душевно утомляют, так что я скорее стараюсь не слушать и того, чего нельзя не слышать, а услышав – сейчас же забываю: все выталкивается из сознания. Единственное, к чему прислушиваюсь – это рассказы* о зверях и растениях, для детей, т.к. им это может быть интересно. Вся природа и обстановка располагает здесь скорее к унылому и грустному состоянию души, к отрешенности от жизненных интересов и к чувству призрачности, хотя я вообще говоря и не склонен к таковому. Если же выпадает минута сравнительно не занятая внешними делами и суетою, то погружаешься в воспоминания, главным образом – в образы далекого прошлого, которые встают ярко и близко, словно были соответственные впечатления несколько дней назад. Если будет у тебя Вася, передай пожалуйста ему письма Кире и Наташе. Целую Люсю и Шуру. Передай мой привет Андрею и его семье и Лиле с потомством. Нет ли у нее правнучки? Крепко целую тебя, дорогая мамочка, постоянно вспоминаю. Письмо надо кончать, очень поздно, завтра много дел и лекция, а уже на исходе 4-й час ночи. Не забудь приветствовать от меня Соню тетю и ее сына.

1935.XII.24–25. Соловки. Дорогая Наташа, несмотря на выраженное Вами намерение иногда писать мне, не вижу выполнения его. Напрасно Вы берете в этом отношении уроки у Васи. От Вас я мог бы узнать не только о Вас лично, но и о Васе и о Вашей совместной жизни. Это по многим причинам важно, в частности же и потому, что здесь я не живу какими-либо личными впечатлениями и интересами, а витаю мыслями около вас всех, своих детей, и болезненно чувствую свою отрешенность от вашей жизни. Время мое занято, как раз настолько, чтобы не давать возможности сосредоточиться, собраться в себе и жить более глубокими слоями, но и не настолько, чтобы эта постоянная занятость вытеснила из сознания и желания все, более глубокое. Набиваю желудок, не получая питания. От искусства я оторван, для углубленной философской или

научной мысли нет условий, и приходится возвращаться в иссушающих душу поверхностно-деловых мыслях и заботах, действительная необходимость которых отнюдь не ясна, т.е. которые необходимы и полезны условно, в данных обстоятельствах и в данный момент. Сейчас наш остров занесен снегом. Бушуют ветры, часто метет метелица, морозов почти нет. Небо всегда серое, хмурое, и лишь на горизонте иногда образуется щель, сквозь которую проглядывает чахлое солнце – не солнце, только призрак солнц, и не знаешь, то ли это восход, то ли полдень, то ли закат. Ведь солнце держится над горизонтом очень недолго и почти не подымается, лишь скользит по нему. Правда, бывают иногда хороши краски облаков, здесь чрезвычайно разнообразные и очень нежные. Но все же настоящего солнца не только зимою, но и летом не увидишь, так оно слабосильно и призрачно. Мои домашние пишут, что Вы похварываете. Что с Вами. Я рассчитывал*, что хоть Вы будете в бодрости и здоровье. Собирается ли Вася прислать мне фотоснимки? Повидимому* нет. Привет Вам, пишите и будьте здоровы.

П.Флоренский

1935.XII.24–25. Дорогой Кирилл, последние дни передо мною непрестанно встает долина Кончурки³ с ее заливными лугами, поросшими высокой травой, и ты, маленький, забравшийся в траву с головою и бегающий в ней с возгласом: «Я – травяное животное!». Помнишь ли, как это было, когда мы ходили по этой долине с мамочкой? А помнишь, как мы с тобой ходили по грибы. Мне живо вспоминается девственная заросль около Вифанского пруда, где пространство между мелкими болотцами-лугами, заваленное сгнившими стволами, было сплошь покрыто опятами. В эти места никто не приходил почему-то, и у меня от них было впечатление каких-то лесов по Амазонке. А помнишь как мы с тобой таскали тяжелые корзины с грибами и, чтобы облегчить путь по дороге, делили ее на участки – перегоны между станциями? Хоть и много я видел разных мест, но наиболее родными и дорогими представляются окрестности старого Посада, теперь уже изменившиеся почти до неузнаваемости. Когда же поселился в Посаде, они были совсем глухими, безмолвными и торжественными, отчасти жуткими. Можно было ходить, целыми днями не встречая

Вид Сергиева Посада с колокольни. На увеличенном фрагменте дом, который приобрели Флоренские. Открытка 1910-х гг.

ни одной души, и, казалось, всякий звук, всякое слово нарушает священную тишину лесов.

Давно я собираюсь написать тебе о необходимости готовить сводку данных по хронологии геологических образований, – выписывать все, что попадает на эту тему. В моих условиях это делать систематически невозможно, но я буду понемногу сообщать тебе, что встречу. Вот для начала кое что*: 1. Прирост торфа в залежи (т.е. уплотненного) в районе Киева 10 см в столетие (Бучанское болото). 2. То же в Австрии (Лайбахское болото) 7 см в столетие. 3. Начало торфообразования, т.е. общее увлажнение климата в районе Киева, т.е. исчезновение послеледниковых пустынь совпадает с началом неолита и относится к 5000–7000-ому году тому назад. 4. Конец неолита и начало бронзового века ок. 3000 л. тому назад (Украина) (см. «Торфяное дело», 1928, № 9, стр. 269–272, Курдюмов⁴). 5. Начало образования сапропелевой толщи в озерах Карелии – 6700-й год тому назад, а в Сакском озере 1620-й год. 6. Годовой прирост сапропеля 0,8–3–4 мм (Доктуровский⁵, Торф. болота, 2-е изд., 1935, стр. 77). Крепко целую тебя, дорогой.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный. Штемпели: Рабоче-Островск – 01.01.36; Москва – 04.01.36.

В октябре 1932 г. Павел Александрович с сыновьями пошел в лес. Василий взял с собой фотоаппарат и много фотографировал отца, братьев, природу. Это оказалась их последняя совместная прогулка. Фотографии были напечатаны только в 1964 г.

Слева:
вверху П.А.Флоренский,
внизу гриб зонтик.
Справа:
вверху Василий,
внизу Мик и Кирилл.
Архив семьи Флоренских

Адрес: «Москва, Плющиха, угол Долгого пер. и Новоконоюшенной, д. 12, кв. 7. Ольге Павловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Д. 2».

Письмо на двух листах (163×192 мм и 148×192 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

1. Речь идет о сыне Андрея Александровича Флоренского Леониде.

2. Очень образно высказался по этому поводу Р.Н.Литвинов: «Заседаний тут много. Бывают дни, когда бывает по три собрания и заседания. Если существует загробное наказание, то я представляю себе его в виде непрерывного заседания, на котором нужно вечно сидеть и бороться с дремотой» (20–23 декабря 1935 г.).

3. Кончурка (Кончура) – речка, протекает через Сергиев Посад. Недалеко от Лавры она подпружена и образует Келарские пруды. До ее широкой поймы, занятой лугом, от дома Флоренских можно было дойти за пять минут. Ниже речка снова подпружена и образует систему Вифанских прудов, названных так по одному из монастырей – Вифанскому. Дорога от дома Флоренских в Вифанию проходила по Вифанской улице, по холмам над левым берегом Кончуры.

Святые врата.
Фото В.П.Столярова.
2002 г.

4. Курдюмов С.В. Некоторые данные о процессе образования приречных болот Украины // Торфяное дело. 1928. № 9. С. 269–272.

5. Доктуровский В.С. Торфяные болота. Происхождение, природа и особенности болот СССР. 2-е изд. М.–Л., 1935.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

24 декабря 1935 г.

№ 86 <...> Относительно запасов на зиму абсолютно не беспокойся. Обеспечен твоими посылками абсолютно всем. Вот для примера моего питания – сегодняшний день. Утром до работы – сало с хлебом и 2 стакана горячей воды с молоком (сгущенным), в 2 часа – казенная утренняя каша, разогретая с маслом и «чай» (т.е. кипяток) с вареньем, в 5 часов казенный обед с добавлением чеснока и «чай». Вечером – сваренная мной пшенная каша с сушеными грибами и большой порцией масла. Право, лучшего питания и быть не может. Очень помогает тюлений жир.

Подал заявление Вышинскому, не знаю, что будет. Подаю прокурору о пересмотре впервые, хотя другие заявления подавал и Акулову и вообще прокуратуре. Особых надежд не возлагаю, учитывая опыт двух лет, хотя глубоко убежден, что в конце концов, если останусь в живых, Партия разберется и выяснит все. Вопрос времени. А уверенность в Партию у меня не поколеблена. <...>

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, С.И.Огнёвой, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин,

1–6 января 1936 г.

Соловки

1936.I.1. 2-й час ночи. Соловки. № 43. Дорогая Аннуля, наступающий, только что наступивший 36-й год начинаю письмом тебе. Вчера, т.е. 30-го точнее, получил твое от 20 дек. № 39, из которого узнал, что наконец-то обо мне ты узнала, – что я цел и невредим, хотя и с опозданием. Как видишь по

№№ писем, я пишу тебе все, что можно, т.е. полное число писем, и даже на одно больше прежнего* (4 в месяц, из них одно – маме). Я вздохнул неск. свободнее, но меня беспокоит твоё уныние и грусть. Ещё раз говорю, старайтесь пользоваться тем, что есть, а не вздыхать об отсутствующем. Что же до денег, то, повторяю, у меня имеется не только все необходимое для существования, но и излишки, без которых отлично мог бы жить, я трачу на себя совершенно не ограничивая себя, и если присылаю что-ниб. вам, то это – от избытка. Хочется хоть чем-ниб. помочь вам. Да и не копить же мне деньги. Условия моей жизни вполне удовлетворительны, насколько на Соловках они м.б. таковыми, и желать большего здесь было бы неблагодарностью судьбе. Главная же моя печаль и главное беспокойство – о вас и из за* вас. Конечно, в этом отношении никто и ничто не может убедить в обратном. Передай мой привет А.И., открытка которого получена. Благодарю его за память, понимаю затруднительность его положения и печаль от необходимости воспитывать детей без матери, жалею об ухудшении его здоровья, но надеюсь что это – временная слабость сердца, м.б. вызванная переутомлением. Другие открытки от него тоже были получены в свое время. Посылок мне не присылайте, до сих пор лежит присланное раньше, несмотря на почти ежедневное угощение им моих сожителей по камере. Относит. Мика не беспокойся: он выправится в свое время. Вот беспокоит меня гораздо больше слабое здоровье всех их. Относит. Васи и Наташи можно порадоваться, хотя и безпокойно несколько загадывать о будущем¹.

1.4–5. Здесь идет обычная для Соловков гнилая зима, м.б. даже превосходящая обычную по гнилости. Морозов до сих пор не бывало, температура обычно чуть чуть* ниже нуля, а временами – чуть чуть* выше; напр. сегодня – вроде оттепели. Это отсутствие морозов не допускает развернуть многие из моих опытов и малых производственных процессов, основанных на замораживании избыточной воды. О солнце, конечно, надо забыть. Часов в 9, когда идем на работу, – густые сумерки. Впрочем, в этом году приполярная зимняя темь не ощущается так ярко, как в прошлом, м.б. от привычки. Сев. сияний не видим, т.к. небо всегда обложено. Работаю над рядом водорослей. В частности, нашел, что альгин, но только черный,

можно добывать не только из ламинарий, но из фукусов (*Fucus serrata*). Добываю агар из водоросли *Anpheltia*², получается 30% на сухую очищенную водоросль; агар получается хорошо желатинирующий, так что уже 1%-ный водный раствор дает студень консистенции вроде рыбного заливного, а 2%-ный – дов. плотный. Однако этот агар темноват, и я занялся вопросом об отбелке его. Думаю испытать и др. водоросли (напр. *Desmarestia*), за которыми можно подозревать агароносность. Но все же мои размышления – около льдов, а мои чувства – около вас.

1.5–6. Ты ничего не пишешь мне о своем здоровье, о своей руке, о бабушке – недостаточно вразумительно. А мне это все нужно знать в точности и в подробностях – как вы живете, чем болеете, душою и телом. О здоровье Мика ничего не знаю, а ведь у него болели глаза. Прошла ли болезнь, или опять отравление нервной системы. При общем понижении сопротивляемости организма, особенно же нервной, грипп легко дает всевозможные осложнения. Мне говорили, что за границей хорошим средством от гриппа, когда он начинается, признан иод³: пить по неск. капель иодной^{*} тинктуры (только конечно настоящей), лучше всего – в молоке. Т.к. это средство во всяк. случае ничему не помешает, то попробуйте. Крепко, крепко целую тебя, дорогая Аннуля. Поздно, надо спать.

Дорогой Мик, недавно мне рассказывал^{*} один знакомый⁴ про броненосцев в Калифорнии. Зверек этот ок. 30 см длиною и похож на ящерицу или на крокодилчика, но покрыт роговою бронею, вроде черепашьей. Их много видов. Тот вид, который мне описывали, не свертывается в клубок, а врывается при опасности в землю. У него очень сильные передние лапы. Когда броненосца окружают, то он почти мгновенно делает нечто вроде норы под землею и, быстро прорывая себе подземный ход длиною 10–12 метров, а на глубине ок. 30 см, уходит из окружения. Однако ход этот узок, его заваливает землею и дышать в нем почти нечем. Вероятно из за^{*} недостатка воздуха зверек к концу своего подземного коридора^{*} совершенно изнемогает. Это видно по грубости комьев земли в конце его, тогда как в начале земля разрыхлена. Охотники за броненосцами разрывают нору (тогда-то и наблюдают, как разрыта земля) и находят броненосца полуживым. Из панцыря^{*} его в Америке дела-

ют коробочки, футляры для пенснэ* и очков и т.п., говорят – очень изящные. В Калифорнии водятся также койоты – мелкие волки вроде шакалов, и особый вид гремучих змей небольших размеров.

Знакомый, который рассказывал* о Калифорнии, плыл туда из Австралии на паруснике, в качестве матроса, т.к. ему было нечем оплатить переезд. Плыли далеко от берегов, не видели ни одного острова, только отмели, поросшие подводн. лесами водорослей, рыб да альбатросов. Это – огромная белоснежная птица с красным клювом и ногами и длинной, почти лебединой шеей. Высотой она, когда стоит со склоненной шеей, – более 100 см, а если подымет голову, то знач. больше. Размах крыльев 250 см или более. Раза два ловили альбатроса – и поймали. Ловят их на пробку, привязанную к бечевке и снабженную двумя латун. пружинками-клешнями, которые расширяются в клюве у горла. Вот рис. этого приспособления. Когда альбатрос схватит эту приманку, то пружинки расширяются в клюве и альбатрос сам идет за удочкой. Он очень силен, и когда его, на другой уже веревке, пускают на палубу, то человек не может его удержать, так что альбатрос может стащить за борт. Однако убивать альбатроса у матросов считается грехом, от которого можно погибнуть. Поэтому, потешившись с пойманной

Рисунок
П.А.Флоренского
из письма
от 1-6 января 1936 г.
Архив семьи Флоренских

птицею, матросы извлекают из клюва пробку и отпускают птицу на волю. Крепко целую тебя, дорогой Мик. Не забывай своего папу.

Встречали альбатросов в Ю. полушарии. А в Северном, после долгого плавания (всего оно длилось 86 дней), увидели больших темносерых* птиц, и капитан сказал, что следовательно берег отстоит на 3 дня пути – по прямом[у] направлению.

Дорогая Тика, на обороте я вторгся в твои владения⁵ и потому начинаю письмо ниже. С.И. пишет, что вы сделали успехи в музыке, я очень радуюсь им. Мику я писал о путешествии

из Австралии. А тебе напишу о самой Австралии. Уже лет 30 тому назад это была самая культурная из стран, виденных моим знакомым, а видел он весь свет, кроме Африки. Но население было немногочисленное, 4¹/₂ мил., из них 95% англичан, а 5% – всех прочих. Туземцев почти не осталось: за 1¹/₂ года знакомый видел 3–4 человека «бушменов», т.е. кустарниковых людей. Они очень уродливы, с выдающимися скулами, приплюснутым носом, черные как каменный уголь. Возле Сиднея (в 30 км) существует их заповедник – деревня с 30–40 жителями, которая охраняется как музейная достопримечательность. Там представлен их быт и производства. Из них наиболее замечательны: производство кувшинов для воды и др. жидкостей и производство бумерангов. Кувшины плетутся, как панамские шляпы, из особой соломки, но настолько плотно, что вода не вытекает через их стенки, а лишь слегка сочится. Такой кувшин подвешивается под деревом на ветру, и вода в нем держится совершенно холодной и свежей, как родниковая. Бумеранг – это особое оружие из тяжелого, эвкалиптового* дерева, примерно 3 кг весом. Форма его – вроде линейки с поперечн. сечени[ем] как у футляра для очков. Бумеранг слегка согнут, длина его обычно ок. 80 см, а ширина ок. 6 см. Брошенный определен. образом (на что нужно умение и сила) бумеранг или попадает в цель (напр. в птицу) и падает под нею, или, если не попал, то возвращается назад и м.б. подхвачен рукою. Обычно летит он по параллелограмму. Крепко целую тебя, дорогая Тика, и еще раз целую. Пиши и не забывай.

1936.I.1. Соловки. Дорогая София Ивановна, приношу Вам свое поздравление с наступившим новым годом и пожелания, чтобы Вы не поддавались болезням, Вас преследовавшим в прошлом году. Часто вспоминаю Вас. Ничего не знаю о дальнейшей судьбе Вашей книги. Печатается ли она. Мне так хочется видеть Ваши воспоминания закрепленными типографской краской, что я готов даже не протестовать против некоторого сокращения их, как ни прискорбно оно само по себе. Только, вот, жаль, что не могу принять участия в подборе гарнира к Вашему кушанью – иллюстраций и примечаний, гл. обр. генеалогического характера. Очень печально известие о болезни Вашей невестки. Ваши недомогания и прочие слабости, полагаю,

Иван Флорович Огнёв. Архив Е.П.Крюковой

София Ивановна Огнёва.
Архив Е.П.Крюковой

от перехода или на переходе к новому состоянию равновесия, в котором, надеюсь, Вы будете пребывать затем долгое время. Пишете, что страдаете слабостию зрения, а потому не можете читать по прежнему*. Ваше положение сходно с моим: я почти не читаю, лишь случайные книги и урывками: нет книг желаемых и нет времени, весь день занят, а вечером (да и вообще круглые сутки) я даже на $\frac{1}{2}$ минуты не могу быть один. Это всегдашнее пребывание в обществе, вечная невозможность быть с самим собою, рассеяние* чувств и мыслей очень утомительно, особенно для меня, всегда не выносившего общества,

Дом Огнёвых
в Загорске,
на перекрестке
ул. Пионерской
и Комсомольской.
Фото П.В.Флоренского.
1971 г.

и потому я очень устал и опустошен, глупею со дня на день и впадаю в безразличие. Будьте здоровы и бодры. Всегда помнящий о Вас и постоянно вспоминающий Алекс. Ив-ча

П.Флоренский

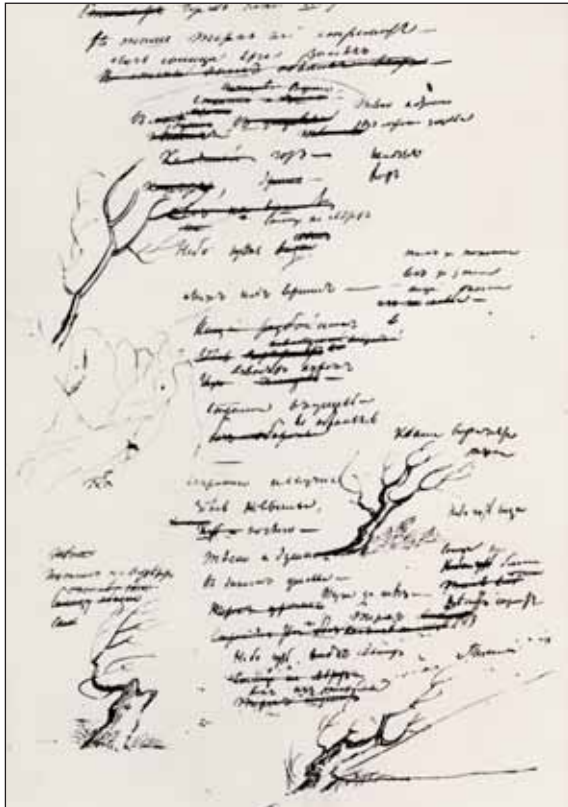
Дорогой Олень, разве тебе что-ниб. неясно в тригонометрии? Вообрази себе, что точка движется по окружности равномерно, а ты смотришь на это движение с ребра и с разных сторон. Тогда видимые движения точки (проекции движения кругового) и будут представлять тригонометрические функции. Если это усвоишь, то все остальное вытекает отсюда очень просто.

Недавно прочел 2-й том драм. произведений Бен. Джонсона⁶, писателя нач. XVII века. Некоторые его драмы весьма интересны и сами по себе и как памятники стиля эпохи. Фигуры выпуклы, словно резные из дерева, обобщенными широкими плоскостями – очень напоминают троицкие деревянные игрушки⁷. Чувствуется рука мастера, не в смысле высшего искусства, а в смысле человека, уверенного в своем ремесле, т.к. оно слагалось веками и опирается на тысячекратный опыт. Но фигуры эти разставляются* друг около друга, тоже как игрушки, не содержась в едином пространстве своего взаимодействия. Также и высказывания их, несмотря на хорошо построенную фабулу, самодовлеющи и не сливаются в сплошной поток словесного

действия. Фабула – извне привносимый порядок, согласно которому расположены отдельные высказывания, точнее, в котором они разложены, – путеводитель по изречениям. У Бен. Джонсона много общего с Мольером. Но Мольер наряднее, придворнее, острее и подвижнее, в Мольере больше блеска, а в Джонсоне – характерной английской добротности XVII века: строже, суровее, общественнее.

Стихотворение
А.С.Пушкина «Анчар»
(автограф)

Кончаю перечитывать один из томов старого академ. издания переписки Пушкина⁸. Письма Пушкина непременно надо читать так, как они напечатаны, т.е. попеременно с письмами к Пушкину, и это – не только для понимания смысла писем, но главное, чтобы оценить их качество – удивительное изящество мысли и изложения, прозрачность, отсутствие в них тяжелой мути, что свойственно всем прочим, хотя они часто принадлежали к передовым людям страны. В Пушкине все время чувствуется моцартовская стихия. Крепко целую тебя, дорогая Оля, пиши.

Дорогой Кирилл, мама пишет, что тебе поручена какая-то работа В.И., но не сообщает, какая именно. Мне интересно знать, чем же ты будешь заниматься и что вынес ты из своей летней командировки. Меня занимает мысль о биокосмической функции различных типов хим. соединений. Не помню, тебе или Оле я писал об изолирующих оболочках организмов, а именно об их эстерной природе, причем совершенно особое место принадлежит здесь воскам или их ближайшим родственникам. Вот еще характерный пример – кутиновые оболочки растений и в частности – плодов и клубней, напр. яблок и картофеля. Кутин химически тоже относится к веществам типа восков, его считают смесью попилово-

Павел
Герасимович
Сапаров, дед
П.А.Флоренского.
1870-е гг.
Архив семьи
Флоренских

церилового^I и каприно-октадецилового эстеров, однако современные химики сильно ошибаются, объявляя смесями вещества, дающие смеси под теми или др. искусственными воздействиями. На самом деле подобные смеси получаются из комплексов, особых соединений, легко распадающихся в организмах уже не живущих. Когда-ниб. напишу тебе подробнее по этому вопросу, пока же ограничусь только более общим указанием, что даже о неживых телах вроде нефти, камен. и др. углях, древесине и т.д. никак нельзя говорить, будто они – смеси тех продуктов, которые получаются из них, точнее – могут быть *сделаны* из них, при помощи фракционной разгонки, пиролиза и т.д. Все эти продукты – осколки сложных естественных

образований, и последние, при процессе отличном, могли бы быть разбиты множеством иных способов.

Возвращаюсь к оболочкам. Обрати внимание, оболочка есть начало обособления даже неживой природы: каждая капелька, кристаллик, тельце обязательно покрыты кожицей поверхностн. слоя, который можно разсматривать* (обобщенно) как эстерный. Боюсь, мне приходится выражаться слишком кратко и ты не поймешь. До др. раза, дорогой. Крепко целую тебя.

1935^{II}.I.4. Дорогой Васюшка, мамочка пишет о подарке, который готовите мне вы с Наташей. Конечно я рад ему, хотя и боюсь, что тебе не хватит сил и времени на все заботы. В нашем роду на протяжении по крайней мере полутора столетия не было дедов, а бабушки появились лишь в последнее время. Это бездедовство – глубокое потрясение рода и – чувства времени. Обычно, биологически и исторически, наследственность и стиль личности перескакивает через поколение, и потому в естественной диалектике рода внуки оказываются синтезом отцов и сыновей. Это дает связность роду, а потому и истории, не подавляя вместе с тем его внутреннего движения. Самое время, категория времени, свой эмпирический базис получает в этой диалектике рода. Три времени (наст., прошедшее и будущее) соответствуют *трем* сосуществующим поколениям, а другие

I Так в тексте. Должно быть *протилово-церилового*.

II Описка. Должно быть 1936.

Наталья Ивановна
и Василий Павлович
Флоренские. Весна 1936 г.
Фото М.Флоренского.
Архив семьи Флоренских

времена (plusquamperf. и futurum II¹) могут почитаться роскошью, отвечающей большему числу совместных поколений. (Эмпирический базис пространства – свойство).

I.5. Никак не могу закончить письма, отрывают, а ночью оказывается слишком поздно. Вот и сейчас, хоть 2-й час, а кругом говорят, и я не могу сосредоточиться. Я потерял мысль, – но в общем хотел сказать, что рождение 3-го поколения скрепляет связь времен. Думаю, что ты, став на мое место, поймешь во многом меня.

I Прошедшее и будущее относительные времена в немецком языке.

Первый том труда
А.Е.Ферсмана
«Геохимия»

Теперь о другом. Только что пробежал в № 9 «Природы» статью Ферсмана⁹ об ИОНЕ, на которую обращаю твое внимание, а в особенности на указываемый там, но мне не известный, т. 3 «Геохимии» Ферсмана¹⁰. Подход Ферсмана к периодической системе в сущности неглубок, но именно потому глубоко значителен на фоне современных спекуляций. Ферсман идет, как и Менделеев, от непосредственно наблюдаемого и дает поэтому основу для бесспорных выводов, представляющих огромное значение для химии и геохимии. Очень интересно дожидаться 3-го тома «Геохимии». Получила ли Наташа мое письмо? Получил ли ты ряд моих писем? Крепко целую тебя, дорогой. Привет Наташе. Сообщи, пишешь ли ты что-нибудь. Кланяйся бабушке и, если

увидишь, тете Соне. Видишь ли ты дядю Шуру? Еще раз крепко целую тебя, Васюшка.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с рекламным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 17.01.36; Загорск – 20.01.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская, 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Осн.».

Письмо на двойном листе (348×217 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

Часть письма, адресованная С.И.Огнёвой и ранее считавшаяся утраченной, обнаружена в архиве С.И.Огнёвой ее родственницей Е.П.Крюковой и А.И.Олексенко (публикуется впервые).

1. Речь идет об ожидаемом первенце В.П.Флоренского.
2. Правильное написание латинского названия анфельции *Abnfeltia plicata*, и в дальнейшем П.А.Флоренский так и пишет.
3. Лечебные свойства йода использованы в популярном лекарстве йод-актив..
4. Е.И.Гендлин.
5. Речь идет о последнем абзаце в письме Мику Флоренскому, занявшем место, выделенное для письма Тике Флоренской.
6. *Джонсон Бен*. Драматические произведения. Т. I–II. М.; Л., 1931–1933.
7. В XIV–XIX вв. в слободах и селах, окружавших Троице-Сергиев монастырь, процветало множество ремесел. Особенно выделялось производство деревянной игрушки, получившей название «троицкой».

По преданию, первую игрушку вырезал сам Сергей Радонежский. Сохранились игрушки конца XVIII – начала XIX века, такие как «потешные возки» с конями, братинки, «красные» ложки, крестьянская девушка в кокошнике, пляшущий мужик, нарядные барыни и гусары. Это настоящие деревянные скульптуры, умело раскрашенные. Каждая игрушка отличалась индивидуальностью и большим мастерством исполнения.

8. *Пушкин А.С.* Переписка: В 3 т. / Под ред. и с прилож. В.И.Саитова. Т. I (1815–1826), СПб., 1906; Т. II (1827–1832), СПб., 1908; Т. III (1833–1837), СПб., 1911.

9. *Ферсман А.Е.* Геоэнергетические проблемы. Очерк 1. Энергия иона // Природа. Изд. АН СССР. 1935. № 9. С. 17–28.

10. *Ферсман А.Е.* Геохимия. Л., 1933–1939 (т. I. (1933, 1934); т. II. (1934); т. III (1937); т. IV (1939).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю, Капитолине

1–4 января 1936 г.

Палата
в лагерной больнице,
размещенной на
месте монастырской.
Фото 1920-х гг.

Дорогие и милые Виша, Котик и Капочка,
Получил сегодня Ваши дорогие для меня письма с по-
здравиениями от 15/XII. Опоздали к одному дню, зато кстати

пришлись ко второму. Да, я виноват перед Вами в декабре, так как выслал лишь одно письмо в начале с расчетом, что оно попадет к сроку. Не знаю, как и с каким запозданием оно попало по назначению, но так как теперь уже все *post factum*, то постараюсь объяснить и причину. Дело в том, что мое недомогание, начавшееся вначале в довольно безобидной форме – в виде небольшого как будто гриппа, в ноябре развернулось в серьезную желудочную болезнь. Потерял я совсем аппетит, ничего не ел, а от болей катался по постели. Я бы сказал, что схватило меня, пожалуй, даже серьезней, чем в железноводский период. Основываясь на диагнозе знаменитого Лурья¹, я все терпел, выжидая, что приступ пройдет и постепенно все утомонится. Но этого не получалось, и протрадав так месяц, я решил обратиться к врачам. Пригласил даже хирурга. К моему изумлению, последний нащупал у меня аппендикс и приписал все аппендициту, необходима операция. Я весьма был поражен этому диагнозу, так как впервые он был мне сообщен, несмотря на довольно много консультаций, и с видными врачами, которые у меня были до этого и в Новосибирске, и в Москве. Но поскольку я так извелся, решил добиться скорее операции и в ней искать спасения. Кроме того хирург², один из крупнейших хирургов в этой области, из Москвы, профессор, подкупал меня своей гарантией и опытом. 2 декабря я лег в больницу, накануне написал Вам письмо к Котикину дню. Операция у меня прошла блестяще, под местным наркозом. Сразу я почувствовал после нее облегчение, боли, домогавшие меня до операции, исчезли, и я к 15/XII выписался, получив дополнительно две недели льготных. Первое время, после продолжительного времени [лежания], я чувствовал себя очень ослабевшим, и это, по-видимо[му], отражалось на желудке, но, конечно, не в такой степени, как раньше. Это обычно так бывает: действуют всякие еще рефлексy. Рассчитываю на полную ликвидацию желудочных пакостей, совершенно некстати пристающих ко мне.

Большое спасибо за милые и искренние поздравления. Очень растрогало меня письмо Коташи, прежде всего его успехами по работе и в особенности тем, что налаживается учеба и, я бы сказал, в исключительно благоприятных условиях. Молодец, тем более что это все достигается исключительно за счет

собственного горба, а это имеет самое важное значение. Пожелаю, конечно, самого лучшего успеха. <...>

Рад за Дагочку, если ей хорошо и весело и легко живется. Кстати, Ты все спрашиваешь, что посылать в 3–4 кгр. По весу это достаточно. Мне очень пригодилось бы масло и сало. <...> Последнюю посылку со второй бутылкой масла получил 1/XII. У нас в этом году, даже еще сегодня, 4/I, пароход пришел.

Тебя интересует моя работа и в чем она выражается, не на огородах ли? Нет, я ведь писал, что продвинут по лестнице служебной на более высокую ступень. В числе главнейших функций является курирование йодной проблемы и завода, и лаборатории. Работа эта меня интересует, и сам во второй половине дня продолжаю заниматься исследовательской работой теперь уже в плоскости полужаводской реализации лабораторных итогов.

Шлю сердечные поздравления с новым годом. Что же сулит этот год?

Ваш [Н.Брянцев]

1. Н.Я.Брянцеву на основании обследования профессорами, возможно, Р.А.Лурией и В.В.Дехтеревым, еще до ареста был поставлен диагноз невроз желудка (см. также письмо Н.Я.Брянцева от 24 февраля 1936 г.). Видимо, поэтому он и не спешил обращаться к врачам.

2. Возможно, оперировал Н.Я.Брянцева заключенный хирург А.А.Ошман.

Пароход
«Глеб Бокий» в доке.
Фото Р.Р.Эрлиха. 1925 г.
Фонды СГИАПМЗ

**П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию,
Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин**

7–13 января 1936 г.

Соловки

1936.I.7. Соловки. № 44. Дорогая Аннуля, хочется начать письмо сегодня именно. Мне грустно было встретить сегодняшнее утро без вас, да к тому же немного раскис – вероятно от перемен погоды. Но зато внезапно наступила настоящая зима. Со вчерашнего вечера небо расчистилось, после метели, свирепствовавшей несколько суток, наступили морозы. Сегодня были яркие и очень красивые краски при восходе солнца. Полуденное солнце (впрочем – непосредственно над горизонтом) сияло, это в первый раз за долгое время, а потом на совершенно безоблачном небе сияла полная луна. Нам сказали, что сегодня должно быть полное затмение Луны. Ждали его, но оказалось, что это будет завтра.

I.11. День заметно прибавился. Тем не менее у всех, вероятно от полярной ночи, сонливость, особенно к 2–3 часам. М.б. этому содействует и душевное состояние. Но как бы-то* ни было, в определенный промежуток времени непреодолимо клонит ко сну. Да и вообще все сонные и вялые. Из за* этого и письмо писать трудно.

Сегодня после работы в камере я заснул и видел во сне Алекс. Ив., Катиного. Во сне я помнил, что его давно нет в живых и потому удивился, когда он вошел в комнату (а жил я в каком-то необыкновенном доме, причем шла суетня и какая-то возня). А.И. был худ и очень бледен, но ласков и приветлив. Когда я высказал ему свое недоумение, как же он пришел, он ответил, что, правда, он умирал, но потом неожиданно оправился.

Работа моя идет в прежнем направлении, но осложняется вместе с расширением самых опытов. Мы переходим теперь уже к полупроизводственным опытам, рассчитывая* на ежедневное получение 2–3 кг альгина и 2 кг агара. Такие количества продукции требуют переработки уже значительных масс сырья и больших бочек воды. Сырье с водою надо кипятить, фильтровать, вымораживать, оттаивать, выпаривать, сушить, и тут требуется внимание, аппаратура, хотя и простая, огромное количе-

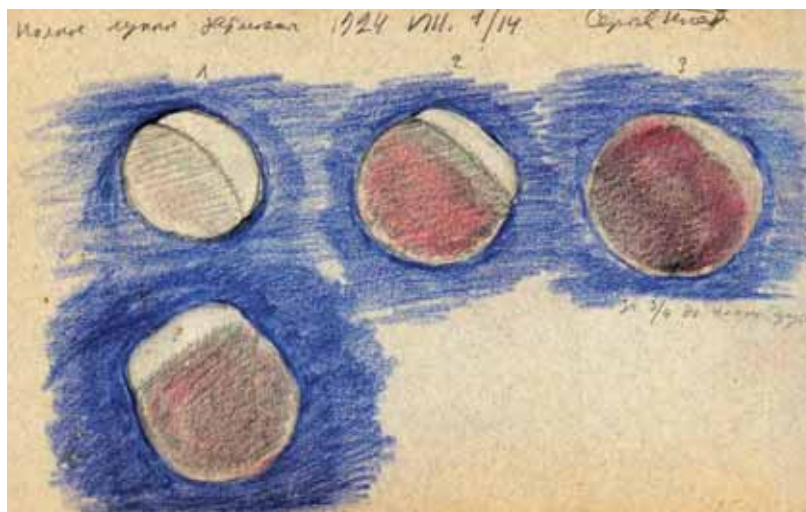
Владимир Иванович
и Александр Иванович
Огнёвы.
Москва. 1910-е гг.
Архив Е.П.Крюковой

ство различной посуды и т.д. Опытный характер этих процессов требует многочисленных взвешиваний, отмериваний, записей, расчетов, анализов. Каждая из отдельных операций сама по себе не представляет особых затруднений, но вместе, когда их много, когда они срочны и когда им подлежат большие количества вещества, становятся уже делом значительным. Кроме опытов веду лекции – по 3 двухчасовых лекции в неделю и 1 заседание БРИЗа (бюро изобретений). Как видишь, это уже почти кафедра, тем более, что приходится подбирать примеры, задачи и несколько обдумывать предстоящую беседу со слушателями более или менее квалифицированными. Поэтому мои стихи совсем остановились, да и обстановка для них слишком неподходящая. Но чем больше суеты во внешней жизни, тем больше думаю о вас и тем становлюсь холоднее к внешней деятельности. То, что раньше радовало бы, теперь встречаю равнодушно. Сегодня, например, добился получения агара светлого (он получался ранее темным, по виду вроде шеллака), но этот успех воспринимается с безразличием. Давно не получаю писем от вас. Навигация прекратилась, авиационное сообщение

еще не налажено. Мы отрезаны от мира и засыпаны снегом. К сожалению эта отрезанность не есть покой. Тут свой мирок, со своими волнениями и кипениями, мелкость которых ясно сознаешь, но оставаться *вне* которых невозможно. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, береги себя и детей, будь весела и пользуйся, чем можешь. Еще раз целую.

Дорогой Олень, опять не знаю, как твоя голова? Продолжаются ли боли. Я не сомневаюсь, что постепенно они пройдут, если ты будешь беречься простуды и вовремя есть. Но грустно, что выздоровление идет медленно. Чем занимаешься? Чтобы не делать ошибок в математических задачах, положи себе за правило: решать задачи медленно, продумывая каждый шаг и записывая каждое действие в строгом порядке, чтобы оно было легко доступно проверке. Затем, сделав действие, непременно проверяй его сейчас же, чтобы не ехать дальше на сделанной ошибке и, следовательно, бесполезно. П[р]оверку действия надо производить дважды: сперва начерно, посмотрев, не получилось ли явной нелепости, особенно в арифметических операциях. Для этого посмотри, каковы должны быть старшие (первые значущие*) цифры и совпадают ли они с тобою полученными. Если да, то проверь все действие в целом. Затем, при решении задач старайся вести действия сознательно, т.е. сообразно со *смыслом* решаемого, а не формально. Тогда гораздо легче избежать ошибок, поскольку нелепость сразу будет тебе сигнализировать о допущен[н]ой погрешности. В «Сборнике статей в честь академика А.И.Соболевского», Л., 1928, помещена заметка М.Алексеева¹ «К истории слова «нигилизм»». Помимо интереса, представляемого самим словом «нигилизм», история его поучительна как пример изменения смысла слова («семемы»). Обычно считается, что слово «нигилизм» придумано Тургеневым, и сам он, повидимому*, считал себя автором этого слова. Однако это авторство м.б. признаваемо лишь условно. Слов[о] «нигилизм» встречается уже у бл. Августина (V в.). Средневековое богословие пользовалось термином «нигилианизм» для обозначения ереси, отвергавшей историч. действительность Христа. В 1801 г. в «Dict. Encyclopedique» встречается «Nihiliste ou Rienniste», – «qui ne croit à rien, qui ne s'intéresse à rien» (Мерсье)². В 1-ой полов. XIX в.

«Полное
лунное затмение
1924 VIII. 1/14.
Сергиев Посад».
Рис. П.А.Флоренского
из «Альбома набросков
и чертежей по
геологии, археологии
и др. наукам. Коджоры,
Манглис, Кугаис,
Москва. 1898–1899,
1900, 1901, 1902».
Архив семьи
Флоренских

нигилизмом называют скептическую философию во Франции и крайний идеализм – в Германии (Якоби, 1799, Ж.Поль). В.Крус (1770–1841¹⁾ считает нигилизмом крайний идеализм и противопоставляет его материализму. У нас в 1829 г. Надеждин, ратуя против Пушкина и его плеяды, говорит о нигилизме в смысле ничтожества, пустоты, жизни и искусства, беспочвенности. Также* понимает это слово и Белинский (1836 г.). Шевырев (30-е годы) противопоставляет нигилизм, в смысле идеализма, материализму. Билярский (1848) – в смысле историч. скепсиса. Катков (1840) – в смысле материализма. Берви (1858) – в смысле скептицизма, также* и Добролюбов (1858). Тургенев закрепил за этим словом в нач. 60-х годов значение механистич. материализма... Крепко целую тебя, дорогой Олень.

1936.I.10. Дорогая Тика, вчера видел я лунное затмение. Вероятно и ты наблюдала его. По поводу затмения мне рассказывали*, как его встречают в Персии: все начинают колотить в медную посуду, так что на улицах подымается невообразимый шум. Это делается, чтобы напугать дракона, который, как думают, пожирает Луну. Испуганный шумом, дракон выплевывает Луну, и затмение тогда кончается. Все мамы, ждущие гулек, не должны во время затмения показываться наружу и сидят по комнатам: иначе гульки родятся пестрые.

¹ Так в тексте. Должно быть 1842.

Кланяйся от меня бабушке и скажи ей, чтобы она была здорова. Скажи Микиной Кате, что я написал ей, но не знаю, получила ли она мое письмо. Хотелось бы мне услышать, как ты теперь играешь; среди наших бурых лисичек ходят слухи, что стала играть гораздо лучше прежнего*. Приезжает ли к вам Аня? Если увидишься с нею, скажи ей, что целую ее. Интересна ли тебе была книга М.Твэна* «Принц и нищий»?

Разскажи* мамочке о растениях в Калифорнии. Там очень много герани разных цветов. Она растет на открытом воздухе и достигает высоты выше человеческого роста, стебель у нее толстый, пальца в два; цветет почти непрерывно, говорят, очень красиво. Растение крепкое, в подпорке не нуждается. Домá обвиты розами; эти вьющиеся розы цветут почти круглый год. Такие же, вероятно, розы были у нас в Тифлисе, но разрослись* не так мощно. Вероятно Кира помнит их. Рисуешь ли ты что-нибудь? Напиши, что вы рисуете в школе. Сегодня, 13 января, прилетел первый аэроплан, так что я надеюсь получить через несколько дней письмо от вас. Напиши мне еще, какие у тебя теперь щечки. Крепко целую их и еще раз целую. Никто из вас не пишет, получили ли вы высушенные растения, которые я несколько раз посылал в письмах. Понравился ли тебе розовый сфагнум (красный, когда свеж).

Флоренский П.А.
Гагры. Вид с моря.
Рис. 1925 г.
Архив семьи
Флоренских

Дорогой Кирилл, опять давно ничего не знаю о тебе, – и беспокоюсь. Чем занимаешься? Где живешь? Где обедаешь? Здоров ли? Что делаешь для В.И.? Недавно мне рассказывали*, как было поставлено соляное хозяйство в Соликамске. Это было до 1904 г., во владениях гр. Строганова. Оборудования самое примитивное и нелепое. В середине владения стоит громадная, неуклюжая, допотопной конструкции паровая машина, повидимому* весьма мощная. От машины радиально идут деревянные обсадные трубы, длиною примерно в $\frac{1}{2}$ км, и в этих трубах – такой же длины деревянные штоки, приводящие в действие насосы над скважинами, из которых добывается разсол*. Трение в этой системе, конечно, огромное. Выкачанный разсол* собирается в чрены³, длина которых достигает 20–25 м. Под чренами разводится огонь, причем жгут не дрова, а целые сосны, подтаскиваемые под чрен на веревках. Но в 1904 г. это первобытное устройство было заменено высококорационализ[ир]ованным, с многокорпусными выпарными аппаратами и т.д. Взял я посмотреть «Полн. собр. соч.» Грибоедова в Акад. изд. 1889 г. 1-й том содержит прозаич. статьи и переписку. Поразительно, как это мертво и не стильно. Письма и заметки Пушкина – веющий ветер перевала, а Грибоедова – какие-то канцелярские реляции, о чем бы Грибоедов ни писал. Темы – интересные, но так изложены, что нет терпения прочесть. Единственное интересное, что нашел я для себя, это

Окрестности Тифлиса.
Фото П.Флоренского.
1897 г. Архив
семьи Флоренских

Агат из известняков
среднекаменноугольного
возраста (г. Голутвин).
Фото А.В.Постникова.
2000 г. Собрание
Петрографического
музея им. Л.В.Пустовалова,
РГУ нефти и газа
им. И.М.Губкина

Кремень из моренных
отложений (г. Дмитров).
Фото А.В.Постникова.
2000 г. Собрание
Петрографического
музея им. Л.В.Пустовалова,
РГУ нефти и газа
им. И.М.Губкина

сведения о Тифлисе 1827 г. (стр. 116–118). В частности, Куки, наряду с Чегурети и нем. колонией, названы селениями. Вообще, видно, что Тифлис 1827 г. был по топографии весьма отличен от Тифлиса 1927 г.

В «Сборнике статей в честь акад. А.И.Соболевского», Ак. Н., Л., 1928, помещена интересная заметка П.Симони «Старинный трактат о письме заставок» (стр. 81–86), в которой приводятся сведения из трактата XVII в. о технике письма заставок и старинная классификация их. По виду орнамента заставки различались: кресчатые*, кружчатые, клетчатые, клинчатые, травчатые, фряжские (с травами), с фряжскими узорами (т.е. западными), затем печатные черные, т.е. подражающие орнаменту печатных книг. В том же сборнике (стр. 337–340) помещена статья Н.Зарубина «Книга каменная». Дело в том, что в описях др.-рус. библиотек, описях имущества и записн. книгах XVI–XVII вв. нередко встречается указание на какие-то «книжки каменные», обычно оправленные в дорогие переплеты-оклады из серебра с украшениями. Кое-где пояснено, что это – «книжка пицая*». Есть еще характерное указание: «книжка каменная, черная, осляная». Из сопоставления всех данных вытекает заключение, что речь идет о записных книжках для обучения (напр. царевичей) и заметок из черного шифера, т.е. о книжках из грифельн. досок. «Осляный» – от *осло*, т.е. оселок, точильный камень и, по соображениям Зарубина, означает глинист. сланец, аспид. Вот тебе, след, материал для минералог-петрограф. лексикологии: осло = шифер в XVI–XVII вв. Московской Руси.

Сегодня мне вспомнилось, как ты потерял шапку на пароходе и как путешествовал со мною и Васей по Кавказу и до

Москвы в носовом платке. Помнишь ли, как мы перенесли бурю на море? Это было, если не ошибаюсь, в 1923 г. Крепко целую тебя, дорогой Кирилл.

Мне всегда хотелось составить ист. словарь минер. и петрографии – параллельный на разн. языках, с указанием происхождения каждого термина. Собирай материалы и ты.

Дорогой Вася, ничего не знаю о твоей жизни, даже мама мало сообщает о тебе. Ничего не знаю и о твоей работе. Получил ли какие-нибудь результаты от своей летней поездки? Если надумал писать что-нибудь, то расскажи* мне заблаговременно, м.б. удастся придумать что-нибудь полезное, хотя у меня здесь почти нет литературных данных. В частности, в области осадочных пород постарайся найти какие-либо текстурные данные, чтобы зацепиться за генезис и хронологию: в большинстве осадочных пород содержится естественная запись их происхождения, связанная с периодичностью осаждения. Сравнительно в немногих случаях эта периодичность дешифрована (глины ленточные и сапропелиты – сезонная периодичность – годовые слои, агаты и др. – кольца Лизеганга, период которых по времени не установлен); однако, думается, при сравнительно небольшой затрате труда можно было бы получить надежные данные для ряда образований, надо только систематически пересмотреть мысленно и обдумать с этой точки зрения все осадочные породы. В частности надо обратить серьезное внимание на тонкослойные сланцы (типа шифера), которые несомненно сапропелитового происхождения и кливаж которых есть парагенетическое явление годовых слоев сапропеля и сапропелитов. Надо только научиться сосчитывать число этих слоев-пленок шифера и измерять толщину их. Тогда, пользуясь универсальным распространением шифера по всей геологической истории и по всему миру, можно было бы получить ряд данных по геолог. хронологии, подкрепляя свои выводы для древних формаций радиометрическими, а для новейших – делая экстраполяции из археологических. Вместе с тем удалось бы тогда прочесть и текстурные данные ряда других, геологически современных каждому из шиферов, образований.

Железный кварцит

(г. Кривой Рог).

Фото А.В.Постникова.

2000 г. Собрание

Петрографического музея

им. Л.В.Пустовалова,

РГУ нефти и газа

им. И.М.Губкина

П.А.Флоренский с Миком, 1931 г. Фото В.П.Флоренского.
Архив семьи Флоренских

О.А.Флоренская.
Книжный орнамент.
Рисунок (копия) 1909 г.
Архив семьи Флоренских

А по совокупности подобных данных можно было бы датировать и молодые эруптивные породы, тогда как для древних проверять выводы радиометрически. И еще следствие: зная годовое нарастание* сапропелей и измерив годовое нарастание* шиферов, можно было бы установить степень уплотнения шифера в зависимости от его возраста, т.е. проникнуть в парагенетический процесс⁴.

Скажи Кире, чтобы он написал, как он определяет ваннадий*. Крепко целую тебя, дорогой Васюшка. Привет Наташе. Получила ли она мое письмо?

Дорогой Мик, очень соскучился по тебе, а ты ничего не пишешь. Чем занимаешься? Что читаешь? До сих пор не знаю, что ты делаешь на Техн. станции? Расскажу* тебе, как рыбачат (или рыбачили 30 л. тому назад) в Америке. Мне описывали рыбную ловлю на берегу Тихого океана, у Калифорнии⁵. Право на рыбную ловлю получить очень легко, почти даром. Ты выбираешь себе любое место и занимаешь его, или, когда надоест оно, какое-либо другое; единственное требование – это чтобы не занималось место ближе, чем на 150 м от уже занятого кем-либо другим. Жить можно где хочешь. Напр., можно снять за ничтожную плату какой-нибудь полузаброшенный железнодорожный домик, или полузаброшенный вагон жд., стоящий в тупике, и т.д. Т.к. климат там теплый, то выбор жилища не составляет вопроса. На отопление может итти* хворост или лес из соседних ложбин, который собирают совершенно бесплатно и законно. Рыбу ловят обычно небольшими компаниями, кто чем может – удочками, сетями и т.д. Лодки обычно делают себе сами, а состоятельные рыболовы покупают небольшой катер. В каждый сезон разрешается ловить определенные виды, но для себя, т.е. не для продажи, ловят и запрещенную. Рыбы большое изобилие. За несколько часов даже на удочку налавливают 5–6 ящичков. Когда надоест наживлять удочку, то ловят на голые крючки и сразу вытаскивают 6–7 рыб. Наловив рыбы сдают свои ящики с адресом покупающего рыбу предприятия кондуктору трамвая, он даст расписку и отвозит ящики на склад в ближайший город, со склада дают знать по телефону в предприятие, и оно забирает товар. Через некоторый промежуток времени кондукторские

Соловки.
Рождественский
крестный ход.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

расписки предъявляют в кассу предприятия и получают по ним оплату. Обычно это делается по субботам. Рыба крупная; камбала от 15 до 60 фунтов. Ловится «шарк», т.е. акула, на самом деле не акула, а скат огромных размеров. Это живородящая рыба, детеныши которой обычно сидят в сумке. Если такого ската, ромбической формы, ударить, то детеныши сей-

час же выскакивают из сумки, и в воде появляется множество темных ромбиков, которые однако держатся неподалеку и дожидаются конца приключения. При чистке рыбы внутренности и мелкую рыбу бросают чайкам, которые ловят добычу на лету, а если схватят за хвост, то снова подбрасывают и ловят удобно для себя. Крепко целую тебя, дорогой, не забывай и пиши.

Конверт (162×115 мм) стандартный, зеленый, с пропагандистским текстом на обороте. Марка 20 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – нрзб.; Загорск – 03.02.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская ул., д. 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 1. Доп. 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 4 февр. 1936».

Письмо на двойном листе (348×217 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

1. *Алексеев М.П.* К истории слова «нигилизм» // Сб. ст. в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академиею наук по почину его учеников под ред. акад. В.Н.Перетца. Л., 1928. Т. 101. № 3. С. 413–417.

2. В 1945 г. в докладе «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» академик В.В.Виноградов сказал: «Как показал М.П.Алексеев, появление слова *nihiliste* во французском языке относится к самому началу XIX века. Оно впервые отмечено у Мерсье, автора сочинения “Картины Парижа”, в его словаре неологизмов 1801 г. Здесь под словом *nihiliste* (или *rienniste*) разумеется крайний скептик, человек с опустошенной душой, “который ничему не верит, ничем внутренне не интересуется”» (*Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977).

3. Чрен (черен, черен, црен, цирен) – солеварный котел или глубокая сковорода, вообще емкость для выпарки соли.

4. Сходные идеи о построении ритмограмм флишевых отложений были реализованы при описании верхнемелового флиша Северного Кавказа Н.Б.Вассовичем. В.П.Флоренский неоднократно занимался сопоставлением разрезов по ритмограммам.

Флиш – мощная серия морских осадочных горных пород преимущественно обломочного происхождения, характеризующаяся ритмичным чередованием нескольких литологических разновидностей слоев, гранулометрический состав которых уменьшается вверх по разрезу.

5. Рассказчик Е.И.Гендлин.

Замерзающее море.
Фото В.П.Столярова.
2009 г.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

7 января 1936 г.
Остров Соловки

Бедная <...> жена! <...> Я был очень обрадован открыткой. Она пришла изумительно быстро – в первых числах января, в частности 6.I, а была отправлена 12.XII. Как-то привыкаешь к медленному ходу переписки и считаешь, что все благополучно. Ты обещалась написать очень много интересных вещей, <...> о твоей детской фотографии, какие возвращаются предметы и еще о всякой всячине, но, видимо, женский поток не иссякает и в вашем доме негде спрятаться для письмишка. Я тоже в последние дни никак не мог собраться с духом для писания. Во-первых, письма не принимались, так как правильная навигация уже закончилась, а эпизодические появления парохода не позволяли надеяться на то, что можно с достаточной надежностью рассчитывать на благополучную отправку почты. В этом году ждали раннего конца навигации, но против всех ожиданий она протянулась до 6 января. Числа 10-го ждут первый аэроплан. Поэтому не писалось.

С другой стороны, я целые дни верчусь, как белка в колесе. На нашем заводе идет стройка новых агрегатов, ставится новое производство, перестраивается старое, идут заседания, совещания и т.д. Приходишь все-таки усталый и обалдевший. Живет нас в комнате 4. Идут разговоры, чаепитие. Наконец уляжешься в кровать и начинаешь неслышно бормотать в стенку одно и то же. Когда-нибудь, когда в этих стенах будет музей¹ и посетитель скажет имя – Варя, стена задрожит от привычного ритма звуков. Ужасно гнусно без тебя. Как будто бы срезали всю переднюю часть груди, и очень нужную для благополучия и цельности жизни. И срез никак не заживает. Кровь не течет, а дотрагиваться больно. День проходит в суматохе, а ночь начинается молчаньем и воспоминаньем. Ну, да что об этом говорить! Это, в сущности, единственно существенно важная неприятность в здешней жизни.

Погода великолепна. Морозов, пока что, не было. Выпало много снега и было скользко ходить, так что пришлось вытянуть из архива длинную палку для устойчивости. Наконец ударил мороз, градусов в 10. Я мобилизовал прошлогоднюю шерстяную кофточку и надел ее под рубашку (конечно, верхнюю). Она в исправности, но несколько загрязнилась. А как стирать шерсть, я, к великому сожалению, не знаю, а отдать профессионалу побаиваюсь, не с точки зрения боязни, что она исчезнет,

Зимнее солнце в тумане.
Фото Б.В.Ведьмина.
1970-е гг.

Здание, где в 1930-е гг.
располагалось проектно-
сметное бюро.
Фото В.П.Столярова.
2002 г.

а с точки зрения, что она может быть испорчена. Поэтому я и хожу в грязненькой. Здоровье мое удовлетворительно. Мне немного не хватает воздуха и физических усилий. На заводе все время вертись то в цехах, то в конторе, то в лаборатории, то в кабинете, то сходишь визави в проектное бюро, где я еще сохранил руководство химгруппой. А прошлогодних путешествий по лесным дорогам уже нет. Один только раз я сходил километров за 10 на морской берег и, как ты уже, надеюсь, читала, был в восторге от путешествия. Надеюсь весной побольше пошататься по берегам нашего острова.

Был момент, когда я был очень сонлив. Иногда днем смертельно хотелось спать. Один раз на заседании я даже попросту заснул. Теперь это прошло. Единственно, что выручило меня из этого состояния, это то, что влияние мое на дела стало значительно больше и работа приобрела уже интерес. Против прошлого года разница очень значительная. Во-первых, масштаб. Там были лабораторные работы, не влекущие за собой ничего,

кроме записей в тетрадку и мирного обсуждения за вечерним чаем – теперь все идет в производство. Ставятся планы – и выполняются. Гораздо страшнее, а поэтому и азартнее. Надеюсь, что все-таки мне удастся перестроить хозяйство по-новому. Вот какие развлечения имеются тут, на славных островах.

Сожители мои все те же, только разговариваем меньше. Все в основном переговорено, да как-то меньше интересуешься чужим. Но, впрочем, я с удовольствием слушаю американские воспоминания². Они почти чистый Джек Лондон, а во-вторых, несомненно правдивы. Один раз случился курьез. Он рассказывал, как его однажды выставили с квартиры за то, что к нему поздно ночью явился пьяный приятель, который заснул в лифте. Оказалось, что я хорошо знаком с этим ночным гостем. Вообще странные вещи можно узнать на Соловках. <...> Узнал, что очень приятный мне старший товарищ по военной службе жив (чего никак не ожидал) и служит в ББК по вольному найму. Иногда очень робко пробую говорить с сожителем по-английски. Обнаружил странную вещь. Несмотря на то, что из памяти повыскакивали очень многие вещи, имена в особенности, английские слова, которые я знал только в направлении – английское, потом русское слово, – теперь начинают совершенно легко вспоминаться в обратном направлении, по русскому слову вспоминаешь английское. Боюсь только, что придется расстаться с этой компанией и, прихватив постоянного спутника³, перебраться опять за Кремль, по направлению к заводу, потому что, кажется, придется еще теснее связываться с производством.

Вот, Варенька, наши будни. Не скажу, чтобы это все было плохо. В общем масштабе даже совсем недурно. Но смертельно горько без тебя. Как-то все меркнет перед одним и тем же – тебя нет. Как и почему случилось со мной, что я на старости лет так ухитрился поддаться женскому влиянию? Помнишь, ведь я ни разу не поругался с тобой так, чтобы об этом можно было бы вспомнить без улыбки. Кольку я очень часто вспоминаю, тоже с очень острым чувством недостатка, но Пси все-таки чаще. Порой очень даже разозлишься на себя за то, что не умеешь быть равнодушным. В сущности, только похождения последних лет показали мне, что я умею чувствовать по-человечески. Раньше этого я в себе никогда не замечал. Если

влюблялся – то чисто литературно, а не по-настоящему. Семья № 1 была условная, вроде неприятной и стеснительной мебели или платья, которое носишь с неудовольствием и норовишь при первом удобном случае скинуть. А ты приросла, как кожа. Содрали ее – и ходишь оборванный и пищишь от всякого прикосновения. Хорошо, если скоро опять удастся влезть в свою хорошую и необходимую кожицу! В этом отношении я оптимист. Верю. А как и когда – не знаю. На нашем горизонте всегда носятся облака слухов и, конечно, всегда оптимистических, именуемых почему-то парашами. В них я, натурально, не верю. По ритму моей жизни всякие смены происходят на четвертый год. Поэтому я думаю, что и теперь не должно быть

Соловецкий
поселок. Слева
конный двор, справа
Никольский корпус.
Фото В.П.Столярова.
2008 г.

исключения⁴. Правда, это долгонько, но лучше, чем законный срок. Тут, к сожалению, скидки совершенно ничтожны, а мне еще наляпали в Горьком такие статьи, что изумляешься, а это отзывается на скидках. Поэтому лучше не размышлять о перспективах. Около середины февраля я думаю все-таки написать о пересмотре.

Ну, письмо мое затянулось. Писал я его почти четыре дня. Аэроплана пока нет, но вывешен список дополнительных писем. Мне дали 3 в общем порядке и одно за лекторское бюро. Трудно будет их написать. Каждое письмо мое содержит так мало, что его можно кратко резюмировать так: я здоров, благополучен и очень тебя люблю. А больше, по существу, мне писать

нечего. Разве о погоде. Шел я «домой» по дороге с завода в Кремль – близко, около 600–700 шагов. С замерзшего моря дул теплый ветер, который прямо прижимался к телу. А на заводе, у одного рабочего, я видел табак в жестянке от мыльного порошка с египтянкой, такой же, как в Нижнем. Это вызвало целый поток воспоминаний – конечно, о вас, любимая и любимые! Варька! Пиши мне. Это самое существенное в моей жизни. Целуй Кольку, скажи, что это от папы. Пусть он тебя поцелует за меня. Привет бабушке. Получил письмо от Любы. Скоро напишет еще.

Р[оман]

1. В июне 1989 г. в Соловецком кремле прошла первая в СССР выставка, посвященная истории советских концлагерей «Соловецкие лагеря особого назначения» (авторы экспозиции: художник А.Баженов, фотограф Ю.Бродский, историки А.Сошина и А.Мельник). Во время этой акции был открыт первый памятник жертвам политических репрессий – установлен камень на ул. П.Флоренского в пос. Соловецкий. Экспозиция демонстрировалась в других городах России.

2. В этот период (1 октября 1935 – 20 февраля 1936 г.) Е.И.Гендлин жил в одной комнате с П.А.Флоренским и Р.Н.Литвиновым. Литвинов не только упоминает о его рассказах, он нередко беседует с Гендлиным по-английски для совершенствования своих знаний.

3. Речь идет о П.А.Флоренском.

4. Исключения действительно не произошло: Р.Н.Литвинов, арестованный в марте 1934 г., был расстрелян 8 декабря 1937 г., на четвертый год заключения.

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

8 января 1936 г.

№ 89 <...> Сегодня выходной день, поэтому встал поздно, позанимался со своими учениками по математике, провел с ними практическое занятие по измерению расстояний и пошел на опытное поле километра за $1\frac{1}{2}$ –2 для проб снега. Это моя личная научно-методическая работа. Там повозился до 5 ч., потом обед, приготовление пищи на 2 дня, немного сна, ужин. Свою работу по Арктике продвигаю весьма медленно, т.к. не остается ни сил, ни времени <...>

Мое заявление Вышинскому оставлено **26 декабря за номером тысяча семьсот двадцать шесть**. <...>

Алексей
Феодосьевич
Вангенгейм.
1919 г. Архив
Э.А.Вангенгейм

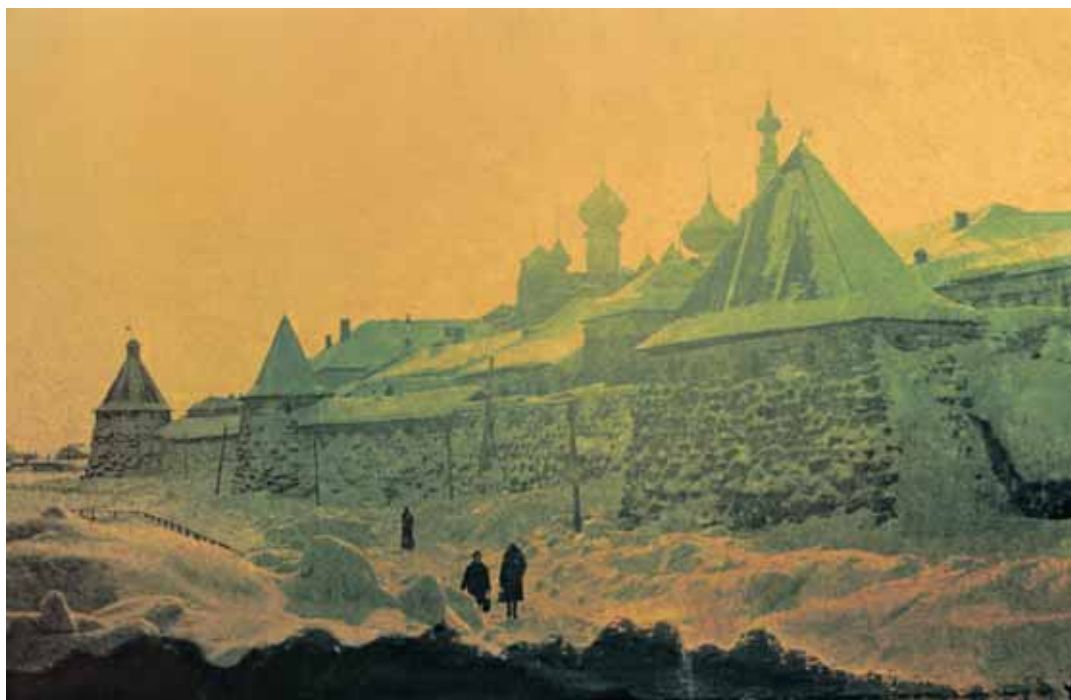

**Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю,
Капитолине**

10 января 1936 г.

Дорогая Виша,

Получил Вашу новогоднюю телеграмму – спасибо за поздравления, будем надеяться, что эти поздравления относятся не принципиально к 1936 г., как новому еще одному году. С этой точки зрения новый год – это еще один год прибавки

Заснеженный
монастырь.
Фото В.П.Столяров.
Конец 1980-х гг.

к моим уже не малым годам, что навряд ли составляет факт, достойный специального поздравления. Кроме того, это один еще год – четвертый без малого моей лагерной жизни, в которой я тоже большого счастья не вижу, в особенности на фоне общей жизни, когда стало жить и легче, и веселей. Конечно, я рассматриваю Ваши поздравления как искренние Ваши желания, чтобы наступила наконец в этом году развязка этого нелепого эпизода.

После моей аппендицитной операции прошло уже больше месяца и можно сейчас уже сказать, что удаленный аппендикс, несомненно, играл определенную роль в моих желудочных пакостях, после удаления его не чувствуется тех резких физических болей и в такой форме, которые меня одолевали весь ноябрь. Надеюсь, что постепенно исчезнут и последние рефлекссы, которые обычно имеют еще место после операции, как об этом уверяют врачи. Как я Тебе писал уже в предыдущем письме, я жду, что обещанные посылки, небольшие по весу, но вполне достаточные, если в них будет масло, сало и сыр, то есть то, в чем необходимо меня снабжать, больше ни в чем не нуждаюсь. <...> Далее я уже в предыдущем письме

сообщал Тебе, что моя новая работа рангом выше прежней. На фоне моих служебных занятий и обязанностей главенствующую роль составляет йодная проблема. Ежедневно не менее трех–четырёх часов уделяю научно-исследовательской работе по водорослям. Провожу ее в лаборатории, которая уже находится в связи с произведенной реорганизацией при йодном заводе. Таким образом моя работа вырисовывается в более радужных и привлекательных тонах, по сравнению с Твоими выводами и заключениями, к которым ты пришла. Появляются на горизонте приятели, добрые знакомые, хорошо, что не забывают. <...>

Скоро три года нашей разлуке¹. Время идет неумолимо вперед, колесо жизни вертится. Будем ждать, когда оно наконец зацепит своей хотя бы спицей и выкинет с острова на берег. Пора, хорошего понемножку. Обнимаю,

Коля

Дорогой Котик, очень рад, что у Тебя такие прекрасные успехи получаются на заводе. Молодец; приятно и ценно также и то, что Твои старания и получаемые результаты получают должную оценку у администрации. Командирование Тебя от завода на учебу – это громаднейшее достижение и дело. <...> Желая от души успеха и здоровья. Остальное само приложится. Радует меня также, что у Вас благополучно все дома, хорошее настроение у хозяина, заводится патефон, приобретены пластинки. Это благополучие, спайку, мирное житие я отношу главным образом за счет Тебя, мой дорогой, и на Твой счет. <...> Очень мечтаю сердечно с Тобой поговорить, надеюсь, что получил бы от этого большое и удовлетворение, и удовольствие.

Отец обнимает и желает дальнейших успехов.

Милая Капочка, шлю привет и лучшие пожелания. Судя по истекшему году, мои пожелания сводятся к тому, чтобы закрепить Ваш общий тон жизни и на предстоящий год, чтобы он был не хуже пройденного. Чтобы то общее благополучие, которое установилось у Вас в Вашей взаимной жизни, Вас не покидало, а, наоборот, нарастало и усиливалось в Вашем уютном гнезде. <...> Что же предполагается и какая политика избрана

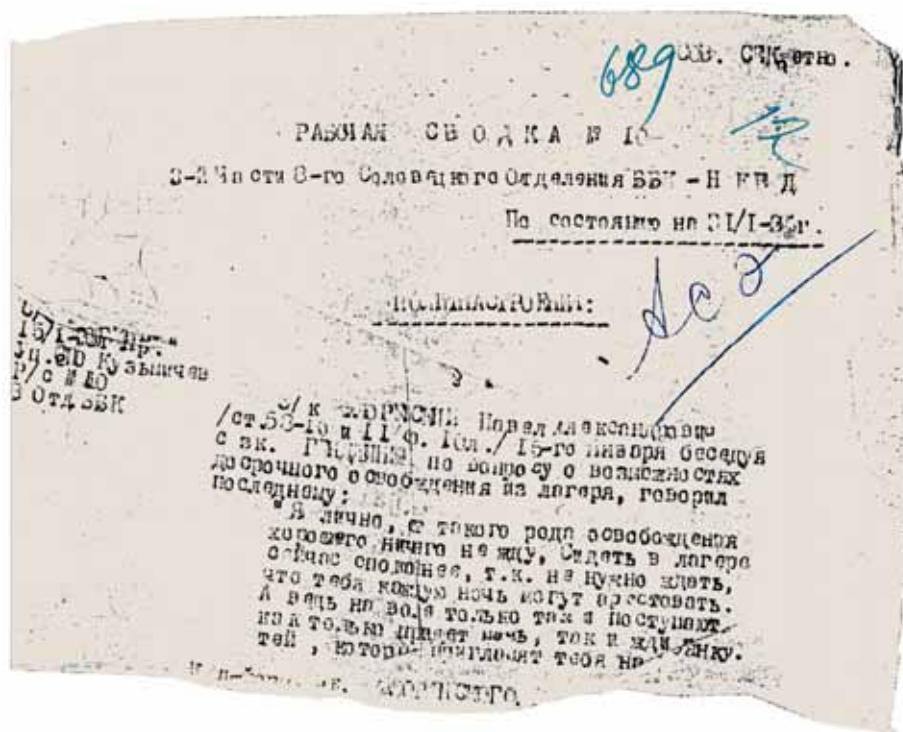
на предстоящий год. Насчет английского языка не мешало бы серьезно подумать и взяться так, чтобы овладеть им и в будущем быть полезным¹ своему мужу и самой извлечь пользу. Дело стоящее, за него нужно взяться серьезно и будет успех. Занимаетесь ли спортом. В частности, ходите ли с Котом на коньки. В этом году морозы небольшие, следовательно, катание должно быть приятное, если имеются катки. Не тянет ли Вас в Сибирь или за это время Вы так привыкли и к Москве, и к новой обстановке, что постепенно начинаете отвыкать от Сибири. Обнимаю Вас.

[Н.Брянцев]

1. Н.Я.Брянцев был арестован 16 марта 1933 г. На Соловках – с 1 сентября 1933 г.

Рабочая сводка № 10,
в которую включен
донос с/о Кузьмичева
от 15 января 1936 г.
Архив УКГБ МО.
Дело № 212 727. Л. 689

Наступил новый год и, как во все времена, принес новые надежды. Среди заключенных участились разговоры о возможности досрочного освобождения или хотя бы об изменении условий жизни в лучшую сторону. Об этом пишут родным, кто более откровенно, а кто завуалированно, и Н.Я.Брянцев (10 января 1936 г.), и П.А.Флоренский (16–21 января 1936 г.), и Р.Н.Литвинов (21 января 1936 г.).

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

16–21 января 1936 г.

Соловки

И.С.Ефимов
в мастерской
во время работы
над скульптурой «Тур»
для с.-х. выставки 1923 г.
(до конца 1940-х гг. «Тур»
стоял в Нескучном саду
в Москве). Рядом
Н.Я.Симонович-Ефимова
и Е.В.Дервиз. Архив
семьи Ефимовых

1936.I.16. Соловки. № 45. Дорогая Аннуля, наконец-то получил от тебя письма, два сразу, № 40 от XII.12 и № 41 от XII.27. Ты высказываешь опасение, что твои письма теряются. Повидимому* все благополучно: получены №№ 34, 35, 37, еще 37, 38, еще 38, 39, 40, 41 и Олино, без № – кажется все. Что же касается меня, то я пишу по 4 письма в месяц, одно из них – маме. Одно меня смущает – качество писем. Ни на минуту, ни днем, ни ночью, не остаешься один, и даже хотя бы среди людей молчащих. В потоках слов не найти своего слова, которое хотелось бы сказать тебе, и боюсь, что ты не улавливаешь этого. Теперь буду отвечать на твои вопросы, хотя на некоторые я уже столько раз отвечал, что становится досадно, как ты не понимаешь меня. Что задумываться о лете? Если я увижу возможность свидания, то буду хлопотать о нем; при настоящем положении оно невозможно и нежелательно. Посылок не присылай: у меня все есть, есть и табак и папиросы; я более чем

сыт. Заботься о себе и о детях, этого прошу, а посылки кроме огорчения мне ничего не приносят. Спрашиваешь, что значит Сп. № 1 или № 2. Ничего особенного, это просто административные подразделения в связи с родом работы. Ты пишешь о бодрости М.Аф. Вот то-то мне и не нравится в твоём, чисто российском, настроении, которое было у тебя всегда, что ты не берешь в жизни того, что тебе дается в данный момент, а ищешь того, чего нет; когда же дававшееся ушло, то жалеешь об ушедшем и повторяешь прежнюю ошибку. Нельзя быть такой пассивной и требовать, чтобы ценности жизни приходили готовыми. Учись у Еф., которые из всякой дряни делают художествен. произведение

и пустяк воспринимают с радостью. Так и всё, даваемое жизнью, надо проработать для себя, воспринять активно, и тогда ты почувствуешь его ценность. Напр., Мик работает на Т. Ст., следовательно приобретает какие-то навыки, чему-то научается. Ну, и очень хорошо. Старайся поощрить его, а не впадать в уныние. Старайся направить его. Занимается фотографией – направь его внимание на интересные и полезные сюжеты, на выработку вкуса и техники, на изучение необходимых для овладения фотографией дисциплин – химии, физики, математики, истории и теории искусства; подсунь ему немецкую книгу по фотографии (можно же где-ниб. достать, вместо того, чтобы покупать мне ненужные сладости!) – он ради книги станет подучивать язык, а там – втянется. Попроси, наконец, руководителя, чтобы он подсунул Мику какую-ниб. интересную и необходимую в работе немецк. книгу. В сущности говоря, ведь это здоровое противление творческой натуры – не изучать ради изучения и вообще, раз нет в изучаемом органической связи с общим укладом всех интересов и занятий на данный момент. Я хорошо знаю, что языки Мику будут безусловно необходимы, потому и беспокоюсь об его обучении. Но надо сделать так, чтобы и сам он, теперь же, почувствовал эту необходимость, пока не поздно, потому что впоследствии станет уже невозможным удовлетворить ее.

1936.1.20–21, ночь. Вчера, наконец-то, настал крещенский мороз, крайне необходимый мне по работе; но природа отнеслась формально к своему чину, и это был не столько мороз, сколько весьма сильный и холодный шторм. А сегодня затихло и вновь потеплело. Ты все спрашиваешь о зачетах раб. дней. Говорят, ожидаются какие-то нововведения, но я не люблю загадывать вперед и даже не знаю, сколько у меня зачетов. Живу настоящим днем, т.е. каждодневной работою. Последнее время возросло у меня не только число хлопот по служебной работе, но и число лекций, по общественной. Занимаюсь дидактическими экспериментами. Один курс, начатый в прошлом году, веду линиями, связ[ан]ными и с углублением в основы, а другой, с молодыми инженерами, – возможно практический, на ряде примеров и задач поясняя наиболее существенное, и притом в разрезе, не излагаемом в учебниках. Последний способ, как более легкий, повидимому* находит более отклика у моих

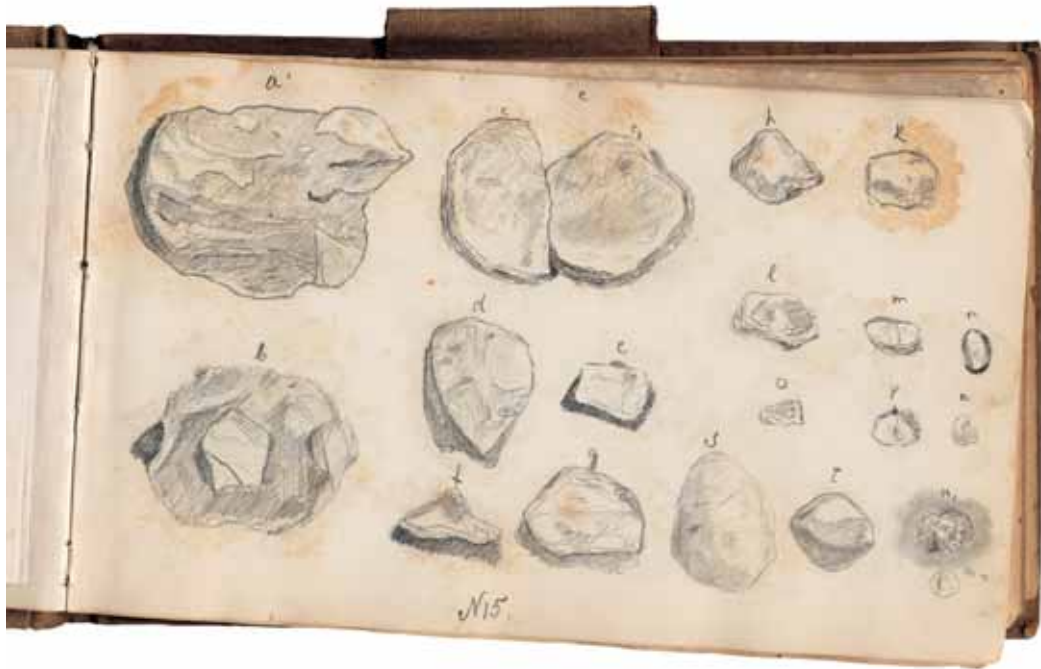

З/к Флоренский Павел Александрович.
Рисунок неизвестного художника. Январь 1936 г.
Архив семьи Флоренских

слушателей, хотя не очень-то охотно выходят они к доске – стесняются, очевидно. Стараюсь брать задачи поучительные и по содержанию и по приемам решения.

Посылаю Кириллу набросок – портрет; не хотелось посылать его, все говорят, что он не похож, да и сам я чувствую то же, но другого нет. М.б. Кириллу будет приятно. Это – ко дню его рождения¹, т.е. с большим опозданием. Ты не пишешь, чем болен Шура и как его здоровье. Сообщи также, как здоровье Саши и как зовут второго², я не знаю. Поблагодари Клавдию за память и кланяйся ей. Кланяюсь бабушке. На днях посылаю тебе неск. денег, непременно истратить их сейчас же – подкормись и подкорми детей. Эти деньги у меня лишние. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля, будь здорова.

Дорогой Мик, я спрашивал тебя, чем ты занимаешься на Т. С., и в тот же день получил твое письмо, из которого узнал о твоих занятиях фотографией. Это хорошо. Но необходимо тебе не просто щелкать затвором, но и научиться владеть фото-съемкою, т.е. знать, как достигнуть желаемых результатов в каждом отдельном случае, как избежать ошибок и отчего происходят те или иные недостатки, и наконец ясно представлять себе суть фотопроцесса. Хорошо было бы, если бы ты достал себе книжку Арьякаса по фотографии³ и изучил ее, внимательно вчитываясь в каждую страницу. Меня лично особенно интересуют снимки растений и отдельных их частей, вроде тех, какие в свое время делал Вася. При случае спроси совета у С.И. Ты живо описал поимку совы и филина, я читал это описание своим товарищам по камере, и они остались довольны. А видел ли ты белую сову, которую, как я писал тебе в одном из ноябрьских писем, с здешней выставки отправили в Москву, вероятно в зоопарк. Сова эта такая красавица, что ты наверное обратишь на нее внимание, если увидишь. Спроси кого-нибудь, не получена ли в зоопарк белая сова. Когда я был совсем маленьким, у моего отца стоял в кабинете копировальный пресс; я много занимался этим прессом и в частности делал оттиски и листьев и цветов на поверхности влажной глины: получались тонкие отпечатки, которые интересовали меня как воспроизведение природных отпечатков растений на камен. породах. Впоследствии* я (в Meyer's Konversations*-Lexikon⁴) встретился

Отпечатки
окаменелостей.
Рисунки
П.Флоренского из
«Альбома набросков и
чертежей по геологии,
археологии и др.
наукам. Коджоры,
Манглис, Кутаис,
Москва. 1898–1899,
1900, 1901, 1902».
Архив семьи
Флоренских

со способом репродукции полиграфической, основанном на том же начале: сухие листья и цветы при надавливании на поверхность свинцового сплава дают тончайший оттиск жилок, с которого можно печатать или непосредственно, или через промежуточное гальвано. А теперь я узнал, что если свежий лист положить на стальную или железную плитку и над листом взорвать пироксилиновую шашку, то получается оттиск тончайших жилок; самое замечательное в нем: выпуклости под выпуклыми местами листа и вогнутости – под вогнутыми. Крепко целую тебя, дорогой Мик.

Дорогая Тика, как же сошли у тебя занятия за 1-ую половину года? По географии ты можешь набрать много сведений, ведь у нас разъезжают из конца в конец и могут поразсказать* тебе о виденном ими. Необходимо только тебе иметь почаще перед глазами геогр. карты и следить по ним, кто куда ездил, какие там реки, города, жел. дороги, горы и т.д. Очень полезно стараться выучивать геогр. карту в главных чертах наизусть и для этого чертить ее самой по неск. раз, сперва срисовывая, а потом на память. Потом еще хорошо затевать геогр. игры:

напр. кто больше назовет рек, гор, городов и т.д. на ту или другую букву. Такую игру можно вести даже и без кого-либо, задав себе задачу подобного рода и стараясь ответить на нее. Можно устроить еще игру – воображаемое путешествие. Задаться мыслию поехать в какую-нибудь далекую страну и совместно чертить свой путь, рассказывать*, куда приехали, что видели, что встречается вам. Я думаю, это было бы занятно. Вот напр. я описывал тебе соловецкую природу. Попробуй рассказать* маме или кому-ниб. в связном виде все, что ты запомнила из моих рассказов*, но рассказывай* стараясь живо представить себе все, как если бы ты сама это все видела своими глазами.

Очень скучаю по своей дорогой дочке и все думаю, как она живет с мамочкой. Чаек теперь нет и некому рассказать* про Тику. Но, я надеюсь, весной, когда они прилетят, то привезут и вести об ней. Пока же пусть сама она пишет. Крепко целую свою Тику. Научилась ли ты читать мои письма, или тебе их читает мамочка?

1936. I.16–17. Дорогой Кирилл, получив твое письмо я удивился словам, что я не пишу тебе. В каждом письме пишу, если только не послал отдельно для тебя бабе Оле. Что-то это не так. Неужели же ты не получаешь моих писем? Мне тяжело и грустно при сознании невозможности помочь тебе, т.к. главное, чего хотелось бы мне, – поделиться с вами опытом жизни и передать вам то, что есть у меня, единственное, этот опыт. Читаешь ли ты мои письма к братьям и сестрам. Ведь каждое из них я пишу собственно ко всем, но только с индивидуальным оттенком содержания. К сожалению, у меня слишком много замыслов, на которые ушло и время и работа, но недоработанных или, что хуже, неоформленных, и замыслы эти пропадают и пропадут. Кое что* стараюсь указать короткими фразами писем, но, боюсь, это слишком кратко, чтобы дойти до сознания. Ты пишешь о Гирне и удивляешься устарелости его книги⁵. Но ведь эта книга написана лет 70 тому назад, при начале развития энергетики, и притом не философом. Философские книги могут сохранять вечную свежесть, научно- же философские необходимо стареют, поскольку появляется существенно новый материал. Тем не менее необходимо знакомиться

I Повтор в тексте.

в подлинниках и с устаревшими научн. и научн.-фил. сочинениями, т.к. только при этом условии становится понятен истин. смысл терминов и воззрений, выдвигаемых после; а кроме того весьма нередко моменты, устаревшие к одному времени, становятся полноценными ко времени более позднему и могут навести на интересн. размышления. Так напр. суждения Шеллинга⁶ о тяжести света и электричества и т.п., казавшиеся нелепостью в середине XIX в., приобрели в наст. время полную значимость. Разсуждения* древних (Демокрита, Эпикура, Платона и др.) о форме (геометрич.) атомов как причине их физ.-хим. свойств и затем физиков XVI в. (Бойль и др.) в том же направлении получили новый смысл и мотивировку в теории Штаудингера⁷, Марка⁸ и др. и в структурном рентгеновском анализе. В XVIII в. существовали текстурные классификации минералов; в моих работах, напр. по слюде⁹, эта концепция получила красивое подтверждение, хотя подошел я к ней, исходя из общих представлений о реальности пространства-времени и о значении геом. формы как фактора природных явлений. Этот вопрос о пространстве-времени как факторе, и основном факторе, думается, есть узловой в мировоззрении ближайшего будущего, сюда надо смотреть. Даже такое широкое понятие, как диссипация (разсеяние*) реальности, частным применением какового можно считать II принцип термодинамики, есть только тодно¹ из ответвлений общего вопроса о пространстве-времени. Оно реально, а не субъективно и фиктивно, это первое. Как реальное оно действует и, следов., есть фактор (в восточной средневек. философии говорили: «только небытие не имеет деятельности – ἐνέργεια»). Отсюда концепция о форме как факторе (а эта концепция сплетается с принцип. относительности) и отсюда повышенный интерес к текстуре. Во многих случаях значение текстуры, в главном, определяется большой уд. поверхностью и кривизною ее. Обычно (напр. в коллоидн. химии) отмечается лишь значение уд. поверхности и дисперсность фазы оценивается только с этой стороны. Но помимо уд. поверхности высокодисперсн. фазы характеризуются еще и большой кривизной. Пока кривизна невелика, переход от одной кривизны к другой мало заметен, но он делается оч. заметным при малых значениях кривизны (гипербол.

I Описка, получившаяся из-за исправления *то* на *одно*.

зависимость). Напр. эл.-хим. потенциал, скорость реакций и т.д. пропорциональны логарифму кривизны.

Крепко целую тебя, дорогой, будь здоров и весел.

Дорогой Олень, спрашиваешь о Расине. Поливановского издания я не видывал, но, полагаю, там подобраны наилучшие из существовавших тогда переводов Расина (ты почему-то пишешь Россин, делая из него вариант Россини), а Поливанов был грамотен и не без вкуса. Однако к Расину более, чем ко многим другим поэтам, следует относить общее правило о невозможности переводить поэтов – можно лишь воссоздавать*. Получаются в переводе тяжеловесные и непроизносимые вирши, в которых не находишь и следов французского, и притом придворного, и притом XVII века изящества. Поэтому по русски* читать – читай, но постарайся хотя бы одну пиесу прочесть в подлиннике, и притом не глазами, а вслух, притом не говором, а распевно, с чтением *é muet*¹ на концах стихов, как это требуется французской просодией, а особенно требовалось в XVII в.

Листочка крыжовника не получил.

Обращаю твое внимание (это из совсем другой области) на географические названия со стороны их смыслового значения и корня. Это чрезвычайно важное подспорье в истор. географии и в истории. По геогр. названиям часто удается вскрыть историю местности и страны, отождествить местность и т.д., выяснить этнический состав первонач. населения и т.д. Есть замечательная книга: *Berard, Les Origines de l'Odysseo et les Phéniciens*. Берар¹⁰ доказал, что когда территория переходит от одного населения к другому, то геогр. названия либо сохраняются буквально, делаясь непонятными для позднейших насельников, либо переводятся на новый язык, затем могут быть снова переведены и т.д. Таким методом ему удалось разыскать все места, упоминаемые в «Одиссее», доказать не только их реальность, но и замеч. точность гомеровских описаний и т.д.

Недавно встретила мне статья А.Мадуева¹¹ («Сборн. статей в честь ак. А.И.Соболевского», Л., 1928, стр. 26–27), в которой доказывается, что обычное объяснение слова Саратов как *татарского Сара-тау* – Желтая гора – совершенно неверно, а должно быть заменено иным: Sarata, Saratı или Saratu, то же

I Немного (фр.).

Комаровский В.А.
Священник Павел
Флоренский.
1924 г.
Собрание семьи
Флоренских

что Сарата, Серет, есть слово арийское и означает просто «текучая», «текучка» (в др. индоевропейском *sāra* – вода). Подобн. образом мордовское Ра^у, название Волги, есть то же, что древнегреч. Ра^υ – Волга – река. Крепко целую тебя, дорогой Олень, не кисни и не капризься. Еще раз целую.

Дорогой Васюшка, меня очень беспокоит твое неправильное отношение к работе и к здоровью. Ты перегружаешь себя и, мало того, не возобновляешь сил, чрезмерно растрчиваемых, едою вовремя и в достаточн. количестве. Во первых, неужели ты непременно хочешь попасть в положение Оли? Ведь истощенный организм не сопротивляется даже пустяковой болезни, а современному гриппу – в особенности. Всюду – осложнения

после гриппа, ведущие к инвалидности. А, кроме того, ты же должен сделать что-ниб. целостное и значительное, и надо дать ему созреть хотя бы в относит. покое, нельзя все в себе перебаламучивать внутренней сумятицей. Нежелание организовать свою жизнь даже в отношении простейших сторон ее, еды, сна, отдыха, есть признак, указывающий или на ложные мысли, или на растерянность, а я не хочу видеть в тебе ни того, ни другого. Сколько лишних, легко устранимых страданий доставляете вы мамочке своим упрямством и неосмотрительностью!

Моя жизнь идет по-прежнему, настолько внешне однообразно, изо дня в день одинаково, что я утрачиваю чувство времени. День мелькает за днем. Пожалуй, скажу, что сделано немало, но это не то, к чему я призван, и не дает непосредственного питания мысли, хотя и обогащает, но внешне. Складывается более плотный опыт в области коллоидов и органической химии, отчасти биол. химии, точнее сказать наматывается глаз и набивается рука. Чувствуешь себя более или менее овладевшим рядом процессов, о которых многие имеют лишь смутное понятие. Но в моем возрасте – слишком большая роскошь подходить ко всем явлениям с такою щедрой затратой времени: надо делать выводы, обобщать, суммировать. Но и в производимые работы некогда вглядываться с желательной пристальностью: ведь требуется скорее, скорее приступить к производству, скорее, скорее давать больше и больше продукции, даже теперь, в кустарно-мастерских условиях. Количество (ненавистная мне категория мышления!) убивает, т.к. уже сейчас требуются килограммы вещества, для чего приходится оперировать с тоннами воды. С детства категория количества была моим врагом и слово «много» приводило либо в уныние, либо в ужас, либо вгоняло в тоску. А производство все построено на «много». Как здоровье Наташи. Привет ей. Получила ли она мое письмо? Крепко целую тебя, дорогой Вася. Мне жаль, что лекции по математике, которые я веду, проходят мимо тебя, думаю, они могли бы тебе быть полезны. Еще раз целую.

Конверт самодельный (250×215 мм) из обойной бумаги, узором внутрь. Марки: 2×5 коп. и 2×15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 18.02.36; Загорск – 21.02.36. Надпись красным карандашом: «Заказное».

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области. Анне Михайловне Флоренской. Пионерская ул., д. 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 2».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1936 г. 22 февр.»

Письмо на двойном листе (355×223 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

В конверт был вложен карандашный портрет П.А.Флоренского.

1. К.П.Флоренский родился 14 декабря 1915 г.

2. Речь идет о втором сыне Андрея Александровича Флоренского Леониде.

3. *Арьякас ГЯ*. Введение в фотографию: Пособие для учащихся любительской фотографии. М.; Л., 1927; 1931.

4. Meyer's neues Konversations-Lexicon. Galzfotten–Thebinghaufen, 1867. По мнению Ф.Мирау, это раннее пятнадцатитомное издание разговорного словаря было в семье Флоренских в Тифлисе.

5. Г.А.Гирн, автор книги «Механическая теория теплоты». *Hirn G.-A. Théorie mécanique de la chaleur, confirmation expérimentale et démonstration analytique de la seconde proposition de la théorie*. Paris: A.Tramblay, 1863; 2-е édition, Paris: Gauthier-Villars, 1865; 3-е édition, Paris: Gaithier-Villars, 1875.

6. *Шеллинг Ф.* О мировой душе. Гипотеза высшей физики для объяснения всеобщего организма, или Разработка первых основоположений натурфилософии на основе начал тяжести и света // *Шеллинг Ф.В.И.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 89–181 (напр., с. 96).

7. Г.Штаудингер, немецкий химик, один из основоположников химии высокомолекулярных соединений. Доказал, что полимеры состоят из больших молекул. Ввел термин «макромолекула», разработал теорию строения полимеров. Исследовал многие природные и синтетические полимеры. *Staudinger H. Anleitung zur organischen qualitativen Analyse*. Berlin, 1923. 2 Aufl. – 1929.

8. Г.Ф.Марк, американский химик. Иностраннный член АН СССР (1966). Основные труды по методам исследования полимеров, моделированию биополимеров, синтезу стереорегулярных термостойких полимеров. *Mark H. Die Verwendung der Röntgenstrahlen in Chemie und Technik*. Leipzig, 1926.

9. *Флоренский П.А.* Слюда // *Техническая энциклопедия*. Т. 21. М., 1933. С. 259–304.

10. В.Берар, французский ученый, переводчик сочинений Гомера. *Berard V. Les Origines de l'Odisséo et les Phéniciens. Berard Victor. Les Phéniciens et l'Odyssée*. Paris: Armand Colin, 1902–1903 (*Берар В.* Финикийцы и Одиссея. Париж, 1902–1903).

11. *Мадуев А.* Из области топографической ономастики южного Поволжья («Саратов») // Сб. ст. в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня рождения Академиею наук по почину его учеников под ред. акад. В.Н.Перетца. С. 401–402.

*Федерала 16/5
г. Волжского
Замнаркома
Протокола
Сам по загранич
Н.В. Укина
16/5 1936*

С.А. Мухоморов

662

РАВНА.

(составлена по обвинительному заключению след. архивного дела №-2886/212727).

ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович 1882 г. рождения, русский, гр-н СССР, уроженец ст. Евлах, б. Елизаветпольской губ., из дворян, б/п, с высшим образованием, женат, служитель культа не снявший сана, профессор богословия и математики.

В 1928 году ФЛОРЕНСКИЙ привлекался органами б. ОГПУ как участник к-р группировки церковников - был осужден к заключению в ИТД, сроком на ТРИ года.

К моменту ареста работал научным руководителем отдела материаловедения В.Э.И.

ФЛОРЕНСКИЙ П.А. по данному делу обвинялся в том, что совместно с проходившим по делу ГИДУЛЯНОВЫМ П.В. - являлись инициатор к-р националистической, фашистской организации, именовавшей себя "Партией Возрождения России" и на основе выработанных установок руководившие политической, организационной и практической ее деятельностью.

Ставили своей задачей вооруженное свержение Советской власти с установлением фашистского строя в стране. Ориентируясь на фашистские и националистические круги Германии, рассматривали их, как "возможных союзников в деле организации интервенции", завязали и поддерживали тесную связь с эмиссаром фашизма д-ром ШТЭЙН и профессором ОТТО ГЕТЧ, приезжавшими в СССР под видом научных работников.

Передавали ШТЭЙНУ сведения о состоянии промышленности, экономическом и политическом положении СССР и одновременно получали и проводили подготовительную работу к развертыванию вредитель-

663

ской и диверсионной деятельности "на случай войны и интервенции". Поддерживали прямую связь с белогвардейской эмиграцией, руководили работой по созданию филиалов организации, занимались вербовкой новых членов и проводили установки об индивидуальном терроре против вождей партии и правительства.

Постановлением Тройки б.ШП ОГПУ МО от 26/УП-1933 г. - ФЛОРЕНСКИЙ Павел Александрович приговорен к заключению в ИТЛ, сроком на 10 лет, считая срок с 25/УП-33 года.

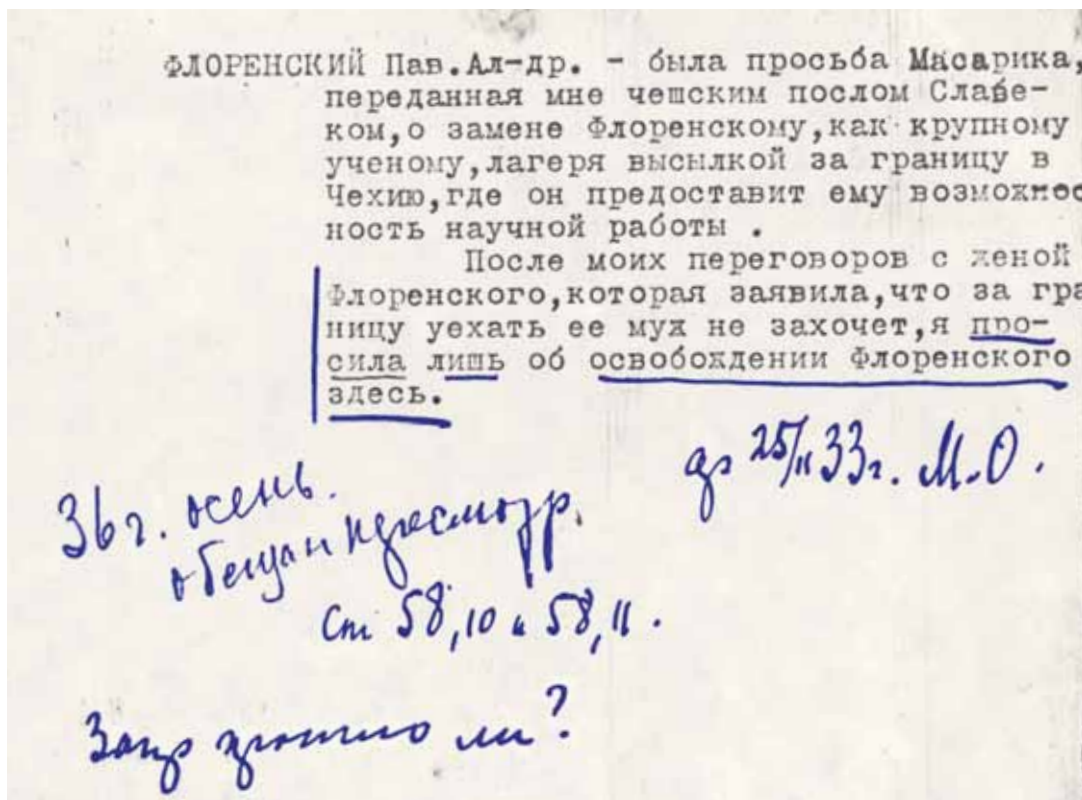
По справке ГУЛАГ'а НКВД ФЛОРЕНСКИЙ П.А. содержится в Ксеньевском отделении БАМЛАГ'а НКВД.

СЕКРЕТАРЬ УСО ГУГБ НКВД:

(Серебряков)

16-го января 1936 года.

Справка о з/к Флоренском П.А., возможно, составленная в ответ на запрос Е.П.Пешковой.
Сверху резолюция: «Передана 16/1 36 т. Полякову для замнаркома тов. Прокофьева.
Написана по заданию тов. Генкина 16/1 1936. Серебряков»
Архив УКГБ Московской области. Дело № 212727. Л. 662-663

Одна из «памяток», составленная Е.П.Пешковой для хлопот о судьбе П.А.Флоренского. Архив А.М.Горького в ИМЛИ РАН, фонд Е.П.Пешковой. ФЕП-био 20-2-55. Сведения для НКВД о Флоренском Павле Александровиче. 1933-1936-1937-1939 март. Л. 2.

Р.Н.Литвинов – Л.Н.Литвиновой

17 января 1936 г.
 Остров Соловки

Милая Люба. Наконец получил два твоих письма, из которых усмотрел, что климат тут гораздо мягче, а общество приятнее тарского. Пока что термометр, снизившись ниже нуля, до -10 не решился спуститься. Погода чисто западная – зима почти что калишская¹, только очень много снега. На озере расчистили каток и кое-кто катается на коньках, но этот спорт мне неприятен, и я иногда хожу в кочегарку нашего завода колоть дрова, что доставляет мне большое удовольствие. Письма доходят с большим опозданием, причем почему-то твои идут как правило скорее Вариных. Относительно таинственных припасов съедобного назначения я не сомневался в части жира, но вот порошок был таинственен. Тут, по крайней мере, никто не смог сказать, что это такое.

Житьишко в материальном отношении неплохое. Здоровье в порядке, пища достаточная и сытная, а в нашей ИТР-столовой даже вкусная. Как образец приведу сегодняшнее меню. Утром: завтрак из винегрета, большой пирожок, грамм на 300, из белой муки, и две чашки сладкого кофе с молоком. Обед: рассольник с почками, на второе макароны с солониной, на третье – две чашки киселя. Хлеба получаем 800 гр., из них гр. 300 за небольшую доплату можно иметь в виде белого. В ларьке есть кое-что съедобное: из существенного консервы рыбные и мясные, из несущественного яблоки моченые, повидло (очень хорошее) и коврижка. Вчера был даже рахат-лукум, но продержался только полдня. В прошлом месяце я получал с Флор[енским] по 0,6 кг молока ежедневно и бесплатно, но так как я сам выписываю, вернее, подписываю ведомость на молоко, то по деликатности себе и ему не выписываю, тем более что и сам я не люблю его, а он и вовсе не пьет. Так, больше варили кашу, а молоко проугащивали.

Работы много, сначала она была, пожалуй, неприятна, потому что я давно уже утратил всякие связи с производством, а теперь стала азартнее и гораздо интереснее. Бывает, что сходишь на завод и ночью, на сдачу бригадами смен, пришлось продежурить как-то всю ночную смену при введении графика работ – и все это с большим удовольствием. Когда настает весна – я жду ее с нетерпением – если я уцелею в Йодпроме, я пущусь по всей береговой линии на наши пункты по сбору водорослей. Как ты видишь из моих писем, я тут устроен очень неплохо. <...> Но без Варьки и сына очень уж тяжело. И скучно без нее, и жалко ее. Она молодец. В особенности я ценю ее геройское отношение к письмам. Пишет она очень аккуратно – письма четыре в месяц, а за четыре года нашей жизни она написала не больше 5–6 писем, чувствуя к письму полное отвращение. Письма пишет обстоятельные и нежные. Но, конечно, ей страшно тяжело. И все-таки письма всегда бодрые. Большое мне утешение – это мысль о том, что с ней бабушка. Это действительно редкий человек. Мальчишка только, боюсь, с ними разбалует, хотя, вероятно, и при мне это было бы и может быть в еще более сильной степени. Ну, что будет, то будет. Читаю персидских поэтов, занимаюсь немного высшей математикой, дочитываю случайные англороманы,

пробовал читать русских – темп чтения остался, а очарования запоя нет – скучно, в особенности модерн. Видимо, устарел. Печальный признак действия всего протекшего времени – поразительная дырявость памяти. Выскакивают имена, формулы, цифры, нужные дела – а с другой стороны, обнаружилось, что я начинаю знать не только англо-русский, но и русско-английский словарь. В нашей комнате один из жильцов² прожил лет 10 в Австралии и Америке. С ним я иногда разговариваю по-английски, а иногда вечером он рассказывает свои впечатления о пережитом. Джек Лондон с удовольствием подписался [бы] под его рассказами – а между тем он не сочиняет. Ну, жалею, что не взял листа побольше, норму нельзя перекрывать, кончаю. Пиши, пожалуйста. Целую.

Р[оман]

1. Калиш – город в юго-западной части Польши. Климат умеренный с чертами континентального, средняя температура января –1–3° С, июля +16–19° С.

2. Е.И.Гендлин.

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

21 января 1936 г.

Остров Соловки

Милая, сегодня я был в своем служебном кабинете. Кипяток вскипел, я налил кружку, чаю насыпал по рассеянности несколько больше обыкновенного, потом ушел на несколько минут – а когда пришел и стал его пить, то с резкой ясностью вспомнил последний стакан, выпитый мною дома. Какая ты заботливая и внимательная! Верно и ты его не забыла. Он был крепкий, сладкий и с темплоховским. Вот я и вспоминаю – чай, сынишку и тебя. С некоторым страхом думаю о том, что Колька растет с месяца на месяц, жизнь моя – остановилась на последнем стакане чая, а там медленно жизнь ползет, и если я увижу тебя – то ты будешь очень приятной, но малознакомой дамой, а я буду еще меньше походить на денди, чем в 34 году. Эти лица, может быть, совсем не так подойдут друг к другу, как подходили прежние. Но нужно сознаться, что больших страхов в этом

Роман Николаевич Литвинов. Ок. 1930 г.
Архив семьи Литвиновых

направлении у меня нет, потому что то, что у нас было, – было настоящее, а настоящее не проходит. Сам я отращиваю бороду, стригусь вовремя, что здесь очень ценится, а мною проделывается в честь некой нижегородской дамы, которая любила парикмахеров, – и иногда на меня нападает желание побриться и уехать к тебе. Но так как вторая часть желания неисполнима, а первая вызовет хронические хлопоты, то я и не бреюсь. Живу настолько по-прежнему, что даже писать стыдно. Стремительно встаешь, потому что легли немножко поздно, бежишь в столовую, оттуда на завод, вертишься, рассчитываешь, охашь, пьешь чай и, не успев опомниться, – идешь обедать. После обеда высыпка – потом частные дела. Порой немножко считаешь, иногда лекция – чужая или своя, а завтра то же самое и послезавтра тоже. Хорошо, что время течет страшно быстро – не замечаешь недель. Здоровье в удовлетворительном, можно сказать, состоянии. Намедни я немножко простудился – был насморк и даже один день покашлял. Погода у «нас» тут стоит прежняя, т.е. теплая. Был один морозный день. Подул норд-ост. Воздух тут всегда сырой. Утром было совсем темно, потому что в воздухе повис кристаллический туман

Прядильная
и Керженковская
башни (1584).

Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. I, № 12. Июль 1926 г.

«Глеб Бокий» во льдах
(декабрь 1925 г).
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. II, № 5. Январь 1927 г.
Собрание Ю.И.Комболина

такой густоты, что фонари были видны не ближе¹ чем за пять шагов. Холод был почти нижегородский. Даже на усахросло некоторое количество сосулек. Это продолжалось меньше суток, а потом обычный легкий холод, градуса на три–четыре. Зато снега – завались – все бело. Из окна лаборатории уже не видно темной полоски моря, а все, куда ни помотришь, белое, белое. Теперь понимаешь, что было за что назвать наше море Белым. Но солнце начало явно прибавлять часы своего дежурства. День еще не такой, чтобы можно было начинать работу и кончать ее без электричества, но часа [на] три–четыре уже можно выключать его. Аэропланы уже начали систематические полеты. Уже приходят свежие газеты. Ждем писем. Говорят, что с последним аэропланом пришла большая почта, но пока что ее еще не раздали. Жду, конечно, с обычным нетерпением, но, к глубокому сожалению, никак не могу написать тебе что-нибудь действительно приятное. Тут, конечно, всякие разговоры о скидках и о том, что просидев полсрока, можно рассчитывать на условное освобождение. Это «пока что» меня никак не устраивает и поэтому не волнует. Через пару месяцев картина станет яснее, и тогда можно будет [на] что-нибудь рассчитывать. Никаких реальных планов нет, а там видно будет. Могу только сказать, что начальство намекнуло моему

¹ Так в тексте. Вероятно, *не дальше*.

приятелю и мне, что если наши работы увенчаются успехом, то можно ждать изменений в положении. Но работы не то чтобы очень [поотдалились], так что рассчитывать на что-нибудь в этом направлении затруднительно. Вот и все, по существу, небогатые новости, которых, в сущности, и нет. Можно, пожалуй, добавить, что бессонницей я не страдаю и, как говорят, имею цветущий вид.

Арки у западной
стены Кремля.
Фото Г.В.Смирнова.
2007 г.

Нужно что-нибудь рассказать о быте соседей. Соседи люди культурные – инженеры и техники. Правда, что некоторые не совсем грамотны и в техническом, и в орфографическом смысле, но в общем очень разнообразная и, можно сказать, приятная публика. Вечером в коридоре у наших дверей собирается молодежь. Есть гитара и мандолина. Играют очень недурно. Репертуар – «черные глаза», румба, кое-какие фоксы¹ и потом, к горю моему, «Кармен»¹. Часть играет в шахматы, часть в домино. Кое-кто разговаривает о том и о сем. Потом наступает смена. Часть укладывается спать, а на смену приходят другие. Юный художник, он же поэт, с приятелем начинают декламацию. Декламируют стихи и свои, а больше чужие. Самое поразительное, это то, что они знают и помнят стихи вообще хороших поэтов. Из современных упоминается и цитируется только Пастернак, которого я не очень люблю, да и они признают, что это товар не самого первого сорта. Гумилев в большом почете, Тютчев, Блок. Нужно добавить, что его (юного художника. – *Ред.*) собственные стихи несомненно очень хороши, а рисунки еще лучше. Тут, конечно, есть много стенгазет, и в проектной газете великолепны и просто рисунки, и особенно карикатуры. Текст, насколько я наблюдаю, очень мало читается, а картинки очень сильно обсуждаются. Так как художественный элемент имеется в большом выборе, то хороших картинок тоже много.

О спорте я писал в прошлом письме. В нашей комнате живут два конькобежца. Одному 50, другому^{II} 47 лет. Твой старикашка никогда не любил коньков. Гимназистом приходилось кататься, а студентом уже нет. Коньки достать можно, но не хочется заниматься этим делом, да, в конце концов, и некогда. Других видов спорта как будто нет. Боюсь, что летом (видишь, я строю летние планы) и покупаться как следует не придется. Таких изумительных условий, как в прошлом году, в этом, вероятно, не будет.

Как поживает Николай Романович? Передай ему от меня привет. Неплохо было бы, если бы он сочинил бы для меня стихи, и если он не очень занят, то написал бы мне письмо, только покороче. Слушаются ли его домашние? Не собирается

I Фокстроты.

II Н.Я.Брянцев.

ли он сниматься? Не обижают ли его дяди? Как поживает Гарри? <...> Крепко целую тебя, любимая моя и хорошая девочка, самая любимая старуха! Думаю о тебе постоянно со страхом и самой острой любовью. Пиши мне. Целуй бабушку, Кольку. Привет родственникам. На днях пишу последнее.

Твой Р[оман]

1. Возможно, речь идет об арии Кармен «Любовь, любовь» из оперы Ж.Бизе «Кармен» (1874).

Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю, Капитолине

22 января 1936 г.

Дорогие и любимые мои Виша, Котик с Капочкой.

15/1 докатилось до меня Твое письмо с Дагиным приложением. Внимательно прочел Дагино послание. Поражает общность наших мыслей и желаний, несмотря на то, что нас отделяет такое большое расстояние и довольно длительный для нашего нервного века период разлуки. Как нам одинаково дороги некоторые наши семейные даты и как мы одинаково реагируем на них. Во всяком случае, письмо Дагочки <...> очень трогательно и сердечно <...>, из которого ясно, как они себя чувствуют, поживают и как вспоминают маменьку, брата и близких людей. Очевидно, два пирога, заказ на которые Котик получил с двух разных сторон, вышли удачными и очень вкусными. Ты, моя дорогая, очень права, когда говоришь, что я был бы очень рад видеть в тот момент нашу молодежь, как она изощрялась на Дагином пятачке по части фокстрота, и еще более доволен, как они после этого уписывали пироги, прочую закуску и с необходимым приложением. Совершенно верно. Рассчитываю, надеюсь, что такие моменты еще будут у меня, желал бы только, чтобы они были как можно скорее. Не представляю себе этого момента, когда мы вместе очутимся за одним столом. Что будет тогда! <...> Следует, по-видимому, мне включиться в эту теплую компанию, тем более после всех моих желудочных перипетий. С 15 января уже я больше болей не чувствую и очень рад этому. Извели они меня за

Одна из башен
монастыря.
Фото Г.В.Смирнова.
2006 г.

2¹/₂ месяца. Появился у меня аппетит и бодрость, в особенности после впрыскивания мышьяка, которое у меня происходит каждый день. Считаю и с каждым днем убеждаюсь, что аппендицитная операция нужна была, так как после нее у меня нормально происходят пищеварительные процессы, весьма существенный фактор. Но, независимо от аппендицита, несварение желудка тоже констатировано. В общем как одно, так и другое – большая пакость. Совершаю ежедневно прогулочки, а по выходным дням и более солидные, так верст на 7–8, они очень укрепляют и хорошо действуют на меня. Довольно длительное воздержание от пищи, мышьяк и прочее теперь дают себя

чувствовать, и я начинаю с большим нетерпением ожидать обещанных Вами посылок, которые должны выражаться в виде жиров в том или ином виде. Не следует особенно мудрить над ассортиментом. Хорошо, что приятели меня здесь стараются пичкать, кто куском сала, кто маслицем, одним словом, кто во что горазд. <...> Если встретятся на пути затруднения денежные, то ликвидируйте мое кожаное пальго. <...> Будь добра, перешли мои самые сердечные и горячие пожелания Дагочке и ее благоверному. Желаю им, каждому по специальности своей, успеха в их деятельности. Обнимаю Вас, мои дорогие и родные, настроение у Тебя, вижу, более оптимистично и полно всяких надежд. <...>

Обнимаю и целую.

Ваш [Н.Брянцев]

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой, сыну Николаю

24 января 1936 г.

О. Соловки

Милая и любимая Варенька! Вчера получил твою открытку от 11.I <...> Таким образом, скорость движения писем возросла, хотя декабрьские твои письма и первое январское, видимо,

Собака Р.Н.Литвинова
Гарри. 1930-е гг.
Архив семьи Литвиновых

еще в пути. Погода у нас установилась выюжная, так что движение аэропланов становится не совсем надежным, так что я опасаюсь, что ты получишь это письмо вместе с предыдущим. Очень огорчен и Колиной болезнью, и смертью Гарри. Надеюсь, что к получению этого письма Коля уже будет здоров. Что же касается Гарри, то я так и думал, прощаясь с ним, что больше его не увижу. Жалко старикашку! Помнишь, как мы сажали его на извозчика вниз, под фартук, и как он там попискивал? Хороший был в свое время пес. Я помню его совсем молодым и очень обаятельным, в особенности если он был очень вымыт. Я с ним почти не расставался, ни днем, ни ночью, ни на занятиях, ни в кровати. Сколько с ним было скандалов! Но ничего не поделаешь. Последние месяцы его жизни, конечно, были мучительны и ему, и вам. Как отнесся Колька к смерти Гарри? Мне рассказывали, что он очень вырос и собирался сниматься, говоря, что выйдет очень красивым, а карточка, видимо, назначена мне. <...>

Не знаю, как у вас теперь течет жизнь с точки зрения материальной, жалоб от других как будто бы нет, скорее говорится, что стало гораздо легче. Как некоторый показатель, очень любопытно было бы узнать цены на продукты. Тут наша экономика настолько своеобразна, что как-то совсем теряешь масштабы вольной жизни. В ларьке продают консервы и конфеты, и свежую навагу. И первое и второе по общереспубликанским ценам, а рыбу уже по местным, но питание настолько удовлетворительно, что несмотря на то, что есть деньги, ничего не покупаешь, просто не хочется есть. Рыбы пожалуй бы и купил, но к сожалению, нет плиты, так что не на чем ее жарить. Начиная подумывать о возможности переселения на завод, где есть ряд преимуществ. Во 1-ых, там теплее (паровое отопление), во-вторых, есть плита, водопровод, теплая уб[орная] и, кроме того, очень чисто и почти невозможно появление уголовного элемента. Приятеля заберу с собой. Мебель у нас есть еще прошлогодняя. Тут, где я живу сейчас, комната неплохая, но вход неприятный и совершенно убийственные «удобства». Одна из стен коридора представляет из себя попросту стену монастыря, сложенную еще при Иване Грозном из громадных валунов. Это очень величественно. К этому величью приделана будка назначения совершенно не величественного, с тремя пустота-

ми, сквозь которые проходит дыхание Белого моря и человеческих воспоминаний. Ночные экскурсии туда совсем неприятны. Как будто на эти темы не принято писать, но это все создает незабываемые впечатления. Видимо, что появляется даже упадок духа, так как даже нет стандартных надписей.

А теперь несколько слов Коле:

Что это ты вздумал болеть? Пожалуйста, не болей. Летом думаю послать тебе подарок. Напиши какой. Сочини мне хорошие стихи.

Папа

Ну, надеюсь, что к лету что-нибудь и в самом деле прояснится. У нас тут настроение у всех приподнятое и выжидательное. Но центр всего в центре. И все через него. Посылку, быть может, я и сумею послать, а насчет свидания вряд ли сумею что-нибудь сделать. Сегодня я немножко простудился – насморк. Днем ходил на завод, хотя день-то выходной, но нужно было посмотреть. Дорогу всю перемело сугробами и ходить плохо. Температура все же, несмотря на норд-ост, – около 3–4°.

При сем прилагаю набросок, который сделал с меня ровно в $\frac{1}{4}$ часа один из художников-соседей. Приятель говорит, что я тут похож. Это возможно. Письмо это, как видишь, написано при полном отсутствии тем и материалов. Крепко целую тебя, любимая. Думаю и вспоминаю тебя как жизнь, как воздух, как всё. Пиши, дорогая.

Р[оман]

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

24 января 1936 г.

№ 91 <...> На дворе отчаянная метель. Сегодня читал лекцию о завоевании стратосферы за Кремлем, так что испытал всю силу метели, ветер сильнейший, снег бьет в глаза. После лекции немного повозился с приготовлением ужина и за работу, хотя сейчас работа нерегулярная. Для лекции в клубе пришлось надеть свой костюм, который не надевал почти год, хотя берегу его и периодически чищу. Лекцию прочел с удовольствием, т.к. аудитория самого разнообразного возраста, от 9-ле-

Соловки. Кремль.
Зимний вид.
Почтовая карточка,
изд. Бюро печати УСЛОН.
Вып. I, № 7. Июль 1926 г.

ток до почтенных взрослых, слушали с большим вниманием. В ближайшее время предстоит еще ряд лекций. Я от них не отказываюсь, т.к. они разнообразят жизнь. <...>

П.А.Флоренский – сыну Кириллу, Наталье

[Январь 1936 г.]¹

[1936. I. Соловки. № 46]. Дорогой Кирилл, мама пишет, что В.И. поручил тебе изучить книжку его по радиогеологии². Это очень хорошо; она написана так уплотненно, что собственно представляет скорее план книги, чем самую книгу, и каждая строчка могла бы быть развита в ряд страниц; поэтому ее надо именно изучать, но делать это читая параллельно другие книги. Надеюсь, ты так именно и сделаешь. Прежде всего тебе придется проштудировать основные источники по физике (и отчасти химии) радиоактивных элементов и соединений. Важно, чтобы ты вполне ясно понимал смысл радиометрии. Попутно углубишься в методолог. и метрологич. вопросы физики. Затем необходимо вникнуть в процессы образования древнейших пород. Было бы для тебя оч. полезно, если бы и по первому и по второму вопросу ты ознакомился с подлинными основными работами в их историческ. развитии. Далее необходимо сопоставить все имеющиеся данные и высказывавшиеся суждения по геологической хронологии – о чем я уже писал тебе и Васе.

Пользуйся каждым случаем для составления подобных хронологических сводок, но конечно с точным указанием источника и основания, такой материал будет тебе весьма полезен во всех последующих работах. И вообще, старайся координировать сведения в сводках, таблицах и схемах, по возможности конкретных, как ключах к данной области, – это даст возможность не только легко находить нужное сведение, но и наведет на ряд вопросов. Ты жалуешься на скучность своей химической работы. Напрасно. Очень важно хорошо набить руку на типовых анализах, освоив их во всех тонкостях, это не только будет полезно впоследствии, но и даст материал для выводов само по себе. Но надо стараться и эти однообразные действия производить не чисто механически, а вдумываться в них, вглядываться в мелкие конкретные особенности явлений. Соприкосновение с конкретным есть самое важное для питания подлинной мысли, все остальное только пособия и приправы. И там, где у мысли нет конкретной, хотя бы и весьма узкой основы, она бесплодна – она может иметь видимость пышного расцвета, но дает пустоцвет. Старайся однако при своей химической работе спрашивать одного и другого о деталях, старайся читать по данному вопросу все, что удастся достать, чтобы собрать самое лучшее и ценное. И, главное, фиксируй в записи наблюдения и сведения, хотя бы они сами по себе и казались маловажными и безсвязными. Постепенно само собою эти мелочи станут срастаться. Крепко целую тебя, дорогой. Будь бодр и весел. Напиши, если у тебя будут возникать вопросы. Еще раз целую. Кланяйся дома всем и скажи, что всех целую.

Дорогая Наташа, подводя баланс всевозможным сообщениям, которые могут обрадовать или огорчить, я давно уже пришел к прискорбному выводу, что нельзя ждать ни нулевого, ни положительного итога. Безконечно много возможностей получить удар – огорчений и печалей, но что-то не находится таких известий, которые доставили бы положительную радость. Но в этом балансе я не учел одной возможности. Анна Михайловна сообщила мне о предстоящей возможности стать дедом. Это известие меня волнует и радует, оно – единственное, приносящее нечто новое, а не лишаящее того, что уже есть или, в лучшем случае, сохраняющее блага, которые остались.

Приношу Вам свои поздравления по этому случаю и надежду, что Вы будете достаточно благоразумны и станете оберегать себя и наше будущее от опасностей и случайностей. Но, увы, новое благо – и еще более тревог и забот! Жизнь моя идет по прежнему*, много хлопот и работы, но нет ощущения достаточной плодотворности от затрачиваемых усилий. Поэтому устал. Отсутствие питающих впечатлений, при невозможности

Наталья
Ивановна
Флоренская.
Фото М.Флоренского.
1936 г. Архив
семьи Флоренских

сосредоточиться в самом себе, ведет к опустошению, и чувствую, как глупею с каждым днем. Впрочем, задачи жизни переданы теперь вам, детям, собственные выполнить нет условий, так что может быть и лучше поглупеть совсем. Берегите себя. Целую Васю и желаю Вам всего хорошего.

П.Флоренский

Конверт (162×117 мм) кустарный, серый. Марки 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – нрзб.; Москва – 07.02.36.

Адрес: «Москва, Ольге Павловне Флоренской. Плющиха, угол Долгого пер. и Новоконошешенной ул., д. 12, кв. 7». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Д. 3».

Письмо на листе (142×205 мм) пожелтевшей линованной бумаги. Чернила черные.

После получения письмо было разделено пополам по вертикали. Часть его, адресованная О.П.Флоренской, не сохранилась.

1. Письмо датировано условно, по штемпелю московского п/о. Авторский номер письма 46, о чем П.А.Флоренский сообщает в письме от 10–14 марта 1936 г. (№ 52).

2. *Vernadsky VI. Le probleme de radiogeologie. Paris: Edermann, 1935.*

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

Конец января 1936 г.

Соловки

1936.I. Соловки. № 47. Дорогая Аннуля, передо мною лежит пачка ваших писем, полученных почти одновременно: твои №№ 1, 2, 3, 4, 5 и письмо с печатным, а еще мамино. Буду писать, просматривая их по порядку. Я рад, что вы развлеклись за каникулы. Мне часто приходит в голову [мысль] о пользе моего отсутствия, т.к. будучи с вами я невольно мешал [бы] вам веселиться. Хочется вам наилучшего, а, как известно, «наилучшее – враг хорошего». О посылках: повторяю в n+1-й раз, у меня все есть, белье казенное, из одежды часть казенного, частью же прикупаю по мере надобности. Табак я получаю, а кроме того имеются запасы папирос, присланных вами и С.А. Очень прошу не огорчать меня посылками. Пишешь, что я не откликаюсь

на приветы знакомых. Благодарю всех за память и за внимание, рад бы сказать слово утешения А.И., но писать никому не буду, не считаю это уместным¹. Книг присылать не надо, разве только Вл.И., но если ты будешь просматривать литературу по водорослям, это будет неплохо. Ее немного, но кое что* есть (библиография – в брошюрах, на которые я уже ссылаясь). Следовало бы приобрести эти брошюры, они стоят недорого; к тому же Кире, если он поедет на Мурман², надо бы исподволь готовиться, чтобы с пользой прошла экспедиция. Спрашиваешь о наклейке ткани. Пожалуй, лучше всего наклеить крахмальным клейстером, но погуще, чтобы он не впитывался в ткань; вероятно неплохо светлым резиновым клеем (каучук пель-крэп, у меня в шкафу, растворить в бензоле, примерно 5%), – но надо сперва проделать опыт на каких-либо лоскутах. Очень хорошо клеит клей урок – из хлеба: хлеб размочить в воде, протереть ложкой через натянутое полотно, снимая ножом* выступающую слизь; эта слизь склеивает даже шерстяную ткань, держится прочно и не распаривается (я клеил ею суконные брюки). Относительно мамы: напрасно ты не бываешь у нее, я уверен, что она огорчена этим, но не скажет, – как обычно. О холодности моего письма к Наташе что же сказать? Ведь я всегда пишу так, ибо привык выражать меньше, чем чувствую, ответственно; а кроме того я Наташу, можно сказать, не видел и не знаю. Послано ей еще 2 письма, но вероятно и они тебя не удовлетворили бы. Кате, т.е. Микиной, написал, но вероятно письмо мое не дошло. Отн. уроков Тики с Сережей³. Конечно, самое важное Тике хотя бы изредка слушать настоящую игру и хотя бы изредка получать настоящие указания. Одно такое указание знатока стоит тысяч от полужнающих. Но каждому надо найти самого себя, и в этом отношении различные указания, различные образцы и примеры могут дать толчок к самораскрытию. Будет момент, когда Тика почувствует себя, и тогда работа пойдет плодотворнее. Если с ней займется и Сережа, думаю, это что-ниб. даст ей. Главное же, чтобы была атмосфера музыкальной мысли и интересов. Старайся приучить детей обсуждать произведения, стиль, манеру игры, улавливать особенности игры, полож. и отрицают. стороны. Писал уже тебе, что не вижу беды, если будут в суждениях и погрешности. Главное – развить активность мысли и восприятия. А кроме того, такие

обсуждения создадут интерес, даже развлечение, и сблизят на общей почве. О передаче вещей Васе, конечно ты поступила правильно. Собиралось для них, и пусть пользуются, и пусть вещи укрепляют в них чувство связи с домом и с родом. Одно только, старайся давать, никого не обделяя, ведь всех я люблю равно, обо всех думаю одинаково горячо и на всех надеюсь; мои чувства не изменятся даже если бы временно кто-ниб. нарушил мои надежды, т.к. это именно временно. Дом – гнездо. Хорошо, когда гнездо служит многим поколениям, это облегчает жизнь. Но темпы жизни, кажется, не позволяют рассчитывать* на такую долгосрочную службу гнезд; грустно, но не надо делать из этой недолговечности предмета мучения себя и других, хотя и надо стараться благоразумно экономить силы на постройку гнезда, когда это возможно. Если будешь писать Нине, то напиши, что я целую ее и вспоминаю, кланяйся Кате⁴ и всему семейству. Тебе м.б. интересно узнать о т.н. «александровских» букетах, бывших в моде в начале XIX в. в связи с поездкою Имп. Александра I в Германию. Букеты эти были придуманы в честь него и состояли из растений, начальные буквы немецких названий которых составляли имя Alexander. Это именно: Anemon, Lilie, Eichel (жолуди*), Xeranthenum (амарант), Accazie (акация), Nelke (гвоздика), Dreifaltigkeits blume (анютины глазки), Erheu (плющ) и Rose.

В начале февраля соловецкая природа побаловала нас, т.е. работающих над водорослями, морозами, весьма необходимыми для экспериментов; однажды доходило до -25° . При восходе солнца над диском стоял высокий световой столб и намечались горизонтальные пучки.

Все время вижу яркие и разнообразные сны, и часто – ушедших близких. Только вас вижу оч. редко – тебя недавно. В каких только странах и обстановках не был я во сне за последние недели. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля.

Дорогая Тика, очень приятно было получить стрекоз и бабочек от тебя и Мика. Твои: зеленая бабочка и бледногубая* стрекоза, Микины – коричневая бабочка и темногубая* стрекоза, с зеленым туловищем. Правда? Вы очень хорошо их сделали, и они всем нравятся. У нас тут в одной камере случилась попража – сала, масла и т.п. Один кусок сала потом найден,

План предполагаемого
устройства дома
(из записной книжки
П.А.Флоренского).
Автограф. 1908 г.
Архив семьи
Флоренских

в снег закопан был. Но дело не в сале, а в лисичках. Как-то вечером видят: лисичка лапой разгребает снег, ищет и не находит, бегаёт огорченная. Повидимому* она стащила уже (у воров) кусок сала и искала другой, который случайно нашёлся при расчистке снега. Так она и отошла печальная.

Приучилась ли твоя Буська к чистоте? Недавно рассказали* мне об одном диковинном нью-йоркском ресторане. Это – огромная зала; средняя часть пола представляет круг из зеркального стекла и вращается медленно, по окружности на внешней и на внутренней части пола разставлены* столики. Посетители, сидящие внутри, все время проезжают мимо сидящих на наружной части пола, так что за одним (состоящим из двух) столиком оказываются все время разные лица. После нескольких оборотов круга все перешакиваются друг с другом и

По дороге
к Вифанским прудам.
Слева направо впереди:
Кирилл, Оля и Мик
Флоренские,
мальчик Церевитинов,
сзади: В.М.Гиацинтов,
Павел Александрович
и Василий Флоренские.
Сергиев Посад. Ок. 1925 г.
Фото Ф.В.Церевитинова.
Архив семьи Флоренских

при новой встрече смеются друг на друга и разговаривают как с давнишними знакомыми. Самая середина – пустая, оставлена она для танцующих, которых освещают снизу разноцветными световыми пучками от прожекторов или эл. лампочек. Зато прислуге этот вертящийся ресторан – мученье. Мой знакомый заказал себе курицу. Долго ждет, курицы нет. Спрашивает, наконец, прислуживающего. Тот смутился: «Ваша курица съедена». И чуть не плачет. «Здесь все вертится, в голове путаница, никак не запомнишь, на какой столик что заказано. Был в одном месте столик, оказывается в другом...» Чтобы привлечь посетителей, американские рестораторы придумывают кто во что горазд. В одном ресторане, напр., около каждого столика лежит по сковородке, к которой подвешены шарики: этими сковородками посетители начинают шуметь и подымается настоящий содом. В другом ресторане на столах лежат длинные конические трубки – для нашептывания (прямо в ухо) сидящим за соседними

столиками. В третьем – объявление: «Сегодня все лэди* получат сюрпризы» – и получают какую-нибудь пудренницу*, веер и т.п.

Крепко целую свою дорогую дочку и нашептываю ей, что скучаю без нее и еще раз целую.

Дорогой Мик, я получил газету⁵ с описанием вашей Техн. станции, было очень интересно прочесть статьи в этой газете. Сохрани один № у себя на память для меня, т.к. мой может пропасть. Только неправильно тебя зовут Мика, когда ты Мик. Твои истории с филином и совою мне понравились и другим тоже. Помнишь, у тебя был раньше блошиного⁶ цвета «кафтан», который тебе доставлял удовольствие? В детстве коричневый цвет мне тоже нравился больше многих других. А в воспоминаниях Жихарева⁷ (скажи мамочке, чтобы она при случае почитала их) молодой (17 л.) Жихарев рассказывает*, как он заказал себе фрак «плюсового» (т.е. блошиного) цвета и был от него в восторге. Вероятно «плюсовый» цвет всем нравится в юности. Ты благодаришь своего папу, что он помнит тебя. Какой же ты еще глупышка! Кого же мне помнить, как не вас – мамочку, своих детей и свою маму? Ведь это – единственное, что остается у меня, остальное же все составляет предмет внимания по долгу.

Судя по слухам, думаю, что и у тебя в школе пошли строгости, в частности заводятся дневники. Пожалуй, будут там записывать, как записали одному моему знакомому: «Раззевал* рот подобно козлу, подражая инспектору», а другому: «Ковырял одновременно: одной рукой в носу, а другою, посредством штыка, в будке».

Знаешь ли ты происхождение слова *вокзал*⁸ или, как раньше писали, *вокзал*? В Лондоне было предместье с увеселительным садом, оно называлось Vauxhall, вокс-холл. Такой же сад был устроен в XVIII в. в Павловске, возле СПб. Когда была построена первая железная дорога, то станция ее оказалась возле этого павловского вокзала и потому сама стала называться так же. А затем и вообще стали называться вокзалами станции железных дорог, примерно с середины XIX в.

Летом тут совсем не было мух, а теперь появились, в лаборатории же их много. Думаю, они вылупились из водорослей, которые были высушены в несколько подгнившем состоянии, а при гниении водорослей в них разводятся личинки и мухи

в большом избытии. Вероятно мухи вылупились от тепла и влажности в лаборатории. Крепко целую тебя, дорогой Мик, не забывай папу и пиши.

Дорогой Кирилл, один знакомый как-то бросил мысль, что созданное обязательно выталкивает своего создателя. Обдумав, я нашел это замечание более глубоким, чем, м.б., думал высказавший его. В сам. деле, созданное или чисто субъективно и иллюзорно, но тогда и не воспринимаемо, или же реально и следовательно конкретно осуществлено и, стало быть, занимает место в пространстве. Создателю тогда уже нет здесь места. Но и более того. Создание есть отделение от себя того, что внутри. Для этого отделения требуется отделяющая сила и след. она сообщает ускорение созданному. Но если есть действие, то есть и противодействие. Реакцией своего действия создатель получает ускорение в сторону обратную. Что это? Поэтич. сравнение? В том-то моя мысль и заключается, что нет, что это подлинное применение теорем механики, но расширение на совершенно новую область. В наст. минуту я еще не могу сказать, как именно надо методически провести подобное расширение общих начал физики. Но мое предчувствие (давнее), что расширение возможно стоит в таком же отношении к будущему науки, как шеллинговское о тяжести и массе света, электричества и др. – к современной энергетике на принципе относительности. Наши физич. знания – только фрагмент и в своей фрагментарности, оставаясь истинными, истолковываются слишком обедненно, а потому неприменимы к сферам не чисто-физическим. Посмотри, сколь многого достиг Вл.И., расширив понятия потенциала и др. на биосферу. Под расширением Вл.И. нет достаточно надежного методическ. фундамента, это обоснование – задача будущего. Но в науке всегда интуиция и смелость мысли идут впереди тяжелой артиллерии обоснования. Чтобы обосновывать что-либо, надо уже иметь ясную целевую установку, а она дается счастливой догадке, т.е. интуиции, и не осуществляется без риска. В науке надо уметь дерзать и рисковать, иначе будешь пассивно тащит[ь]ся, отставая от наличной стадии знания и лишь подметая за другими мусор. Помню, в детстве меня поразили некоторые догадки. А.Сабатье⁹ в его книге «Эволюционизм», когда он гово-

Фаворский В.А.
Портрет Кирилла
Флоренского. 1927 г.
Собрание Фаворских

рит о прочности худ. произведений. Это – на ту же мельницу вода. Так, хочу сказать, понятия массы, силы, скорости, ускорения и т.п. могут получить какое-то весьма расширенное толкование, при котором механическое окажется лишь частн. случаем – предельным случаем.

Теперь мелочи. Во первых* хочется записать интересный персидский оборот речи: говорят не «погасить свет», «погасить свечу», а «убить свет», «убить свечу».

В «Записках современника» С.П.Жихарева, т. 1, Academia, 1934, М.–Л., стр. 147, 149 (кстати, посоветуй мамочке почитать эту книгу) рассказывается* о поездке в Серг. Посад. Поездка из Москвы туда и обратно (1805 г.) на тройке, с поездкою в Вифанию, всего 4 дня, стоила 15 рб., причем автор замечает: «Дорого, да по крайней мере покойно и без хлопот». Приводится

характерная картинка из вифанской жизни митр. Платона. На стр. 144 рассказывается* о гр. Ф.Гр.Орлове¹⁰ (меня давно интересовавшем), чудаке. Он всегда советовался с кем-ниб. одним, но терпеть не мог советоваться со многими: «Ум – хорошо, два – лучше, но три ума с ума сведут». Он уважал науки и искусства, но называл их «прилагательными»; «существительною» же наукою называл фифиологию, т.е. уметь пользоваться людьми и современностью, а важнейшим из искусств – искусство сидеть в засаде и ловить случай за шиворот. На стр. 450–451 сведения о Кротковых¹¹, из мелких помещиков ставших богачами после того, как Пугачев, набравший всякого добра в свою резиденцию, устроенную в их доме, бежал, и все досталось им. А сын этого Кроткова продал своего отца в крепостные. На стр. 110 о Карцеве и безкорыстной работе: «This tedium is very amusing – эта скука очень занимательна». Крепко целую тебя, дорогой. Хотел было писать тебе о твоей работе, но нет места; в след. раз.

Дорогой Олень, в одном из писем ты выражаешь если не намерение, то тень его, бросить музыку, ссылаясь на безуспешность занятий. Уж сколько раз я говорил тебе о ложности самой постановки вопроса так. Чего ты хочешь, о какой успешности думаешь? Стать славной пианисткой? На это я никогда не рассчитывал* и, пожалуй, не хотел бы для тебя. Эстрада – мучительное дело, требующее больших жертв, мало дающее внутреннему человеку, разлучающее с самой музыкой и переносящее интерес из музыки в самолюбие и угодничество публике. Не подменяй чистого безкорыстного любования красотой суетливой погоней за славой, кроме горя ничего не дающей. Не задавайся слишком большим. В «Воспоминаниях» Жихарева приводится замечательное наставление ему престарелого Мерзлякова. «Страсть к большим литературным трудам – несомненный признак мелкого таланта, точно так же, как и страсть к необдуманым колоссальным предприятиям – резкий признак мелкой души: то и другое доказывает неясное сознание своей цели и заблуждение самолюбия» (стр. 334). Ты спрашиваешь о Шекспире и о футуристах. О последних я уже писал тебе, наверно ты позабыла. О Шекспире начну теперь, чтобы поговорить еще в след. раз. Но что же можно сказать о Шекспире

в неск. строках? Ведь Ш. – это океан, то бушующий, то мирно плещущийся, принимающий все возможные цвета, скрывающий в себе все мыслимые существа. Это полнота человеческих чувств, характеров, ситуаций. Он близок к Бетховену, но по силе Шекспир охватывает весь мир человеческих возможностей, все оттенки чувства. Но над этим бушующим океаном не носится луча просветления, который так ясен в античной трагедии. Тут много благородства, но нет святости как новой по качеству силе, активно переустраивающей. Обрати внимание. Воли без конца, воли избыток – и все таки* эта воля пассивно берет жизнь, как данную, но не ставит себе задачей преобразование и просветление ее. Шекспир выражает в эт. отношении самую суть новой, возрожденской культуры – затерянность человека в мире, устранение человека как начала новых рядов причинности. Человек не творец, человек, смотрящий на мир через замочную скважину, человек, которому нет места в им же придуманном мировоззрении. Этот человек не имеет корней иных, кроме стихийных, и потому он – игральное поле стихий, во всем: в нравственности, в личной жизни, в семье, в государстве, в обществе, в экономике и даже в познании и искусстве (натурализм). В знач. мире¹ то же надо сказать о Бетховене.

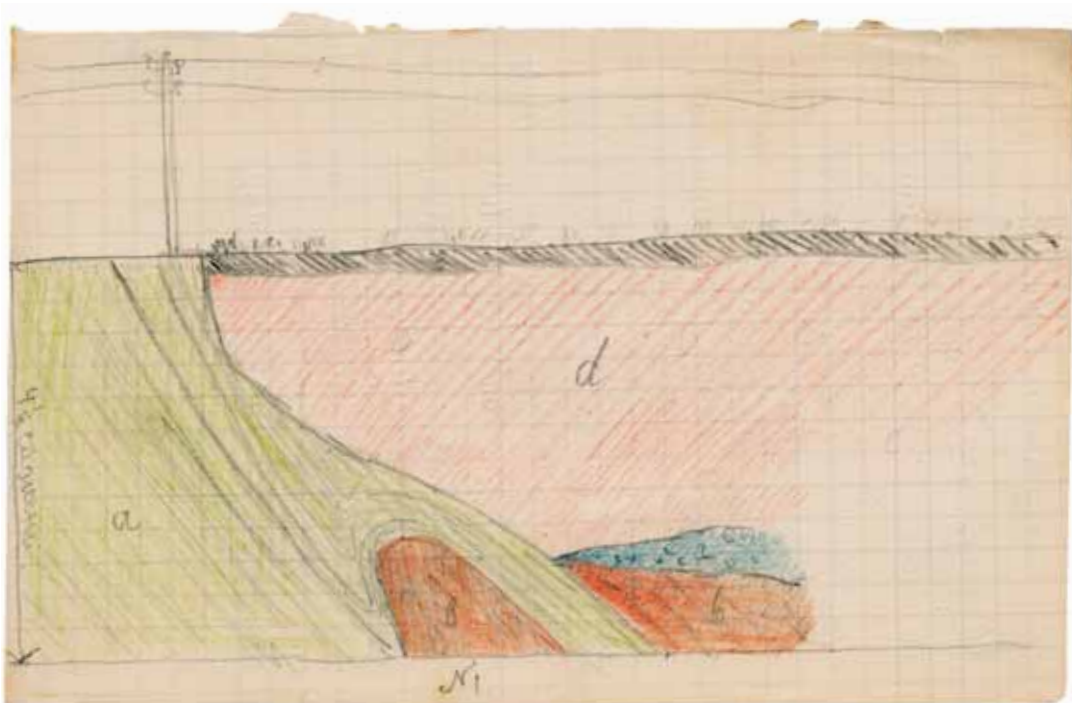
Крепко целую тебя, дорогая Оля, кланяйся бабушке и Ан. Фед. Поцелуй мамочку и непременно кушай по-человечески.

Дорогой Вася, кажется я писал тебе, чтобы ты непременно обратил внимание на закрепление своих наблюдений и писал. Это необходимо как для твоего развития и литературного навыка, так и по соображениям практическим, ибо никто не может знать, изучил ли ты что-нибудь или нет, пока ты не проявишь изученного письменно. Я уверен, у тебя материалов для неск. статей имеется достаточно, и надо взять себя в руки и сконцентрировать мысль на узких темах небольшого объема; широкие и большие придут в свое время. Для материала нужно известное обрамление – кое что* ты найдешь у меня в материалах, бери оттуда как можно больше, чтобы материалы не пропадали даром. Закрепление письменное даст тебе повод проверить себя, четко выразить мысль, которая без этого остается расплывчатой и, кроме всего, освободит от груза, который

I Так в тексте. Вероятно, *мере*.

мешает двигаться далее. Мне много помех создали бесчисленные задуманные и почти законченные работы, не получившие оформления в печати; они, залеживаясь годами и десятками лет, заставляют думать о себе, отвлекают внимание, создают чувство виноватости, когда хочешь взяться за что-ниб. другое, и тормозят дальнейший ход мысли. Нужно заранее сказать себе твердо, что напечатанное сегодня окажется неполным, недоговоренным, недостаточно глубоким завтра. Но тем не менее необходимо избавиться от этого сегодня, и тогда завтра будет самим собою, без ущемления и загромождения. Тяжело думать, особенно теперь, сколько трудов, мыслей, полезных данных погибло, и никто, кроме меня, не сумеет их оформить и придать им ту связь, которая была у меня в голове и нигде не закреплена. Не повторяй ошибок, вредность которых дознана опытом и которых по разным независимым обстоятельствам своевременно избежать было практически невозможно, по крайней мере во многом. Целостное выражение, к которому стремился всегда я, конечно совершеннее фрагментарного; но наше время не дает созреть цельным работам, и потому лучше фрагментарные, чем никаких. Крепко целую тебя. Привет Наташе.

Геологический
разрез у дороги
в Коджоры.
Рис. П.А.Флоренского.
Лето 1903 г. Архив
семьи Флоренских

Конверт (162×117 мм) кустарный, серый. Марки 5 коп. и 15 коп. Штемпели: Рабоче-Островск – 16.02.36; Загорск – 22.02.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Анне Михайловне Флоренской. Пионерская ул., д. 19». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Осн.».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 23 фев. 1936 г.».

Письмо на двойном листе (355×223 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

1. Все знавшие П.А.Флоренского отмечали, что он был чрезвычайно скромным и щепетильным во взаимоотношениях с окружающими человеком. Об этом писали и многие бывшие заключенные в своих воспоминаниях. Поэтому понятно, что здесь нежелание писать кому-то, а забота о том, чтобы не подвести человека.

2. Поездка на Мурман (залив в Баренцевом море, у берега о. Новая Земля) не состоялась. Летом 1936 г. К.П.Флоренский по заданию В.И.Вернадского ездил на Кавказ.

3. С.З.Трубачев, одноклассник старшей дочери П.А.Флоренского Ольги, а позже ее муж. Народный артист Карельской АССР. Музыкант, дирижер, церковный композитор, дьякон. Ряд комментариев к письмам сделан с его слов.

4. Е.А.Гиацинтова и Н.А.Гиацинтова, дочери священника церкви в Мураново Александра Гиацинтова, племянницы А.М.Флоренской. Н.А.Гиацинтова крестная дочь П.А.Флоренского.

5. Речь идет о загорской газете «Вперед» от 10 января 1936 г. В ней была статья Евгения Лопатина «Изобретательная юность», в которой говорилось об успехах Мика Флоренского в фотокружке Дома пионеров.

6. Блошиный (он же пусовый) цвет – бурый, коричневый оттенок красного, цвет раздавленной блохи, от франц. *puce* – блоха. Однажды летом 1775 г. Мария-Антуанетта появилась в платье из темной шелковой тафты. «Это цвет блохи!» – воскликнул король. И слово и моду, конечно, подхватили, и весь двор оделся в «цвет блохи».

Новый словарь русского языка описывает его как просто темно-коричневый.

7. *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1934.

Стихи С.П.Жихарева печатались в журналах. Плохой драматург, неудачный переводчик, Жихарев оказался талантливым автором дневника. Везде бывавший, вернее – всюду втиравшийся, живой и наблюдательный Жихарев имел обширный круг знакомых, от сенатора до отставного суфлера, был своим человеком за кулисами петербургских и московских театров. В своем дневнике он сообщает интересные характеристики, любопытные факты и дает ценный материал для истории театральной жизни начала XIX века. Написанные искренним тоном и хорошим языком, «Записки» передают барский быт, театральную жизнь

и литературные новинки того времени. «Записки современника» велись с 1805 по 1819 год (но полностью не сохранились), печатались частями в «Москвитянине», «Отечественных записках», «Русском архиве».

8. Современное написание – *вокзал*.

9. А.Сабатье, профессор зоологии, доктор медицины (1862), доктор естественных наук Парижского университета (1873). Среди трудов, посвященных медицине, физиологии, эмбриологии и зоологии, есть статьи, посвященные общим вопросам о жизни и смерти, о бессмертии с эволюционной точки зрения и др. На русский язык переведены: «Опыт исследования о жизни» и «О бессмертии души» (лекции, прочитанные А.Сабатье в Женевском университете и в Сорбонне «Бессмертие с точки зрения эволюции натурализма» в 1894–1895).

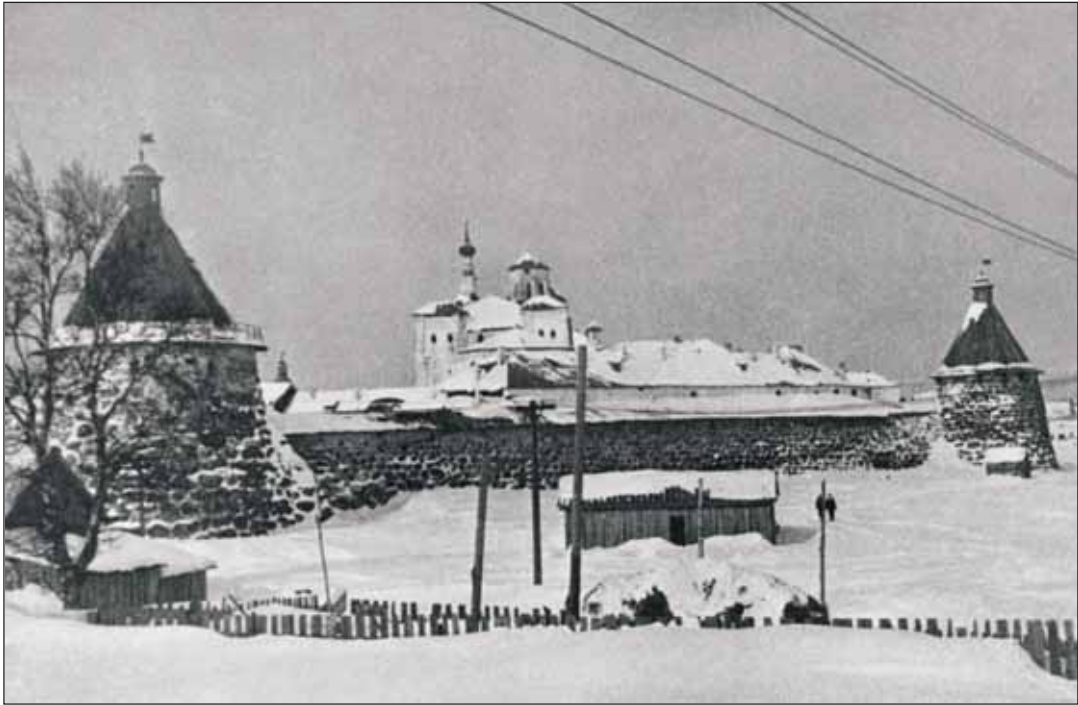
10. По семейным преданиям, среди предков Флоренских были Орловы.

11. По сведениям, приведенным в многотомном труде «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (под ред. В.П.Семенова), история помещиков Кротковых такова.

Кротковы жили в Поволжье исстари. Род их был одним из богатейших в Симбирской губернии. Степан Егорович Кротков, потомок некогда выехавших из Орды татарских князьков, небогатый дворянин, имел 300 душ крестьян, к которым за 40 лет прибавил еще 10 000; был первым Симбирским уездным предводителем дворянства (1782–1784). Екатерина II ставила его русским помещикам в пример как образцового хозяина.

Рассказывали, что разбогатели Кротковы неожиданно, и богатство их имело источником пугачевский бунт. Е.И.Пугачеву очень понравилась месторасположение деревни Кроткова, и он обратил ее в свое главное становище. Когда восстание было подавлено, а Пугачев арестован, Степан Егорович выгреб из подвалов и ям своей усадьбы немало награбленного золота и церковной утвари. Церковное, разузнавая, где что было похищено, он вернул. На остальное (когда вышел правительственный указ, что все оставленное бунтовщиком поступает в пользу владельцев, в чьих местах он останавливался) стал покупать имения, год от году богатея все больше.

Однако Кротковы-сыновья оказались лихими, своевольными и неуправляемыми молодцами, к тому же они ловко транжирили деньги на гульбу и озорные проказы. Особенно отличался старший – Дмитрий. Однажды, обидевшись на отца, велевшего за бесконечные безобразия выпороть непутевого сына на конюшне, он изошренно отомстил старику, тайно продав одно из лучших кротковских имений. Но при этом еще и отца продал, внеся его имя в подушный список крепостных крестьян. Скандал был грандиозный. Степан Егорович едва выпутался из обретенного холопского положения. Кроме того, он вынужден был заплатить большие деньги, чтобы отвести от сына наказание за подлог, однако видеть его не хотел и сравнительно с братьями дал ему самую малую часть из своего имения.

Соловецкий
кремль зимой.
Фонды СГИАПМЗ.
1960-е гг.

**Н.Я.Брянцев – Э.Г.Брянцевой, сыну Николаю,
Капитолине**

2 февраля 1936 г.

Дорогие и любимые Виша, Котик и Капа.

Приятные мысли у меня роились и навевали приятные воспоминания, связанные с Вашим празднованием именин и нового года. Надеюсь, что наступит еще время, когда я буду эти ощущения переживать не только мысленно, но и реально. Не только представлять себе Вас в воображении, но реально сидеть рядом с Вами и вместе с Вами еще больше получать удовольствие. У нас наконец появились тоже морозы и февраль встречаем сурово. Но как-никак декабрь и январь уже за плечами, а следовательно, и зима за плечами. Февраль может случиться морозным, но он будет все же последней зимней потугой. Аэропланы тем не менее летают в дни светлые и безбуранные. <...>

Позвольте перейти к очень интересному вопросу, который у Вас муссируется, куда – в университет или во втуз? Не знаю,

какое решение по этому вопросу у Котика и мотивы, но должен отметить, что ориентация Котика на университет – заслуживает полного внимания, дело не плохое. У нас в настоящее время и еще на некоторый промежуток времени, довольно значительный, будет заостряться вопрос о технических кадрах, выпускаемых через техникумы и втузы с ускоренным курсом обучения и программами суженных специальных познаний. Этого требует бурно развивающаяся у нас промышленность во всех отраслях. Перед нами стоит задача – оседлать технику и выжать из нее все, – а разрешение этой задачи требует широкого внедрения профессионального образования как можно шире. Но наряду с этим стоит и задача более дальнего прицела: мы должны не только оседлать технику современную, или, иначе, достигнуть уровень капиталистической системы хозяйства, но и перегнать. Для этого требуется овладение не только современной техникой и связанной с ними прикладной наукой, но и наукой теоретической. Весьма показательны те мысли, которые высказываются¹ последнее время ученые – видные, за границей. Двадцатый век, по мнению их, требует серьезных сдвигов в области науки, стоит задача познать строение более глубокой материи, раскрыть завесу внутри атомной единицы и энергии, только после этого следует ожидать таких же резких скачков, которым[и] характеризуется 19 век, в особенности 2-я его половина, по сравнению с предшествующей эпохой (пар, электричество). На основании этого за границей культивируются и проводятся идеи углубления теоретических познаний. Это отразилось и на характере и объеме программ, в частности, втузов в Америке и в Германии, где в свое время увлеклись узкой специализацией. Резкий сдвиг совершен и у нас в направлении расширения и углубления программ в наших вузах и втузах, об этом имеется специальное постановление ЦК Партии и прав[ительст]ва. Конечно, университет может дать более глубокие познания по теории и науке. Прикладная же база у Тебя имеется по техникуму, а главное, на практике. Фактически сейчас все держится на 3-х китах: математика, физика и химия; остальное само приложится. Зная солидно и углубленно эти области, легко освоить любую дисциплину, и в первую очередь прикладную, как сопротивление материалов, строительная

¹ Так в тексте. Вероятно, *высказывают*.

механика и пр. и проч. Это тем более нетрудно будет Тебе как не отрывающемуся резко от производства, это будет не особенно трудно.

Но это не следует понимать, что я против втуза и за университет. Сейчас и втузы начинают постепенно приближаться к довоенной программе в части углубления и расширения программ по научным и теоретическим дисциплинам. Необходимо вопрос решать по совокупности обстоятельств и в первую очередь сообразоваться с условиями, которые будут поставлены заводом, который обеспечивает стипендией. Это существенный и решающий вопрос. <...> Пока же нужно не теряя минуту готовиться и наверстать кое-что по математике в первую очередь. Мой курс лечения мышьяковых sprays проходит прекрасно. Совсем чувствую себя здоровым, бодрым, с хорошим настроением. Целую Вас крепко. Жду посылки с маслом и салом!

Ваш отец

А.Ф.Вангенгейм – В.И.Кургузовой

2 февраля 1936 г.

Зимний пейзаж.
Фото В.С.Столярова.
2004 г.

№ 93 <...> Вот только боязно, что ты мне не поверила относительно моего питания. Право, я несколько не преувеличиваю, когда говорю, что питанием обеспечен. Вчера, ввиду ухуд-

шения перспектив, проинспектировал все свои запасы и снова убедился, что при худших перспективах буду сыт. Вот тебе пример: сегодняшней день. Утром завтрак и 2 стакана сладкого кофе с молоком. Обед с добавлением мною овсяного киселя¹, на ужин и на завтра отварил ветчины (из присланного тобой запаса) и горох на отваре с толокном. Завтра варю густую пшеничную кашу. Сейчас озабочен только одним – изыскиваю источники для витаминов «В», т.к. «С» обеспечен чесноком и др. На обед дают изредка что-либо с картофелем, иногда винегрет. Зато сладким и жирами никогда так не питался – избаловался благодаря твоим запасам. Убедительно прошу тебя не думать о моем питании. Этот вопрос урегулирован на весь год. <...>

1. Кофе был суррогатный, а кисель из геркулеса.

П.А.Флоренский – А.М.Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин

7–13 февраля 1936 г.

Соловки

1936.П.10. Соловки. № 48. Дорогая Аннуля, тяжело мне, что у тебя столько хлопот по дому, с которыми ты еле справляешься. А помочь тебе не могу. И в занятиях детей помочь не могу. Что касается грамотности, то я не выношу утверждений о безразличности ошибок и, в особенности, принципиальной защиты ложного написания: ошибки же, появляющиеся от незнания или невнимательности, меня не только не волнуют, но даже, порою, и нравятся, – как Пушкину. Вы все, включая Васю, Киру и Олю, не умеете ставить знаки препинания, т.е. не ставите их согласно принятым правилам. Но в твоих письмах это хорошо, т.к. правильно разставленная* пунктуация неизбежно придает холодность. Достоевский ставил знаки препинания неправильно. Пушкин тоже не блистал в пунктуации. Основатель футуризма Маринетти в своем «манифесте» возвестил отмену пунктуации, «т.к. пунктуация замедляет темп мысли и делает его несоответствующим современности». Это в значит. мере верно. Но надо еще добавить: пунктуация убивает теплоту. Я же не могу писать почти безукоризненно, хотя некоторые запятые и

отменил, сознательно, поскольку они затемняют письменную речь. Итак, пиши, как придется и как выходит, мне такие письма читать приятнее. Вот еще, Леонтьев чуть ни после каждого предложения (да и слова!) ставил тире. В печатном тексте они опущены, а в подлинных рукописях я наблюдал их. Это придает рукописному тексту особую выразительность.

На днях мы увидели и плоды наших трудов: местный кондитер изготовил мармелад на агаре нашего производства и остался весьма доволен результатами. На мармеладную массу пошло $1\frac{1}{2}\%$ агара, но это количество оказалось великовато, достаточно 1,2%, т.е. в соответствии с хорошим заграничным агаром. Последнее время дни стоят ясные и морозные, что необходимо для наших опытов. Очень красивые зори и восходы солнца, особенно когда у горизонта слоистые облака, край которых окрашивается как раскаленные угли, а другой – серый. 8 февраля наблюдал радужный круг (halo) около восходящего солнца; внутренний край этого гало красный. Вероятно в скором времени я переберусь из Кремля в помещение рядом с лабораторией на заводе. Работа идет круглые сутки, и без надзора мои помощники делают упущения. Думаю, заниматься будет [возможно, там] несколько лучшие условия, хотя конечно далеко не такие, как на Биосаде, где было уединение и тишина.

Тике я пишу в этом письме о жарах в Бендер-Аббасе¹. У нас, в камерах и др. помещениях, вообще холодно всю зиму, т.к. с дровами на Соловках затруднительно. Но зато последние дни я пользуюсь, когда захочу, настоящим бендер-аббасским летом: для наших опытов построена сушилка. Это – целая комната, размерами $6 \times 3 \times 2,2$ м, между двойными стенками которой проложен толь и древесные опилки. Вдоль стен внутри идут обогревательные батареи – широкие трубы, по которым пропускается пар. Воздух, подсасываемый через спец. отверстия вроде щелей, отсасывается особым собирателем, идущим посередине пола. В сушилке t° м.б. подымается до 60° и даже до 70° . Мне приходится ходить в эту сушилку для наблюдения за материалом и иногда оставаться в ней подолгу. Стекло и металл там так нагреваются, что не возьмешь их руками. Но сам чувствуешь себя неплохо, даже приятно, если только не оставаться слишком долго, напр. более 2 часов. Впрочем, в лаборатории тоже не холодно, даже жарко, но там жара парная, тогда как в сушилке – сухая.

Мухи одолевают настолько, что пришлось заниматься ловлей их посредством липкого состава. Из особенностей лаборатории надо отметить еще белых мышей. Какой-то любопытствующий выпустил их, они разбежались по лабораторным помещениям. Часть была поймана, часть же очевидно акклиматизируется как мышь домашняя.

Наблюдаю нашу молодеж[ь], инженеров, только что закончивших образование, полуинженеров, т.е. прошедших то или другое число курсов ВТУЗа, техников. У них появился интерес к грамотности: часто слышишь диспуты, как надо писать то или другое слово; порою обращаются ко мне с вопросом на ту же тему. Грамотностью никто не страдает, включительно до того, что архитектор пишет «поно» вместо «панно». Подавляющее большинство наконец сознало необходимость знать иностранные языки: посещают кружки, собираются кучками для занятий в свободное время, зубрят на поверках; многие встают часов в 6-6¹/₂ утра и зубрят слова и обороты в коридоре*, который вместе с тем служит красным уголком. Стараются переговариваться между собою усвоенными фразами по немецки*

Фото монаха Онуфрия
(Поречного).
2003 г.

или по английски*. Французским мало кто занимается. Крепко целую тебя, дорогая Аннуля.

Дорогой Вася, получил печатное от Кирилла и Мика, теперь жду от тебя. Тебе следовало бы для начала написать несколько мелких статей, из твоих летних (прежних) наблюдений, не гонясь за исчерпывающей полнотою и уплотнив содержание до полной компактности. Уверен, что можно было бы написать таким образом несколько интересных набросков. Едва ли тебе придется возвращаться к тем же работам, поэтому лучше их ликвидировать такими, какими они могут быть в настоящий момент. А впрочем, ничто не мешает потом их и переработать, если будут дополнительные материалы; тогда эти наблюдения могут войти в какое либо* обобщающее изложение. Как я уже писал тебе, напечатать несколько работ необходимо по практическим соображениям. Но, пожалуй, и не в них – главное. Начав печатать свои работы, ты почувствуешь облегчение мысли от гнета материала, уже не живого, но достаточно сильного, чтобы своею тяжестью подавлять свободное развитие мысли и формирование ее. Я чувствую, что у тебя она задавлена учебными деталями, отдельными положениями, разрозненными фактами, которые сидят, извне внесенные, самостоятельно, не давая единой ткани. Все это было неплохо до времени; но теперь пора уже начать дышать полным дыханием, мыслить свободными, плавными линиями и координировать частности между собою, опираясь на основные руководящие идеи. Но этого ты достигнешь лишь после известной разгрузки, которая, вместе с тем, заставит обьективировать темы, хотя бы и небольшие, и выкристаллизует некоторые руководящие понятия.

Только что вернулся из лаборатории в Кремль. Небо ясное, мерцает северное сияние в виде зеленовато-серого сегмента. Северных сияний в этом году мало, а ярко выраженных было только 2–3, да и то не особенно пышных. Часто ли видишь бабушку? Видишь ли дядю Шуру? Недавно попалась мне книжка Лобко – об основных физических единицах. Советую тебе для отчетливости понятий и для лекций просмотреть ее. Главное же – там дается список основных величин, подлежащих измерению, список неполный, но могущий быть положенным как

Кожшвейпром.
Машинная
отделка кож.
Фото 1920-х гг.

начальный камень для работы по микрофизике. Следует дополнить его и к каждому пункту подбирать указания на микрофизические способы измерения. В частности, в списке нет упоминания о площади кривых поверхностей – пробел вопиющий, тем более что эти площади определяют в многофазных системах характер всех процессов. Крепко целую тебя, дорогой. Привет Наташе.

Дорогой Мик, в лаборатории, где я работаю, развелось (в феврале!) великое множество мух, тогда как летом на Соловках мух почти не было. По этому случаю я говорю, что к нам забрался Вельзевул: по еврейски* Вельзевул происходит от Ваал-Зебуб, т.е. Владыка Мух, Мушиный Господин. Вероятно эти мухи вывелись из яиц, отложенных в водоросли, когда они начали подгнивать. Водоросли тут у меня валяются на полу, лежат над¹ потолком, на сетках, варятся, вымачиваются, обрабатываются всевозможными способами. Лежит около меня и гербарий – засушенные водоросли между листами бумаги. На стенах по лаборатории и в кр. уголке висят таблицы с водорослями, из них некоторые громадны, до $2\frac{1}{2}$ –3 метров длиною. Это ламинарии, из подобных водорослей, но обычно экземпляров меньшего размера, добывается иод*, альгин, маннит. В воздухе пахнет морским берегом. В чанах переливается вода, фурчит пар,

¹ Так в тексте. Вероятно, *под*.

из них валом валит пар. Мои помощники льют воду, рубят водоросли, разливают по формам агар, режут агаровый гель ломтями, выносят на мороз, потом оттаивают, бегают в нижний этаж, чтобы отнести «товар» в сушилку. Эта беготня, парной воздух, морской запах, чаны и всё напоминают мне морское путешествие, словно я еду на пароходе. И мне припоминаются рассказы* моего знакомого о его путешествиях. Вот Колорадо – скалистый, пустынный, безводный штат Америки. Тут знаменитая «качающаяся скала» – огромный камень, в трехэтажный камень¹ высотой и длиной как большой фасад, опирающийся на площадку величиною с небольшую комнатку; если влезть на этот камень и поставить чашку с водою, то видно, как камень все время раскачивается, т.е. по воде. Тут же «сад богов». Это песчаниковые столпы, в верхней части которых отходы вроде ветвей, так что столпы напоминают деревья. Тут же находится городок, в котором 335 солнечных дней в году. Климат этого городка считается способствующим долголетию, и потому в этой местности поселилось 140 американских миллионеров.

Из рассказов* об Америке тебе, вероятно, интересно узнать о бывших уже более 10 л. тому назад в Америке автомобильчиках в вид[е] небольшой платформы с палкой-рулем; на эту платформу становится человек и катит по дороге, стоя. Автомобильчик приводится в движение маленьким двигателем внутреннего сгорания. Я спрашивал, не может ли автомобильчик уехать, если нечаянно соскочишь с него, но мне объяснили, что он тогда перевернется и останется на месте.

1936.П.7. Соловки. Дорогой Кирилл, в одном из писем ты сообщал об отборке тобою карбурана. Не знаю, насколько углублены твои занятия этим минералом, но тем не менее напишу кое-что по поводу него. Для меня лично эта тема представляла бы огромный интерес. С мыслями и работами по углеродистым минералам я хожу уже лет 15, т.к. на этих минералах сходятся в узел существенные вопросы физики, химии, ист. геологии и технологии. Мой замысел был установить генеалогию этих минералов, начиная с биогеля, к торфам, сапропелям, углям бурым, антрацитам, гагатам, графитоидам, различн. графитам, шунгитам и т.д. Основной вопрос об их определении

I Так в тексте. Вероятнее, *дом*.

был поставлен у меня так. Предложен ряд реакций на этого рода минералы (Броди² и т.д.; сводку их найдешь у меня в работах по углям, элементам гальв., графитам и т.д.), но несмотря на все попытки мне никогда не удавалось получать надежных и четких результатов, и в этих реакциях я разуверился. Но я нашел, что хорошими критериями служат: 1⁰ скорость сгорания в стандартн. условиях; 2⁰ отражательная способность³ (надо растереть минерал в порошок и смешивать с белым порошком – это один из способов); 3⁰ электрохимическ. потенциал, окислительный (кислородный); 4⁰ поверхностное натяжение и адсорбион. способность, что сказывается в существ. разном отношении к флотации; 5⁰ рентгеновский диффр.* спектр – дебайеграмма*; 6⁰ электропроводность и др. физ. свойства (твердость). В моих бумагах ты найдешь кое что* по этим вопросам, в частности – в тетрадях эксп. записей и в отчетах по работам. Второе, что представляют собою эти минералы, в частности графиты, – это соли различн. металлов (чаще всего – железа, также V, Ni) и высокомолекулярных циклических кислот типа графитовой. H, O, N, Fe, Ni, V, S и т.д. нельзя рассматривать* только как примеси: они конститутивные части этих минералов. С этою мыслию я ходил долго, но, не имея возможности сделать дебаеграмму лично, рассказал* все Конобеевскому⁴ и передал материалы для снимка. Конобеевский обнаружил, что действительно Fe входит в крист. решетку и опубликовал работу от своего имени, даже не сказав, кому принадлежит замысел. Впрочем, для интеллигентской сволочи это такой обычный прием, что особого внимания данный случай не заслуживает.

В связи с физ.-хим. свойствами углерод. минералов и хронолог. данными, о которых я писал тебе ранее, можно было бы воспользоваться этими минералами для датировки геол. образований и для уяснения геол. процессов. (напр., как я писал тебе, для доказательства гидро-, а не пирогенезиса гнейсов и др. кристал. пород). Однако, сперва необходимо составить генеал. таблицу этих минералов, установить пути и способы их взаимного перехода и даты каждого из них. Как это сделать – я тебе писал. Конечно, я учитываю, что проделать эту работу быстро нельзя; но и частичное выполнение ее будет приносить плоды. Кроме того, мною уже собрано много данных и

Занесло снегом
по самую маковку...
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

проведена большая эксперим. работа, которой ты можешь воспользоваться. Поэтому, если это возможно, то было бы хорошо тебе углубиться в карбуран (я его не видывал) и др. родственные минералы. Обрати также внимание на работы Стадника по торфу и углю⁵.

Шлихи золота, на которые тебя приглашают, мне что-то не нравятся. Во первых*, направление работ тут будет какое-то случайное, – боюсь – без руководящих замыслов; во вторых*, где золото – там и страсти, ибо золото, по недомыслию, стало фетишем и переоценивают не только его техн. полезность, но даже и рыночную стоимость; много есть более дорогого, чем золото, но несведущие массы этого не понимают и потому скверно настраиваются уже при одном названии этого металла. Работа по углеродистым была бы, полагаю, в духе биогеля. Было бы хорошо, если бы В.И. давал тебе для работы *отдельные* представители углеродистых. А с течением времени из этих кирпичей сложилась бы и цельная постройка.

Работа об определении ваннадия*, присланная тобою, меня заинтересовала; но по занятости другими делами я сейчас не имею возможности проверить ее опытом, да и ваннадиевых* соединений у нас тут нет. Я рад, что ты начал выступать в печати и хотел бы, чтобы поскорее сделал бы то же и Вася.

Недавно я узнал, что по-фарсийски майоран называется мэрзэ. Вероятно тут возможно сближение, и в латинском майоран можно видеть аррадикацию фарсийского названия.

Непреренно сообщи, как устраиваются твои дела с дальнейшими занятиями и как идет учение. Крепко целую тебя, дорогой.

Дорогая Тика, всякий раз, как открываю ваши письма, попадают мне либо бабочки, либо стрекозы, и всякий раз я ими люблюсь, такие они нарядные и такие непохожие на мою жизнь. И мне кажется, будто ты с Миком залетели ко мне. Только вспоминается при этом, как однажды я приехал из Москвы, вы вдвоем сидели, обнявшись, на тахте у печки и плакали и притихли, т.к. мамочка была больна. А мне больно вспоминать, т.к. я вижу вас в таком положении, как на картине, которая застыла перед глазами.

П.13. Вчера мне рассказывали* о местечке (или городе) Бендер-Аббас, на берегу Персидского залива. Это – самое жаркое место по берегу Персидск. залива. Летом здесь растения пересыхают, все, кроме финиковых пальм. В конце апреля кончаются арбузы, дыни, помидоры, бадраджаны и всякая зелень. Рыбу уже в апреле месяце продают только до 9 ч. утра. Кошки и собаки с апреля сбегают в горы, а если какие останутся на лето, то мрут от жары. Только люди выдерживают, но сидят целый день в кувшине с водою. Как-то в Бендер-Аббас прибыл наш пароход, с товаром. Кочегаров вытаскивали из кочегарки и поливали из шлангов водою: было забавно смотреть, как черные негры покрывались белыми пятнами и постепенно белели. Пароход посетила жена какого-то служащего. Хотела спуститься вниз и взялась за поручни (перила) голыми руками: ладони сразу покрылись волдырями. Полагается братья за перила, завернув руки в паклю.

В прилив собаки ложатся на песок и радуются, что их заливают водой; в отлив же они не имеют сил догонять воду,

которая от них все время уходит, и потому страдают. Сообщил об этом своей Буське. Крепко целую свою дорогую Тику.

Дорогая Оля, недавно попала мне книжонка Сергеева-Ценского «Невеста Пушкина»⁶. Книжонка неряшливая, достаточно безграмотная и напоминает исторические романы – приложение к «Родине»⁷. Не стал бы говорить о «Невесте Пушкина», если бы не одно замечание о Нат. Ив. Гончаровой, теще Пушкина, которая заострила во мне чувство наследственности. Я знал (слегка лично и по рассказам* – подробно) Ек. Ник. (?) Гончарову⁸, не то внучку, не то правнучку Нат. Ивановны. Это начальница т.н. Кротковского приюта в Загорске (где теперь фабрика игрушек). Но представь, эта Ек. Ник. – точная копия Нат. Ив-ны, и внешностью, и характером и повадками. Когда я читал «Нев. Пушкина», то предо мною вставал образ Ек. Ник. То же самодурство, та же взбалмошность, то же отношение к деньгам, та же склонность быть предметом восхищения и те же следы былой красоты. Передача свойств на протяжении более, чем сотни лет!

Слышал я забавную историю из области строительства. В Варшаве, в довоенное время, один богатый и взбалмошный гражданин был не в ладах со своим подрядчиком. Последнему было поручено построить во дворе отдельную уборную, из кирпича. Но на вопрос о высоте постройки хозяин не давал определенного ответа: «Начинай строить – класть стены, а когда будет довольно – я скажу». Постройка началась. Хозяин в это время закутил на длительный срок и о постройке забыл, а подрядчик, опираясь на его формальное распоряжение, строил и строил. Когда наконец хозяин хватился, то были возведены трехэтажные стены, так что уборная высилась как башня и была предметом насмешек в городе.

Теперь о Шекспире. Нет ни одного поэта, который передал бы в такой полноте и с такою правдивостью весь диапазон человечности, – если разуметь под этим словом человеческие чувства и страсти. Самое низкое и самое высокое проявление человека охвачено его поэзией. Но здесь не найдешь светоносного. Такова природа исторического зона (замкнутого историч. цикла), который начался с эпохи Возрождения и кончается на наших глазах, можно сказать, по существу закончился

с XIX веком. С этим связано и господство содержания над формой, стремление видеть в форме не образующее начало, а сумму, итог, равнодействующую содержания. Шекспировские вещи лишены самодовлеющей формы, хотя их нельзя назвать безформенными: строение определяется взаимодействием отдельных частей, но не определяет их. Это нагромождение, само собою складывающееся в нечто, подобное формам скал, обвалов, торосов – обладающих своеобразными и живописными формами, м.б. более живописными, чем получаются при искусственном оформлении, но не дающими впечатления деятельности творческого разума. Это относится и к содержанию. Произведения Шекспира пронизаны глубоким умом, но умом имманентным (внутренно* присущим) образам и речам, так что ума писателя вне образов не видишь. Вообще, не видишь самого писателя – и в том загадка Шекспира. Крепко целую тебя, дорогая.

Конверт (162×115 мм) стандартный, белый, маркированный, с агитационным текстом на обороте. Штемпели: Рабоче-Островск – 04.03.36; Загорск – 06.03.36.

Адрес: «г. Загорск (б. Сергиев) Московской области, Пионерская, 19. Анне Михайловне Флоренской». Чернила черные.

Надпись внутри конверта на клапане: «Флоренский Павел Александрович. Сп. 2. Доп. 1».

Надпись, сделанная А.М.Флоренской: «Получ. 1936 г. 7/III».

Письмо на двойном листе (355×223 мм) пожелтевшей нелинованной бумаги. Чернила черные.

1. Бендер-Аббас (до 1622 г. Гамрун), порт на юге Ирана на берегу Персидского залива. Климат тропический. Ср. температура января +19° С, июля +32° С.

2. Б.Броди, химик, профессор Оксфордского университета. В области органической и неорганической химии ему принадлежит немало весьма интересных и важных работ, например таких, как исследование серы, графита (графитовая кислота), изучение реакции окиси углерода с калием, известный синтез болотного газа из окиси углерода и водорода и др. Броди – автор реакций на минералы карбурана.

Карбуран – это карбиды урана и карбиды тория, попавшие на Землю из космоса как углеродные формации и элементы VII периода таблицы Менделеева. Существует также определенная связь между нахождением в земной коре радиоактивных элементов и нефтегазо-

Наталья Ивановна
Гончарова, теща
А.С.Пушкина.
Неизвестный
художник. 1800-е гг.
Калужский областной
краеведческий музей

З/к Наталья Ивановна
Гончарова.
Фото 1928 г.

проявлениями. Так, в пегматитах Северной Карелии был найден битум с содержанием урана в количестве 54,2 % золы. Карбуран найден также в горных породах Канады, Австралии и других стран.

3. Отражательная способность, например, витринита меняется в зависимости от степени его термометаморфизма, что успешно применяется в геологии.

4. С.Т.Конобеевский, физик, членкор АН СССР (1946). Сотрудник ВЭИ (1922–1927). Труды по рентгеновскому структурному анализу, металлоскопению и физике металлов.

5. Г.Л.Стадников, российский химик. Основные труды по органической химии и углехимии. Открыл (1906) совместно с Н.Д.Зелинским названную их именами реакцию получения альфа-аминокислот. Объяснил (1965) процесс самовозгорания углей и предложил способы распознавания самовозгорающихся пород. Установил природу сапропелитов. Развивал органическую теорию происхождения угля и нефти.

6. *Сергеев-Ценский С.Н.* Невеста Пушкина. М., 1934.

7. Ежедневный журнал «Родина» по истории России, основан в 1879 г., закрыт в 1917 г. С января 1989 г. возобновлено его ежемесячное издание.

8. Сомнения П.А.Флоренского в отчестве Е.Гончаровой правильны. Это Екатерина Ивановна Гончарова, внучка тещи Пушкина Н.И.Гончаровой, в иночестве Сергия, настоятельница Александро-Мариинского дома призрения в Сергиеве.

Сестра Екатерины Ивановны Наталья Ивановна Гончарова (полная тезка своей бабушки) вместе с П.А.Флоренским (в числе прочих 82 арестованных) проходила по «Групповому делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской обл., 1928»».

Р.Н.Литвинов – В.С.Литвиновой

8 февраля 1936 г.

О. Соловки

Милая и ненаглядная Пси! Уж не знаю, сколько времени нет от тебя письма, так что я в состоянии меланхолии, хотя для этого объективных причин нет. Все как будто бы в порядке, и здоровье, и работишка, даже погода и сожители. Писать-то в сущности больше нечего. На этом, в сущности, и следует закончить письмо, потому что все остальное будет только вариациями на эту тему. Единственно приятное, что со мной случилось, это прошлой ночью я видел тебя во сне. <...> Сон был совершенно несложный. Я сидел на каком-то диване, мне совершенно не знакомом и несколько покосившемся, ближе к правому краю, а слева сидела ты, близко ко мне прижавшись. И я был очень доволен. Вот и все. Хотя ты, конечно, и жесткая дама, не пишешь мужу, вероятно, после получения рисунка

Заснеженная
стена из валунов.
Фото Г.В.Смирнова.
2008 г.

с моим изображением, недовольная общим его видом. А я беспокоюсь и о Колькином здоровье, и о тебе. Открытка, с пятью словами, вовремя брошенная в ящик, может на несколько дней успокоить, хотя письма идут так долго, что имеют почти только историческое значение.

Теперь начну разбирать элементы моего житья. Момент астрономический: дня прибыло существенно много! Светло с 9 до 5 и сегодня (это переход к метеорологии) ночью были видны звезды, что по здешней облачности большая редкость. Зима все время стояла мягчайшая, но в конце января был один день [градусов] на 20, но только один, а на следующий день уже было меньше пяти. Сегодня завернуло опять холодом, градусов под 20, но надо думать, что ненадолго, до первого облачного дня. Так как воздух тут вообще влажный, то похолодание вызвало ледяной туман и солнце было в радужном кольце, очень широком и красивом.

Относительно изображения моего – мне предложили сделать его красками, а так как холста нет, то хотят сделать его на фанере. Я не отказался, но задумался о том, как его переправить своей Ва, потому что, вообще говоря, своими изображениями не заинтересован. В обществе нашем много живописцев, за которыми не живописцы гоняются с просьбой увековечить. Есть и курьезы, даже анекдоты, например, как один урка (что значит, по существу, уголовный рецидивист) выманил у одного служащего денег, махорки и продуктов за семейный портрет. Рисовал его дней пять и не показывал. Когда же заглянули, то оказалось там три кружка неправильной формы, потому что он вообще рисовать не умел. А со мной наоборот. Уже второй живописец соблазняется моей бородой, а один даже сказал, что я ему напоминаю Леонардо да Винчи, так что ему будет приятно меня изобразить. К сожалению, у меня мало времени для сидения (перед живописцем, конечно), и поэтому пока что художествами я не занимаюсь.

Занятия высшей математикой тоже как-то замерли. Нет подходящего помещения, да и энергия как-то упала. Главная беда – это память. Все вылетает, особенно имена. Это чувствуется особенно резко вечером. Хочешь вспомнить и не можешь. Даже мучаешься. А к утру, глядишь, и вспомнишь. Развилась рассеянность, к которой у меня всегда была склонность. Пойдешь

в цех по делу и, дойдя туда, забываешь по какому. Но так как это вообще явление распространенное, то на это никто внимания не обращает. Я спрашивал одного опытного сидельца, который проделывает¹ Соловки вторично, остается ли «на воле» это поглупение. Он ответил, что нет, сохраняется примерно месяца на три–четыре, а потом начинается возрождение. При втором попадании все, видимо, восстанавливается. Из наших новостей самая сенсационная – это то, что после отбытия половины срока можно подавать прошение об освобождении. Но так как до половины срока у меня еще много времени, то это меня пока что не волнует и не утешает.

Что еще нового пр[о]изошло за период между письмами? Появился на горизонте один американец, с которым я веду беседы по-английски и как будто бы делаю заметные успехи, по крайней мере, начинаю его вполне отчетливо понимать и сам коверкая довольно смело английские слова, сооружая довольно длинные фразы. Здоровье мое исправно. Пару дней кашлял, а теперь перестал. Читать, как я уже писал, и некогда и нечего. Англ[ийские] романы безнадежно прочитаны. Случайно попался роман еще не читанный – знаменитая Трильба¹, и притом в двух томах. Поглотив ее, я принялся за историческое сочинение о Русско-турецкой войне, книгу толстую и притом мелким шрифтом, так что видно, что ее хватит надолго.

Из области снабжения: в ларьке появился чай по общесоветским ценам. Правда, что у меня еще сохранились запасы посылочного чая, но во всяком случае, когда они окончатся, я могу прикупить еще и еще. Обеды в столовой несколько испортились, но говорят, что это явление временное, из-за задержки наряда и что на днях будет по-старому, а может быть, и лучше старого. Поживем, увидим. Но и этот, временно ухудшенный обед меня вполне насыщает, хотя нужно сказать, что аппетит у меня хороший. Самое приятное в суточном питании – это чай в перерыв на службе. Возьмешь кружку круглого кипятку и пьешь чай по-китайски – а китайцы пьют, заваривая чай в чашку. И в самом деле, оказывается очень хорошо. Заодно нужно сказать, что у меня целых три кружки – для дома, для службы и для гостей. Теперь сооружаю себе новый чайник

¹ То есть попадает на Соловки по делу.

такого типа и материала, который мне нравился. Тут мы компанией – жильцы одной комнаты, заказали себе в мастерских чайник. Я говорил, что нужно заплатить подороже и заказать медный, луженый, но публика решила сэкономить и заказала жестяной. Но тут поразительно едкая вода. Через три недели жесть стала, как решето, так что отремонтировать чайник оказалось совершенно невозможным. Поэтому мы пока что живем за счет чужого чайника. Но на днях можно будет пить из моего нового. Насчет одеяла приняты меры и обещали на днях устроить казенное. Это довольно трудно, но, видимо, возможно. Нужно сказать, что я, в сущности, мог бы пользоваться в виде второй покрывки своим серым пальто, но пока что оно, свернутое в виде подушки, лежит под тюфяком, для того чтобы было выше голове. Хожу в валенках и благодарю судьбу за то, что ты тогда их купила и дала в путешествие. Калоши, ботинки – все это уплыло в вечность, а валенки, сапоги и полуботинки служат верой и правдой. В чем я ощущаю необходимость – это,

Ворона.
Фото Г.В.Смирнова.
2009 г.

пожалуй, в паре французских булавок. Письмо это я опущу завтра, приписав пару строк. Ложусь спать. Спи и ты спокойно, любимая! Кажется, все бы отдал за то, чтобы быть с тобой, да только отдавать-то нечего!

В сущности, нужно признаться, я поджидал письма от тебя. Но его сегодня не было, хотя почта была большая. Следующее письмо напишу Коле, может быть, он будет более исправным корреспондентом. Привет бабушке и родственникам. Кольку целуй. Вспоминай обо мне, Варенька. <...> Крепко тебя целую, любимая.

Твой муж Р[оман]

1. Роман популярного английского художника, графика Дж.Дюморье «Трильби» (1894).

Фото Г.В.Смирнова. 2008 г.